

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

Главный редактор:

М. Н. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)

А. Г. Байбородин (Иркутск)

П. В. Басинский (Москва)

А. В. Кирилин (Барнаул)

В. М. Костин (Томск)

А. К. Лаптев (Иркутск)

Г. М. Прашкевич (Новосибирск)

Р. В. Сенчин (Екатеринбург)

М. А. Тарковский (Красноярск)

А. Н. Тимофеев (Москва)

А. Б. Шалин (Новосибирск)

Михаил Косарев

ответственный секретарь

Лариса Подистова

начальник отдела художественной литературы

Марина Акимова

редактор отдела художественной литературы

Татьяна Седлецкая

редактор отдела художественной литературы

Михаил Хлебников

начальник отдела общественно-политической жизни

Евгения Акимова

редактор отдела общественно-политической жизни

Дмитрий Карасёв

редактор отдела общественно-политической жизни

Корректурa: Н. С. Астанина

Верстка: О. Н. Вялкова

2/2023

Содержание

ПРОЗА

Янга АКУЛОВА. Преступная гардеробщица. Роман. Окончание.	3
Андрей КОРОЛЕВ. На краю рая. Рассказы.	77
Олег УШАКОВ. Гуц и святой чай. Рассказ.	91
Анна БЕЗУКЛАДНИКОВА. Па-па-па-а. Рассказ.	108
Олег ЛУЗАНОВ. Порток. Рассказ.	111

ПОЭЗИЯ

Владимир ЯРЦЕВ. Я снова о дождях... Стихи.	68
Ольга ДОМРАЧЕВА. Холодовой. Стихи.	105
Анна АРКАНИНА. Где мерзнет живая вода. Стихи.	122

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Константин ГОЛОДЯЕВ. О женском движении 1930—1940-х годов.	125
<i>Народные мемуары</i>	
Ирина ЛЕВИТ. Англия по-сибирски, или Воспоминания об Англии, когда там почти не было русских, тем более сибиряков. Окончание.	130

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Дмитрий ЕРМАКОВ. От земли. Василий Шукшин.	159
--	-----

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Издано в Сибири.	184
-----------------------	-----

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ

Инна КИМ. Разговор по душам.	187
--	-----

Авторы номера	191
---------------------	-----

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ранее опубликованные (в том числе в газетах и сети Интернет) произведения не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Главный редактор, директор ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни»» М. Н. Щукин.

Янга АКУЛОВА

ПРЕСТУПНАЯ ГАРДЕРОБЩИЦА

Р о м а н

4.

Выйдя из укрытия, Надя потянулась было на сцену, к Пантере-Зебре, — вызнать, как они с Гречаниновой и со всем своим «садиком» докатились до жизни такой, но остановилась. Анна, наверно, уже с ума сходит, потеряла ее.

«Ладонь к груди... Тиражировать мой жест! Ни за что так больше не сделаю!»

Гранитное фойе сквозняками моментально выветрило все приятно-волнующие впечатления, стерло улыбку и напомнило о неутешительной прозе. Чем-то закончатся ночные похождения? Ведь хватит же кто-то в конце концов этой треклятой шубы!

Никогда еще возвращение на рабочее место не казалось таким похожим на дорогу в тюрьму. Ноги не шли. Каждая новая щель, разделяющая напольные плиты, казалась ловушкой. Большое открытое пространство пугало: на нем так легко вести слежку. А вдруг в конце пути Надю уже ждут?

...Какой-то человек беседовал с Аней, навалившись локтями на барьер. Не в форме, в простом костюме. Но при этом держал перед собой открытый блокнот — для записи.

Аня слушала его с чуть заметной улыбкой. Улыбка — это хорошо. На допросах редко улыбаются. Она, кстати, молодец: губы подкрасила — выглядит... куда там скандинавским кинодивам!

Привычной «вертушкой» Надя перенесла себя на рабочее место, все же не без опаски поглядывая на человека с блокнотом.

— Поклонник мой, — равнодушно доложила Анна, когда тот наконец отошел. — С сынишкой на спектакли ходит. Все телефон мой спрашивает. Как будто он у меня есть!

«Во дает! Ее и впрямь никакие похищенные шубы не волнуют».

— Слушай, Ань, а ты платье не отнесла, что ли? Сейчас такое было!

— Как не отнесла? Прямо в котел и бросила. Да я слышала, у них там с вытяжкой что-то. Решетка какая-то сломалась... Главной-то нет, жаловаться некому.

Надежда не стала больше задавать вопросов. Особенно про решетку. И про главную.

«Пример надо брать с коллеги, вот что. Хватит трястись!» И скормандовала себе спокойно сесть в кресло, даже практически улечься, положив ноги на табурет...

— Надежда Владиславовна! Где ваш персональный бейдж? — Перед Надей стояла главная, живая и здоровая, правда, немного пятнистая лицом.

Как всегда, неясно было, действительно ли ей нужен ответ.

— Вы ведь, кажется, грамотный человек и должны понимать, что администрация несет расходы на полиграфию не из-за прихоти...

«И как им это удастся? Каждый раз поражаешься, как в первый. Что это, долгая тренировка? Или специальный орган, который вырабатывает эту вдохновенную назидательность, эту — прочнее резиновой дубинки — уверенность в своей правоте? У рожденных быть администраторами он точно есть.

Да какая разница, где мой бейджик! Я его потеряла. Осточертел он мне, вот что. Приклейте его себе на лоб и ходите с ним по главной улице с оркестром», — сонно думалось обнаглевшей Надежде.

— ...придется вычесть из вашей зарплаты. Очень жаль. Вы не оправдали наших надежд.

«Ах! Надежда не оправдывает надежды — какой пассаж!.. А халат? Она что, не заметила?»

И Надя проснулась.

«Как она могла не заметить? Уф-ф! Что это было?»

Она сидела возле своего барьера, одна. Поодаль Анна мирно мастерила что-то на спицах. Или делала вид, что мастерила, а на самом деле спала. Это была одна из маскировок ее сна.

Тревога нахлынула с новой силой.

«Где администратор? Книжку обещала мне сегодня вернуть...»

Надя выпрямила затекшие ноги и поболтала ими в воздухе.

«Ой! Что-то здесь не то... И никто ничего не знает. А Тигрица? С такой поспешностью отбыла — якобы за рубеж».

Вдруг голова сама безотчетно повернулась туда, где раскинулся зимний сад, — к окну. Такое бывает, когда чувствуешь чей-то взгляд.

В просторном фойе не было ни души.

«Ох, нет, не могу усидеть, не в состоянии!»

Надя принялась ходить взад-вперед вдоль своей стойки. Сколько же под той успело всего скопиться! Среди хлама и настоящая ценность — рюкзак с боксерскими перчатками из Галиной с Виктором гримерной.

«Вот они-то мне и нужны!»

От нетерпения она не сразу развязала шнурки, но когда это удалось и руки были уже в этих ярко-красных пухлых красавицах, спать совсем

расхотелось. Ничего, что Микки-Маус смотрелся бы в них немногим воинственнее.

Надя оглянулась по сторонам — фойе по-прежнему было пустым. Справа спала Анна, слева двойняшек как языком слизнул... какая разница кто.

Она прошла вглубь между вешалок и встала в стойку. Она же видела, как боксеры это делают. Руки накрест: одна обороняет лицо, другая — грудь. И прыжочки, прыжочки... Невысокие, но такие пружинящие...

Гардеробщица-боксер прыгала, как мячик, выбрасывая вперед то одну, то другую руку, посылая удар за ударом в висящую дубленку. И звук что надо!

«Да я прирожденный боксер! Я же знала, я чувствовала!»

— Гх-гх-гхы... Извините, ради бога...

Надежда застыла в стойке, освоенной, как ей казалось, в совершенстве, и оглянулась на голос.

По другую сторону прилавка прямо напротив нее стоял...

«Господи, нет!»

Да. Это был он. Вор! Вихрастый, встрепанный, на лбу ссадина, но под пиджаком белая рубашка — опять белая! Долговязый, как строительный кран.

Уронив отяжелевшие вмиг руки, Надежда даже присела слегка. Точнее, осела.

Вор суетливо полез во внутренний карман довольно приличного твидового пиджака. Надя прытко вздернула руки, прикрывая голову перчатками...

— Надежда Станисла... Владиславовна, извините...

Она вновь опустила руки — не оттого даже, что он назвал ее по имени-отчеству, а оттого, что, допустив ошибку, извинился.

— Я вам все объясню. Вот мое удостоверение. Взгляните...

Он пригладил комсомольские вихры и, перегнувшись через прилавок, протянул Наде какую-то картонку.

Надя была статуей боксера, забывшего, что такое бокс.

— Пожалуйста... Я не хотел бы, чтобы меня здесь видело большое количество народа.

«Еще бы!»

— Давно уже ловлю момент, чтобы с вами поговорить. Да, кстати, и отдать вашу связку ключей.

Надя вздрогнула. Бежать некуда. С двух сторон она была зажата рядами одежды, сзади стена, впереди... Кто? Вор? Ерунда, ей-богу, какая-то! Если бы он был воровом — чего бы ему надо было от нее, которая копит на канаве с сыром?

— Нам *срочно* надо переговорить, поймите! Оставляю свой документ — я вам доверяю — и жду вас вон там, в коридоре, возле первой лестницы.

Он махнул рукой в ту сторону, откуда Надя недавно вернулась, и пошел прочь, озираясь по сторонам, явно нервничая.

«Доверяет он! Какая честь!.. После того, как я в чужой шубе ушла».

Возможность двигаться вернулась. Стянув перчатки — руки в чем-то белом выпачкались, — Надя схватила двойную картонку. Егоров Дмитрий Михайлович, агент частного сыскного бюро... с каким-то идиотским названием. Фотография «вора» и печать.

«Что ж, ну и к лучшему! Сколько веревочке ни виться...»

Сложив перчатки назад в рюкзак (в чем это руки?), Надя хладнокровно «вертанулась» наружу и еще раз развернула удостоверение. О сыскных органах и обо всем, что с ними связано, она имела примерно такое же представление, как о последних достижениях современного кролиководства. Любому ничего не стоило ввести ее в заблуждение.

«Вот хитрый Дмитрий! Возвращай теперь ему удостоверение».

По мере приближения к месту «стрелки» Надежде все меньше хотелось выглядеть простофилей, неспособной отличить процессуальный кодекс от уголовного...

«Господи! Да я ведь и правда их не отличу!»

— А я вот слышала, что удостоверения, вообще-то, не принято в чужие руки передавать.

— Так это только из-за вас! Я уж и не знал, как к вам подойти... Вы наверняка видели, как меня повязали и вели тогда к машине... — нервно оправдывался детектив.

Надя протиснулась под лестницу, в узкое пространство между ступенями и окном. Там была нелегальная курилка, из которой обычно всех гоняли.

— Тащили, я бы сказала. Или волокли.

— Значит, убедительно все было? — Дмитрий вроде сразу расслабился.

«Что? Подставной вор? Зачем?!»

— Так. Давайте по порядку. — Успокоившись, сыщик сразу начал строить из себя начальника. — Кто я, вы уже знаете...

— Вовсе не уверена! Может, вы такой же детектив, как и вор.

— Вот паспорт.

— Да не нужен мне ваш паспорт.

— Ох, сколько мы теряем времени! Прошлой ночью вы чуть не сорвали операцию по... Можете объяснить, что вас привело около двух часов ночи к кабинету директора театра?

— Что?! Допрос?! Больше ничего не хотите? И кстати, о времени — буквально через пять минут я должна буду вернуться на свое рабочее место.

— Ясно. — Горе-сыщик совсем сник. — В общем, так. По заявлению... своего друга... Да, так получилось — он обратился к нам, мне поручили разобраться... В общем, надо спасти одну девушку. А может, и не одну...

«Тысячи девушек...»

— Остальное я расскажу вам при следующей встрече.

— При какой еще «при следующей»?!

— После окончания вашей смены. Буду ждать вас... здесь же.

— Нет, это просто... Вы что, мне приказываете?!

«Что ж он тянет про шубу? Чтоб ему!..»

— Когда вы узнаете, в чем дело... Как человек сознательный, вы поймете, что должны были...

«Н-да. Нескладно... Наивно, в общем. Опыта, видно, никакого».

— Только, само собой, о нашем разговоре — никому. До встречи?

Надежда дерзко, как ей показалось, вскинула на него взгляд:

— А про шубу вы ничего не...

«На воре и шуба горит».

— Какую еще шубу? О чем вы? — воскликнул сыщик, вновь начиная нервничать, как начальник отделения, у которого нигдешний процент раскрытия. — Лучше бы объяснили, зачем вы там, возле лестницы, разбрасывали их по одному! — И протянул Наде ее ключи.

Вернувшись за барьер, Надя неожиданно поймала себя на том, что улыбается, причем глупой улыбкой, как она это умеет.

«Небось всю ночь голову ломал — и зачем я их там разбрасывала по одному! Чтобы выросло деревце, увешанное маленькими новенькими ключиками. Вот зачем!»

Однако многострадальная связка ключей не произвела должного впечатления на ту, кому она предназначалась. Анна даже в руки ее не взяла. Бегло просмотрела и сказала, что подходящего нет. Вот это память!

Поток юнг с их родителями не заставил себя ждать. Как нахлынул, так и схлынул. Надежда присела, как ни странно, не чувствуя усталости. Последнюю, похоже, вытеснило... любопытство. В сбивчивом изложении начинающего детектива проглядывало нечто созвучное Надиным собственным смутным... не догадкам даже — предчувствиям или предостережениям... В одиночку этому «профессионалу», устраивающему фокусы с удостоверением, вряд ли справиться. Вот только в помощники он выбрал... Уж лучше бы один.

Ох, странно все это! День прошел — никто про шубу ни гу-гу. Выходит, Аня была права? Вон снова этот коллекционер телефонов возле нее... Вдруг отпрянул, будто в него плеснули водой. Сгреб в охапку свою дубленку и потопал восвояси, не оглядываясь.

— Я бы этих мужиков... Ведь женат, паразит, а туда же — за локоток! — пожаловалась Анна.

Надя была рада отвлечься от своих дум о необъяснимом, поговорить хоть о чем-то земном.

— Ну ты уж... Всякое бывает. Жена, видно, не подарок — если даже в театр только он и ходит с дитем. А может, и ходит-то только из-за тебя! Другая бы не стала его гнать.

— Другая? Конечно, артистка какая, может, и не стала бы!

«И что ей артистки плохого сделали? Сама, между прочим, похожа на одну».

— Ты чего домой не идешь? — отчего-то недовольно спросила Аня.

— Да мне тут еще... мешки для обуви складывать. Ты не жди, тебе ведь на электричку.

Анна, перестав застегивать пальто с песцовым воротником, зачем-то открыла свою тумбочку иллюзиониста и остановилась перед ней в замешательстве.

«И чего она там копается?»

Надежда, в свою очередь, продолжала без помощи утюга доводить до совершенства линии сгибов серых холщовых мешков, куда зрители складывали уличные сапоги и ботинки, переобуваясь в туфли.

«У нас что, соревнование на преданность рабочему месту? Не связано ли это с пушистым чудом-юдом?»

Некоторые вопросы лучше оставлять у себя в голове, а не произносить вслух.

— Опять ты... — только и сказала Анна. Махнула рукой, с досадой захлопнула свою тумбочку и была такова.

«Деловой, куда деваться! “После смены”. Как будто это так легко — чтобы ни у кого не возникло никаких дурацких вопросов, никаких подозрений...»

Прощупывая в сотый раз фойе на предмет наличия в нем сотрудников, Надин взгляд вдруг споткнулся на тропическом острове под стеклом.

То есть острова-то, к которому привыкла Надежда, и не было. Потому что исчезло все зеленое. Свечения не было — и ничего не было.

Изо всех сил напрягла зрение: стекло вроде на месте, но перестало быть прозрачным, что ли? Остров потух. Умер? Кто-то его прикончил? Сколько ни всматривайся — туман какой-то...

Тем временем фойе опустело, можно было двигать на «стрелку». С гораздо большим удовольствием Надя разыскала бы Марго. Как они там все после утреннего художества? Живы?

— Совершенно непонятно... Какая-то девушка... А я тут при чем? — выпалила она, увидев сыщика Дмитрия возле лестницы.

— Да не об одной девушке речь! Давайте наконец присядем и поговорим спокойно.

В обозримом пространстве присесть можно было лишь на цементный подоконник широкого заледенелого окна. Практически на льдину.

— Уж лучше в гардероб, что ли. Там уже все разошлись.

Угол, в котором гнездились списанные кресла, оказался намного комфортнее. Надю к тому же никто, даже если бы проходил мимо, не увидел бы из-за барьера. А вот макушка сыщика торчала поверх спинки кресла.

— Сказать честно, я недавно в агентстве. Учился-то на актера, но быстро понял, что это не мое. Немужская профессия. Да и вообще... Театр, по-моему, уже просто пережиток и прогнил до основания...

— Так вора вы *сыграли*?

Растопырив граблеобразно пальцы, детектив резким движением пробороздил ими шевелюру, отбросив комсомольские вихры назад.

— В общем, да. Пришлось. Дело, которым я занимаюсь... Действовать через официальные органы тут сложно, одним словом. Фигуранты там... А Ромкина девушка танцует здесь в молодежном

ансамбле. И кроме того... Ну, в общем, еще до того, как он с ней познакомился, ее, оказывается, заставляли...

— Стриптиз! Она в стриптизе, да? — озарило Надежду.

— Ну, там... Все шло к тому, что не только это, по словам Романа. Но с тех пор как они вместе, она с этим завязала. И вроде от нее отстали. Но сейчас опять... — Он поднес незажженную сигарету ко рту, нерешительно подержал и опустил, так и не закурив.

— За этим за всем стоит директор театра?

— Откуда вы знаете?

— Да так... Прошлой ночью...

— Об этом мы еще поговорим. Ну теперь вам, по крайней мере, ясно, что я неслучайно оказался тогда в кабинете директора?

— Искали какие-то документы?

Дмитрий только усмехнулся: мол, такой и рассказывать ничего не надо — ну все знает!

— А что ж так неосторожно-то? В разгар рабочего дня...

— Да Ромка же и подвел. Приятель.

— Ромка... Роман? Стойте! А девушка его... Ирина?

— Ну вы прямо на лету... А попался я тогда потому, что, по его информации, Тигрица находилась в другом городе.

Надежда усмехнулась про себя: «Тигрица! По-нашему Шерханиха».

— Трудно было выкрутиться?

«Лучше бы все-таки его макушка не торчала над спинкой кресла».

— Да как вспомню... Шеф вызволял. Прокол жуткий, конечно...

— Ну а я-то при чем? Зачем я вам?

— Вы можете помочь.

Надя тихо рассмеялась:

— Хоть что-нибудь должен сыщик смыслить в типах личности!

— Про тип не знаю, а рост у вас как раз подходящий.

— Рост? Вы что, хотите меня в какую-нибудь форточку, да?!

— Не совсем... Вчера я подумал: мало ли, может, у вас тоже какое-то дело к директору, раз вы пробрались на этаж, где ее кабинет, в два часа ночи...

— Да я просто хотела в душ!

И Надежда рассказала о «радиопостановке», подслушанной из душевой.

— Ну вот! А я, пока гонялся за вами, пропустил...

Тут они оба услышали тонкий скрип. Оба повернули головы в сторону зимних джунглей.

— Пригнитесь! — прошептала Надя.

— Зачем? — тоже шепотом изумился сыщик и съехал пониже в своем кресле.

— Голова видна... За мной тоже кто-то оттуда наблюдал — днем.

— Днем — это был я.

— Ах, ну да, я же знала... Но сейчас, по-моему, смотрят не из тех зарослей, что у окна, а из других — под лестницей.

Там, внутри джунглей, скрипнула дверь. Должна же там быть какая-то дверь? Больше скрипеть нечему.

— Садовник-невидимка? Раз днем его не видно, может, он по ночам работает? — продолжала шептать Надежда, как Анна, сдавленно, панически.

— Думаете, я первую ночь в театре? Нет тут никаких садовников.

«Сказал тоже! Нет садовников! А это все само здесь растет и благоухает — по собственному желанию».

— Слушайте, Дмитрий! С этим аквариумом сегодня что-то... Подсветки нет, и он запотел, смотрите... — И посмотрела снова сама.

Никакого тумана, стекло было прозрачным, только местами в потеках.

Надежда опять, как днем, стала всматриваться в застекленный участок зелени, не понимая, что там не так.

— Пойдемте поближе — поглядим.

— Да я как-то не очень по части ботаники...

— Ну вы просто... ничего не понимаете! Знаете, что сегодня главный администратор не пришла на работу? А почему запотеваешь стекло, знаете? От разницы температур. А откуда она взялась, разница температур?

Детектив был непробиваем. Ни в физике, ни в химии — никакой.

— Вы что же думаете, администратора убили и закопали там, под бананом?

— Да вы что! Я вам про разницу температур. От трупа какая температура? Стекло запотеваешь от дыхания. Может, там в обмороке кто или связанный лежит? Я же вам только что рассказывала! Табаки готова была просто придушить свою подружку, когда за ней побежала. Но, скорее всего, атака была отбита, так что кто из них под бананом — неизвестно.

— Ну и фантазия у вас! Меня, честно говоря, больше интересует местонахождение директора.

— А директор скоростно отбыла за рубеж. Точнее, она хотела бы, чтобы все так думали.

«Или кто-то другой хочет, чтобы все так думали?.. Мятежный режиссер?!»

— Не пойдете — я одна пойду.

Прильнув к стеклу, она сходу заметила, что листья банана у противоположной стены охвачены легким трепетом. А что же там, за ними? Опять мешало матовое пятно — теперь уже от ее собственного дыхания.

— Стекло продавите.

От неожиданности Надя отпрянула от стеклянной стены.

Сыщик стоял рядом и тоже изучал содержимое аквариума.

— Там всего лишь дверь чуть приоткрылась. Вон, видите, щель, — тоном специалиста заявил он.

— Так вот где он заходит! И выходит. Кто-то ушел отсюда какие-нибудь три минуты назад. Если бы вы не спорили со мной... Сыщик, тоже мне!

— Да вот, сыщик! — Дмитрий разозлился, аж покраснел. — Всем со стороны кажется, что они лучше знают и все так просто...

— Смотрите! — похолодев, вновь сниженным до страшного шепота голосом перебила Надежда. — Вниз, вниз посмотрите!

— Ну, земля... Вы же говорите, садовник. Должно быть, рыхлил.

— Но вы же сказали, что нет никакого садовника! И так не рыхлят. Если рыхлят — земля рыхлая. А тут — свежеприотпанная!

Детектив дважды провел ладонями-граблями по волосам, созерцая участок слишком уж черной земли, явно возделанный совсем недавно. Наконец, повернувшись к Наде, изрек:

— Хорошо, что нас двое. Вы остаетесь здесь, на всякий случай, а я...

— Вы серьезно? Где это я остаюсь? С меня хватит вчерашнего! Я иду домой.

— Домой вы не можете... — слегка смутившись, протянул сыщик.

Надежда уставилась на него как на больного, не ведающего о своей болезни.

— Понимаете... Дело в том, что вы уже ушли домой.

— Что? Вы с ума сошли?

— В журнале на вахте уже есть ваша роспись, — сообщил этот чокнутый.

Надежда посмотрела на него в полном отчаянии, собираясь закричать. Но не закричала. Вспомнилось вдруг, как она, увидев его связанного, подумала, что могла бы стать его сообщницей...

— Как вы посмели? — только и спросила она тихо, без выражения. — По-вашему, что — у меня ни дома, ни семьи? Ни позвонить мне не надо, да?

Он вытащил телефон, нажал на кнопку. Хмыкнул, потряс его за чем-то.

— Дьявол, аккумулятор! Конечно, у меня нет никакого права... Но вы хотя бы будете свидетелем, если...

— Я не останусь здесь одна! — всхлипнула Надежда. — Я боюсь! Я администратора боюсь, не то что... И вообще...

Дмитрий молчал, понурившись.

— Хорошо. Идем вместе.

— План театра хотя бы у вас есть?

Они пошли другим маршрутом, не вчерашним.

— Может, сначала все-таки стоило посмотреть, что там, в аквариуме?

— Оно там никуда не денется, а садовника можно упустить навсегда.

— А если он вернется?

— Зачем? Хотя... Ладно. Только быстро! И надо раздобыть лопату... На пожарном стенде!

У долговязых людей голова так далеко от земли, что им невдомек, какво приходится другим — тем, у кого длину ног правильнее было бы назвать коротизной. Надежда напоминала себе малыша на трехколесном велосипеде, старающегося поспеть за профессионалом на гоночном. На полдороге ей это надоело, и она отстала от спутника, даже несмотря на страх быть настигнутой... третьим, неизвестным участником гонок.

— Лопаты нет! А ведь была, я видел! — донеслось ликующее с противоположного конца коридора.

Даже издалека детектив выглядел не на шутку взволнованным. Надеже отсутствие инструмента представилось простой закономерностью:

— Вроде не весна. А спрос...

Прихватив, что было — непонятную штуковину в виде лома с крючком, — вооруженный сыщик вдвое быстрее помчался назад, к месту предполагаемого входа в аквариум.

People are strange,
When you're a stranger...* —

донеслось до Надежды, когда бегун с железным шестом пробежал мимо. От удивления она помчалась за ним, даже не осознав, что ей это удастся — без отставания. «Он что, тоже неравнодушен к The Doors? Ох, нет, не сыщик он! Тогда кто?.. Кстати, вот и наша дверь. По всему, она обязана быть той самой».

Вот только взявшись за ручку и подергав ее туда-сюда, следопыт номер один обнаружил, что она не собирается отворяться.

— Дьявол! Она ведь была не заперта! — Сыщик с новой силой рванул дверь на себя. С прежним успехом.

— Преследователям открывается, что они никакие не преследователи. А преследуемые.

— Ваши ключи при вас?

— Неужели вы думаете, что тот, кто нас видел, что-нибудь действительно оставил для нас под кустиком?

— Вы же сами тянули меня в этот дендрарий! Давайте связку.

Детектив выглядел весьма воинственно со садиной на лбу и со своим стальным орудием в тощих длинных руках. Заполучив ключи, он сложил их вдвое и преувеличенно энергично налег на дверь.

«Медвежатник недокормленный!»

Надежду разбирал смех.

— А это вы меня закрыли в душе? — спросила она вдруг.

На секунду Дмитрий перестал терзать замок.

— Надежда...

— Владиславовна.

— Да. Владиславовна. Вы с такими вопросами... Вы правда думаете, что они могут как-то помочь в нынешней ситуации?

«Про мой плен этот Пинкертон ничего не знает. Да что он вообще знает... Что?! Возвращает ключи? А сам... входит в осьминожий сад!»

Воздух внутри, как и предполагалось, был влажным, почти липким. Пахло мокрой листвой, землей и то ли змеями, то ли большими хищными насекомыми. Это оказался еще и сад камней! Они были разбросаны среди растений живописно-хаотично — крупные и небольшие. Выключатель

* Люди кажутся странными,
Когда ты чужак (англ.).
People are Strange. The Doors

возле двери не работал, знаменитая зеленоватая подсветка не пожелала зажечься.

Хоть что-то нужное было у сыщика с собой — фонарик. Решительным шагбаумным жестом преградив Надежде путь вглубь, к вожделенным филодендронам и агавам (ну как же — лишние следы!), детектив сам крадучись пробрался к притоптанному участку и, пристроив фонарик на ветке неведомого куста, вонзил свой жуткий багор в чернозем.

Надя, хоть и старалась заранее не ждать ничего особенного, содрогнулась от этого жеста: «А вдруг все-таки...» Духота помещения моментально выступила влагой на лбу и ладонях, дышать стало совсем нечем... Она спешно развернулась и вывалилась из стеклянного саркофага еле живая.

«Даже если что-то и было, наверняка его там больше нет. Что это могло быть? И кто же, кто прятал это в тропических зарослях? Если вообще прятал... Не сыщик, а сто рублей убытка! Вместо того чтобы преследовать того, кто... Так. Стоп. Кажется, он и предлагал отправиться за этим кем-то... Все равно дурак! Был бы уверен в себе — не стал бы никого слушать».

Изнутри доносилось натужное дыхание, негромкое чертыханье, иногда скрежет — в здешнем черноземе явно было немало камней. И вдруг — не скрежет, а звон! Просто оглушительный в таком скромном пространстве. Звон металла о металл. Клад!

Взмокший сыщик вылез на свет божий, держа в вытянутой руке, как нашкодившую кошку, грязную круглую коробку с покореженной металлической крышкой.

— Откройте, — хрипло попросил он.

— Почему я?

— У меня руки в земле.

— Ну коробочка тоже, знаете, не из стерильных...

Отложив багор, детектив приподнял свободной рукой крышку. Вымазанную землей крышку — чистым носовым платком, вынутым из кармана! Чуть не носом залез внутрь, посмотрел зачем-то на Надежду — и снял крышку полностью. Видя его недоумение, но никак не испуг, Надя смекнула, что коробочка не содержит в себе ни отрезанных ушей, ни отрубленных пальцев.

— Что, золото?

— Нет, алмазы и рубины, кажется, — севшим голосом произнес сыщик.

Надя заглянула в коробку.

...Ничего более сказочного она не видела со времен своего сладостного детства. Это и правда был клад. Под чудом уцелевшим круглым стеклом (из поломанного будильника, такие были в самый раз) сверкали изумруды осколков бутылочного стекла, кусочки горного хрусталя и перламутра, переложенные разноцветными перышками, обрезками парчи и шелка, самыми роскошными в мире фантиками от конфет. На дне, под всем этим великолепием, лежало зеркало, а к стенкам была прижата фольга, отчего все бесконечно переливалось, играло бликами. Надя знала

толк в этом мини-жанре: это было создание мастера. Сколько она сама их переделала на своем детском веку, этих «секретиков»!

— Вещдок как-никак! Чем черт не шутит?

— Похоже, кто-то над нами действительно шутит, — блекло заключил Дмитрий, внимательно глядя на Надю.

— Что? Я?! — вознегодовала та.

— Почему бы и нет? — все так же индифферентно произнес сыщик.

— Нда-а... Не поспали бы сутки, посмотрела бы я, как бы вы шутили!

— Так уж и сутки! А кстати, куда вы подевались после этой... после красильни?

— Во-от! Наконец-то! Приехали. С этого, вообще-то, стоило бы начать. Расспросить обстоятельно...

— Так я же и хотел! Но вы...

— Что я? Что вы меня все слушаете? В вас должна быть убежденность. Злость, наконец. Хотя бы один из нас двоих должен обозлиться... А то так и будем ходить как на детском утреннике — по чьему-то сценарию.

Дмитрий, отряхивая от земли руки, проронил:

— Я просто думал... Серьезный научный работник...

— Bravo, bravo! Какие познания! Ну а известно ли вам, что прямо здесь, в театре, работает ночное заведение закрытого типа? Прошлой ночью я сама в нем побывала.

Детектив перестал отряхиваться и, не скрывая изумления, ответил:

— Что есть — знал, естественно. «Лагуна». Но... Туда же вход только по членским карточкам!

— Это смотря откуда.

— Что, неужели и туда через вентиляцию?!

Надя молча посмотрела на несчастного сыщика, раздумывая, не лучше ли наконец пойти спать.

— Нет. Через розетку. Электрическую. Там, знаете, дырочки... Слушайте, давайте зароем этот шедевр назад, для грядущих поколений, и довольно, — устало выдала она, подавая Дмитрию круглую коробку.

Тот взял, открыл крышку, еще раз осмотрел содержимое и принялся ковыряться в нем.

— Ну-ка, ну-ка! — Одним движением он приподнял жатую фольгу и сунул под нее свой сыскной нос. — Так и есть! Видите?

Он поднес к Надиному лицу «секретик», в котором теперь можно было увидеть высывающийся из-под зеркала уголок бумажного листка.

Вот и пригодились ее тощенькие пальчики. Не нанеся ни малейшего урона изысканной композиции, Надя извлекла из-под зеркала свернутую вчетверо, как письмецо, бумажку.

Это и было письмецо... Только на больно уж непонятном языке.

Дмитрий, завладев бумажкой, почему-то сразу ввалился назад, в аквариум, будто кто втянул его туда. Осев на первый попавшийся большой декоративный камень, — ну вылитый роденовский «Мыслитель»! —

поднес листок чуть ли не вплотную к носу. Свет падал через открытую дверь из коридора.

Надя вошла следом и тоже почувствовала, что если не присядет сейчас хоть куда-нибудь, то просто упадет. И упала-таки на то, что было, — изогнутый у основания ствол лианы.

— Шифровка, — буднично произнес наконец сыщик, будто видел такие записки пачками каждый божий день. — А в общем, все это игра и желание отвлечь. Нас заманили сюда только с целью сбить с правильного пути.

— Кто? Кто заманил? Главный электрик, Баба-яга или...

Дмитрий вдруг включил фонарь, сполз со своего камня и начал обшаривать растение за растением у их корней.

«Что за манера — вместо ответа уползать куда-то!»

Исследователь стволов выбрался наконец из самого дальнего угла аквариума, держа в руке... обернутую листком бумаги бутылку.

«Ну это уже слишком! Опять послание?»

— «Хеннеси». Коньяк такой. Знаете?

— Кто ж не знает Теннеси.

— Неплохой, между прочим. Бутылка, жаль, початая. Все равно можно, как это положено, использовать для брудершафта... Да?

— Брудер-швестер-шафта... — прошелестела Надежда, тягуче проваливаясь непонятно куда, на полпути подхваченная гибкой прочной лианой — одной, другой...

Струясь, переплетаясь, они образовали убаюкивающий гамак, который раскачивался вместе с ветвями могучего бабаба под безукоризненно голубым небом. Стайки птиц взмывали ввысь, сообщая на ходу, что повсюду только ясно, осадков в виде дождя и снега не ожидается во веки веков.

«Я понимаю их язык. Я — Маугли...»

Возвращение было полным тревоги и вины из-за чего-то невыполненного. Притоптанная земля... Опасность! Чужая шуба... Снова холод, озноб... Ну хватит уже трясти за плечо!

— Да что ж вы так дрожите? Нет, согревающее вам точно необходимо!

— Мы все еще на «вы»? — приходя в себя, пробормотала Надежда.

— Гм... Ладно. Ты так и не рассказала, как тебя занесло в «Лагуну».

Рассказывай по-быстрому!

— Слушай, начальник, я и по-медленному-то с трудом... Я спать хочу. Ну, там... коридоры, коридоры, лесенки разные были... Простеночек для уплощенных кукол... — И вдруг, вспомнив кое о чем крайне важном, Надежда выпалила: — А у тебя пистолет есть?

Дмитрий отчего-то опять сполз вниз и стал водить зажженным фонариком под растениями.

— Ты что? Посеял его?

— Да нет. Мне показалось, кто-то там прошмыгнул...

— Что-о?!

Надежда вскочила, ужаленная не меньше чем целой стаей змей, и бросилась к двери... Она видела, как неподвижная до того дверь вдруг пришла в движение, быстро уменьшая просвет в дверном проеме. Вытянутые вперед руки — чтобы встретить, приостановить это движение — не успели. Оно остановилось само, уничтожив просвет и легонько лязгнув замком. Ладони уперлись в намертво захлопнутую дверь.

— Господи! Да не кричи ты так!

Надя не могла не кричать. Крысы?! Мыши?! Анаконды?!

— Тихо! У меня же ключ есть.

— Кто за нами охотится? Мы что — дичь?! Я не хочу-у-у! Я домой хочу!

— Ладно, ладно. Покажи только, где он, простеночек твой. Дальше я сам.

Надя сложила добытые вещественные доказательства в свою тумбочку и повела навязавшегося на ее голову сыщика проторенным накануне маршрутом.

Однако снова найти это место оказалось не так просто. Помог запах — еще более смачный и дразнящий, чем сутки назад. Надежда по традиции была голодна и, когда они с сыщиком достигли заветного простенка, с болью подумала, как было бы здорово сейчас сесть за стол да перекусить, как это делают нормальные люди.

— Да тут пролезть нереально! — заявил детектив.

Надя, молча, без особых усилий, втиснулась в простенок.

— Вход, вообще-то, с другой стороны! — услышала она незнакомый голос, когда одной ногой была уже в плюшевом заведении.

Лазутчица, пребывая в полурасплющенном состоянии, с трудом смогла повернуть голову. Рядом с Дмитрием стояла высокая девушка, ростом почти с него, похожая сразу на целое созвездие актрис и одетая так, будто держала путь на вручение Оскара, — сверкая плечами, зубами, чем-то в ушах...

— Мы заблудились, — сдавленно произнесла Надя дежурную фразу.

Руководитель операции молчал, уставившись на девушку так, что было ясно: расследование для него уже не так актуально, а вот от желания следовать за блестками, куда бы они ни поманили, ему уже не спастись.

Надя покинула лаз и, выдохнув, изобразила что-то наподобие улыбки:

— Мы просто не хотели через улицу... чтоб побыстрей, не одеваться...

— Ну так можно и не через улицу. Идемте, — сказала девушка, даже не пытаясь казаться приветливой.

И они пошли, накрытые волной французского парфюма, послушные, как два нашкодивших ученика — вслед за учительницей на расправу к директору. Надя готова была стукнуть своего спутника по вихрастой башке — ну хоть бы что-нибудь придумал! И куда он лезет? Нет, в одиночку ему точно не справиться. Недо... недосыщик!

Дмитрий тем временем, приложив ладонь к губам, нагнулся к Надиному уху с многозначительнейшим видом:

- Это Кристина Федоренко.
- А я думала, это Кристина Риччи, — таким же шепотом.
- Она тоже была солисткой в молодежном ансамбле.
- Слушай! Я не хочу в эту «Лагуну» опять. Это заводь, а не лагуна.

Акулья заводь...

— Что вы там шепчетесь, заговорщики? — не без ехидства спросила «учительница».

Они уже входили в зал, в тот самый — полутемный, плюшеводиванный. В нем, к счастью, не было никого: видимо, слишком ранний час для завсегдааев. Кристина по-хозяйски положила перед ними меню — книгу толщиной с докторскую диссертацию в кожаном тисненном переплете.

— Я отлучусь. А вы пока выбирайте.

«Федоренко... Анина однофамилица?»

Надя погладила рукой бордовый плюш, как гладят кошку, — но он был хуже, холодный и плоский, — и задалась вопросом, риторическим, скорее всего: почему она постоянно обнаруживает себя в таких местах, куда вовсе не стремилась попасть? Научиться этому невозможно. Это талант — оказываться в ненужном месте в ненужное время. Почему последние два дня с ней происходят какие-то события помимо ее воли?

«Музычка еще эта гангстерская!»

— Да, от такой музыки впору застрелиться, — сказал детектив. Вытягивая и без того длинную шею, он оглядывался по сторонам с видимой тревогой. — Если выберемся отсюда живыми, обещаю, что встретимся в каком-нибудь нормальном месте, врубим «Дорзов» и будем слушать.

— Если останемся...

Дмитрий потянулся к меню.

— Оставь. Нам открывать эту книгу все равно что мусульманину — журнал «Плейбой», — сказала Надя.

— Ну хотя бы сделать вид...

— Смываться надо отсюда, а не делать вид, конспиратор хренов! Смотри, она звонит кому-то!

Надежда тут же, не дожидаясь реакции детектива, поднялась и направилась к выходу. Но Кристина, заметив это, пошла ей наперерез.

— Мы забыли деньги! — выпалила Надя.

— Пустяки, можно в кредит. Вы ведь наш работник. Я вас только вчера видела.

— Где вы меня видели?!

— Да здесь. В таком пышном шелковом платье — рюшечки, рюшечки...

И Кристина устремила на Надежду кристально-прозрачный взгляд — скандинавский... Точно такой спокойный, незамутненный взгляд Надежда видела каждый день — в соседнем с ней секторе гардероба.

— А Федоренко Анна...

— Это моя мать.

«Как мать?!» — чуть было не ляпнула вслух Надежда.

— Вы не знали? Неудивительно, впрочем. Меня ведь как будто и нет на белом свете — для моей замечательной семейки.

«Боже мой! И запах этот... запах Франции! Шуба с перьями — е!»

— Ладно, не важно. Мне надо переговорить с вашим... другом, а времени совсем мало. Я ведь, между прочим, его разыскивала, а у него телефон недоступен. Хорошо, сам пришел.

Не давая Наде ни опомниться, ни покаяться, Кристина поспешила к Дмитрию.

«Друг! Везунчик он, вот кто. В отличие от меня, он оказался все же в нужном месте. Ему, наверно, и ужин перепадет», — думала Надя, держа путь назад, в свой гранитно-стальной гардероб.

В общем, она не испытывала тревоги за Дмитрия. Кристина эта — ничего девчонка, не ее вина, что она такой красоткой уродилась. Конфликт с семьей... А у кого его нет?

Все непонятные моменты с Анной прояснились. Вот тебе и театруных зрителей! ККЗ натуральное. В собственном соку.

«Все, дойти бы только до кресла и упасть...»

Первое, что она увидела, войдя в пустое фойе, был сад номер два — осьминожий. И он был хоть по-прежнему не освещен, но явно обитаем. Скудный свет проникал туда из коридора через приоткрытую дверь. Чья-то огромная тень метнулась по зеленому стеклу. И остановилась. Ее отбрасывала крупная фигура человека. Он стоял согнувшись, в позе хирурга или... Отелло. Что он там делал? Душил, кромсал?! Работа по ночам?

«Садовник! С острыми-преострыми секаторами вместо рук...»

Надя, растерявшись, забыла придержать входную дверь из коридора в фойе, и та хлопнула.

Человек оглянулся.

Она даже не пыталась бежать. Ноги приросли к полу.

— А-а, наконец-то! И где вас только носит? Рабочий день вроде уже закончился.

Из сада выходил... режиссер Игорь Погодин. Опять в свитере. В опущенной правой руке он держал за горло свежеудушенную змею — обмякшее тело безжизненно свисало до пола.

— Не поможете мне?

— Помочь что-о?

«Разделатъ труп змеи?!»

— Да надо бы придержать ветки. Никак не могу продраться в дальний угол — там давно не поливали.

— Так вы... — Сакраментальное «садовник» застряло в горле.

Что ж, могла бы и догадаться. Режиссер ничем не хуже садовника: задачи практически одинаковые, и вообще, имеет право...

— Да вот, стосковался по чему-то настоящему. Когда мы жили на Кубани, у моих родителей был сад...

«Не иначе, вишневым!».

— ...настоящий яблоневый сад! А сейчас его нет. Там две яблоньки были мои. Я за ними ухаживал.

Это не может не трогать: у такого большого, рослого человека где-то есть родители — папа и мама, и он способен ухаживать хоть за чем-то.

Может быть, еще вчера она бы испереживалась: ах, что будет, что будет, что теперь скажет режиссер после этого хулиганского «коромысла»? Сегодня же — еще чего! Она наглет? Или начинает отличать суету от чего-то действительно значимого?

Они вошли не в вишневый и не в яблоневый, да и вообще не в сад, а в тропический аквариум, погруженный в полумрак. Режиссер набросал мизансцену — показал, где и как надо стоять, придерживая ветки, — и явно со знанием дела приступил к поливу труднодоступного уголка из шланга. Джинсы его были перепачканы землей, на что ему, по-видимому, было совершенно наплевать.

— Мне, кстати, нравится здесь бывать иногда. Тишина, уединение, никто не мельтешит... Между прочим, здесь меня впервые и осенило про Маугли, про это единство и взаимопротекание всего на свете. Непрерывность парков, так сказать. А вас когда?

— А меня — когда...

«И правда, когда же? Уж не в момент ли кружения в платье Раневской и в Зебрином парике? Где-то оно сейчас, это мистическое платье?»

— Как сказать...

— Лучше словами. Вы ведь умеете говорить. Хотя мне вы постоянно пытаетесь доказать обратное. А вот с другими — без проблем. Совсем недавно вот прямо здесь вы весьма увлеченно беседовали с молодым человеком и никого вокруг не замечали.

«Что-о?!»

Надя резко отпустила ветки, которые пружинили, отчего держать их было совсем не легко. Последние силы оставили ее, и она села — на ту же лиану, на которой сидела какой-то час назад.

«И что здесь не подвесьят гамак?»

От влажности и сумрака — лампы так и не загорелись — стала вновь наваливаться дремота.

— Я, собственно, поджидал вас. Полагаю, вы знаете, о чем пойдет речь. Марго мне поведала о вашем заговоре.

Погодин отбросил шланг, вытер о штаны руки и уселся на самый крупный из камней.

— Удивительно, что вы каким-то образом предвосхитили мои собственные... э-э... намерения. Идеи, как говорится, носятся в воздухе... в воздухе садов. Жаль только... Можно было рассказать все это мне, прежде чем устраивать... сами знаете что.

Но Надя уже не чувствовала ни угрызений, ни потрясений, она снова отправлялась в путешествие — с катастрофической скоростью. Вот-вот ее унесет, отрежет от этого важного разговора беспощадным глубоким сном... Хищные снотворные лианы опутывали разум плотными кольцами.

— Конечно, кому какое дело, что вторые сутки без сна... Что, действительно есть такие люди, которые спят каждый день?..

— Что? Что вы там бормочете? — Погодин тронул ее за плечо, чем и спровоцировал потерю равновесия.

...Но ей почудилось, что она взлетает вверх на воздушном шаре. Вернее, сначала это был тот радужный шарик, который выскользнул из рук

девочки. Но потом он стал расти на глазах, продолжая переливаться всеми красками. И делал это так, будто дышал, и потому переливы эти казались живыми чертами лица — смеющимися глазами, улыбающимся ртом.

Шар был обвит развевающимися лентами, но оказалось, не ленты это, а руки. Они тянулись навстречу Надежде, как бы говоря: «Давай-давай, быстрее сюда, хватайся!» Шар был живым, дружелюбным. И, по-видимому, наполнен он был никаким не газом, а чистой дружбой. И Надежда потянулась к этим рукам-лентам. Они были теплыми. Они крепко ухватили ее и усадили в корзину для пассажиров. Там были навалены мешки и пакеты с разной едой: крупой, овощами. Надя уселась прямо на них.

Взлетали все выше и выше, видя все новые великолепные города и обрамляющие их леса, парки. Вдруг руки-ленты стали выбрасывать из корзины все подряд пакеты и мешки.

— Зачем вы?..

— Мы ведь хотим еще выше! А это балласт.

— Но что мы будем есть?

— Да мы ведь просто летим — ради самой невероятной высоты. С нее мы увидим такое, что забудем про пищу вообще!

— Нет, я не забуду. Я хочу есть...

Шар оплел ее руками-лентами и стал утешать, покачивая, как младенца:

— Ни о чем не беспокойся. Нам все дадут — в обмен, потому что у нас есть то, чего нет у них...

Что у них есть такого необыкновенного, Надя уже не узнала. Она теперь слышала другой голос. Он будил ее.

Приятно все-таки просыпаться в колыбели из сильных рук, с ощущением дружелюбия окружающего мира, таких легкости и свободы, как будто не существует ни огорчений, ни обид, ни рухнувших надежд.

Глупо улыбаясь, она силилась продлить видение, однако, чуть приоткрыв глаза, вместо воздушного шара увидела совсем рядом со своим носом ромбы, крестики, зигзаги исландского узора, а повыше — глаза, то ли озадаченные, то ли растерянные, но ничуть не менее электрические от этого. Не шар, а Погодин, склонившись над снотворной лианой, подставил руки, не давая Надежде свалиться на землю.

— Ох! — С поспешностью, которой от нее и ожидать нельзя было, она вскочила на ноги, минуя погодинские руки. — Я долго спала?

— Да целых три или четыре минуты, наверно. Я уж думал, обморок.

Режиссер распрямился, одергивая коротковатые рукава свитера, и вернулся к миру растений: принялся за чем-то инспектировать заросли, раздвигая ветки и заглядывая под каждый куст.

— Там был живой воздушный шар, с руками...

— И с глазами.

— Да, и с глазами! Вы тоже видели? — удивилась Надежда.

— Так, ладно, не будем сейчас углубляться, кто в чьем гостит сне.

— Жаль, что мы не в одном. Я ему говорю: «Что же ты все продукты выбрасываешь!..»

Здесь Надежда опомнилась, поняв, что она уже готова отправиться догонять шар.

Погодин, бросив свои поиски, обернулся к ней с выражением вопроса и некой безнадежности на лице.

— Ой, что-то я не проснусь никак, — с печалью констатировала Надя.

С особой остротой она вдруг ощутила чрезмерную влажность воздуха и увидела сплошь запотевшее стекло. Захотелось выскочить, вынырнуть наружу, глотнуть нормального воздуха. Но этот человек... Она не могла уйти, не узнав его тайны. Хоть и не физик, но тайных сведений у него никак не меньше, и, раз он ждал ее здесь, значит, хочет поделиться ими с ней, с Надеждой.

— Я знаю, что тебе надо. Проверенное лекарство от обмороков и от разной дури. — Он снова принялся что-то искать. — Темно, дьявол! Что с освещением-то сегодня... Да где же, где? Как раз где-то здесь она у меня была...

В полусонном сознании Надежды блеснул луч солнца. Так вот что он ищет!

— Была, да сплыла, — меланхолично заметила она. — То есть превратилась в вещдок. Сейчас принесу.

«Такое органичное “ты” без всякого брудершафта», — думала она, неся бутылку владельцу.

— А железная коробка случайно не твоя?

— Какая еще коробка? Еще один «вещдок»? Слова-то какие знаешь! — с неприязнью сказал Погодин.

— Да вот, только сегодня выучилась. Ты даже представить себе не можешь, что тут творится, в вашем любимом театре! И этот молодой человек, который здесь был накануне, может быть, сейчас рискует своей жизнью. А мы все здесь просто работаем.

— Ну да, и еще просто обедаем. Или пьем коньяк. — Погодин, присев на один из философских камней, начал открывать бутылку.

— Мне бы, правда, лучше поесть, — чувствуя нешуточную слабость, пролепетала Надежда. — От коньяка я, боюсь, совсем...

Режиссер, сверкнув очами, вдруг вскочил на ноги, размахнулся и с яростью отшвырнул несчастную неупиваемую бутылку, которая, как в гамак, угодила в листья монстеры и не разбилась, и заорал так, как Ястребиный Глаз не орал даже на второгодников:

— Чем мы вообще занимаемся! Я собирался говорить о серьезных вещах! Назрела переделка — полная перекройка и сборка пьесы заново, с нуля! Нет, все что угодно! Нянчусь тут с... Да понимаете ли вы, что для меня важно только мое дело? Вся эта блошиная возня — да этого в любом театре выше крыши. Я ее посылаю знаете куда? А иначе лучше сразу уйти — честнее... А вас-то все куда заносит? Кто вас просит лезть туда, где русским языком написано: «Не влезай! Убьет! Или оставит калекой!» Без таланта, что еще хуже...

«Опять “вы”», — в отчаянии подумала Надя и опустилась на освободившееся место на камне: ноги не держали. От крика затошнило и одновременно что-то внутри онемело.

— Ну что ты все молчишь? Молчаливая, как сад тысячи камней! Ты что, боишься меня, что ли?

Теперь он еще и расхаживать принялся таким железным циркулем, как ее учитель физики, — из конца в конец, широкими, растаптывающими в прах шагами.

— Да, — безыскусно сказала Надя. — У тебя... То есть я боюсь электричества. Особенно короткого замыкания.

— И зря! Лучше уж хорошее замыкание, чем размыкание какое-то идиотское. Я-то, дурак, подумал, что вот наконец человек, с которым можно *делать дело*. А тут... Страх — да это самое последнее, с ним — конец сразу, минуя начало! Да и не меня ты боишься, а совсем другого — перемен. Ну и что делать-то теперь? Произвести раскопки?

«Опять раскопки? Какие раскопки?!»

— Попробуем найти то место, куда ты зарыла свой талант.

Что ж с ней все разговаривают в этом театре как с последней двоечницей? Защищаясь, Надя, сидя на просторном камне, сложились вдвое, подтянув к себе колени, обняла их и положила на них подбородок.

— Это будет нетрудно. Нет такого места, где бы не был зарыт мой талант, если это о театральном.

— Ты и его из страха похоронила? И что, пусть гниет дальше? Это ведь проще всего.

Теперь Погодин тоже сел — напротив, на ее лиану. А она все молчала, разглаживала на коленках мягкую вельветовую ткань. Гладила, гладила... до идеальной гладкости. И мучительно соображала, уместно ли будет наконец рассказать о том, что действительно мешало ей всецело отдаться театру.

«Какое ему до этого дело, если ему есть дело только до его дела?»

Только открыла рот...

— Ладно. Тогда я пошел.

И он встал, с ненавистью отряхнул подсохшую землю с джинсов и тяжело зашагал прочь из пропитанного влагой и туманом сада. Звук каждого шага по гранитным плитам — похоронный в своей гулкости. Переливающийся красками шар удалялся, улетал, исчезал навсегда в пустой темной вселенной театрального холла — не останавливаясь, не оборачиваясь...

— Не-ет! Неправда! — выскочив вслед, бросила слова вдогонку, как лассо.

Вроде бы негромко, а получился даже не крик — пронзительный вопль. Закон отражения звука сработал в полную силу: стены, хоть и были не видны, но существовали. Где-то под высоким потолком фойе Надин голос прозвенел оглушительным эхом. Ей показалось, она исполнила оперную арию.

— Все не так! И это тоже проще всего — взять и вот так просто уйти!..

Погодин был уже у лестницы. Остановился, взявшись за перила.

— Что не так?

— Да то, что это больно! Такая боль, что ты ненавидишь день, который начинается, потому что... знаешь, что... — Тут слезы хлынули рекой.

Надя зло разметала их ладонями в стороны. — Знаешь, что и в этот день — опять пустота! И ты не сделаешь ничего, чтобы она треснула, эта проклятая пустота, чтобы из нее проросло... пророс сад... или хоть росток...

Ослепленная слезами, она не поняла, как Погодин очутился рядом с ней. Видно, одним броском, как это делают в джунглях. Стоял совсем близко.

— Вот! Вот! Это уже кое-что... наше, человеческое! И голос, оказывается, есть. Притворялась полунемой...

Она опять не могла смотреть на него — из-за слез. Продолжала смахивать их, а они накатывали, выплескивались из глаз — не просто, а как в половодье, с силой, все новые... Злилась на себя, слабо надеясь, что они не так уж заметны в этом неосвещенном, сумрачном фойе.

— И слабой, и трусливой — притворялась? Хватит, я сказал! Ты не такая — меня-то не проведешь! И довольно корчить из себя... эту, в блеклом халате. Ты — не она. Обманщица! Где подлинник?

Видно, в физике он тоже разбирался неплохо: схватил вдруг Надю за обе руки, замкнув тем самым электрическую цепь.

— Надо просто работать! Так что, идем? Взрывать пустоту, высекать искры из слов... — веселым таким, хулиганским тоном.

Невозможно не посмотреть в глаза тому, кто крепко держит за руки — не отпуская. Две человеческие фигурки на огромном пустом корабле, затертом во льдах вселенной, где из источников освещения — лишь взгляд светло-стальных глаз да призрачный свет от снежных, отливающих серебром равнин по ту сторону стеклянной стены.

— Из слов?..

«Какие слова в такие минуты? Просто стоять бы вот так неделю, две, чувствуя, как настоящее головокружительно и самую малость тревожно со свистом ввинчивается в будущее, и в нем, в этом будущем, трепещут на ветру разноцветные атласные ленты, вьются празднично, как победные флаги, вокруг огромного дышащего шара, который упорно стремится оторваться от земли...»

— А без слов?..

Он лишь сильнее сжал ее ладони. И только она хотела пошевелить ими, чтобы освободить, как он... отпустил их сам.

— Тоже тема. Немая речь. Ну все, пора! Надо подготовиться к завтрашнему дню... То есть уже к сегодняшнему.

— И... не забыть... чтобы воздушный шар тоже был... И «Двери»*...

Они поднялись на второй этаж, держа путь в кабинет главного режиссера. Коридор был освещен еле-еле и только в самом начале. Дальше — мрак. Не так темнота, как погодинская походка сбивала Надежду с толку: он двигался словно бы с лентой и в то же время как-то хищно, готовый в любой момент совершить прыжок или рывок, — как большой гибкий зверь на охоте. Типичный... удав?! Он крепко держал Надежду за руку, фактически таща ее за собой, как беспомощное дитя.

* The Doors (англ.) — «Двери».

«А что, неплохо быть ведомым! Даже хорошо. Особенно в магнитном поле старого свитера... Возникновение электрического тока в проводнике, движущемся в магнитном поле, — чем не драматургия?»

И темный коридор казался наисветлейшей дорогой из всех дорог до него.

«Может, теперь?..»

В темноте будет полегче... И Надя, собравшись с духом, произнесла наконец краткую саморазоблачительную речь о своем прошлом физика-исследователя.

Погодин остановился, слушал сосредоточенно, наклонив голову к ней, будто боясь пропустить что-то главное, не прерывал и не вопил «громче!».

— Какого-какого тела твоя физика?

— Твердого, — твердо сказала Надя.

— Ну так это же *наша* физика! — Погодин развел руки в стороны, как бы раскрывая объятия физике. — В театре то же самое — театр твердого тела. А какого же? Не жидкого же. И не газообразного. Никакого противоречия! Театру без физики — никуда. Магнетизм там, индукция, интуиция — это все наше! Что происходит, когда спектакль настоящий? Вольтова дуга — со сцены в зал и назад! Показатель качества: есть дуга — значит, по-настоящему. Нет, не долбануло — туфта, хрень собачья и убогость. Так что физика — это именно то, чего театру недостает. И химии тоже. Костюм вон и тот перекрасить не могут.

«Ох, и эгоисты же они все! А режиссеры — так в десятитысячной степени. Физика — театру... А театр — физике? Он и не собирается вникать, что это значит для меня».

...Они вошли в его кабинет, он зажег свет, и... Надя отступила назад, чуть не вскрикнув. Прикрыла рот руками. На коротком и нешироком диванчике, плотно свернувшись в позу эмбриона, казалось, не слишком удобно лежала Марго. Светлые волосы отвесно падали, закрывая ее лицо, одна рука свисала с дивана почти до самого пола — безжизненно!

— Что с ней?! — прошептала Надежда, продолжая идиотски прижимать ладони ко рту.

— А с тобой что? Человек спит. У некоторых, представь, каждый божий день принято заканчивать сном — такая избитая практика.

— А почему так... неподвижно?

— А надо что — танцевать во время сна? Кое-кто, конечно, воздушными шарами попутно управляет... Так, все! Мы сюда работать пришли.

Кабинет был похож на второразрядную лавку старьевщика. Слишком уж разношерстные (и неухоженные) предметы были собраны в одном месте — от африканских тамтамов до венецианских масок. А иногда так просто откровенный китч: как, например, вон тот пластиковый рояль с позолоченными ножками — видно, из гарнитура Барби. Скорее всего, наследство какого-то предшественника. С самим Погодиным не вязалась ни одна из вещей, разве что афиши спектаклей на стене да письменный

стол, на котором равномерным слоем лежали книги, журналы, листы бумаги — совсем как у Надежды под прилавком.

Рабочим креслом служило типичное зрительское кресло старого образца, обитое дерматином. В него-то хозяин и усадил свою гостью, попутно одним движением расчистив небольшой участок на столе. Просто сдвинул все подряд в сторону, в кучу. Кое-что свалилось на пол — ерунда! Сам сел рядом, на один из тамтамов, который был ниже кресла, — и оказался с Надей почти одного роста. Нетерпеливым жестом водрузил новые бумаги на свободный островок.

Надежда, однако, только и делала, что посматривала на диван. Марго так и не пошевелилась. И, как ни старалась, Надя не могла уловить даже признаков движения, какое бывает, когда живой человек дышит.

— Так. Утрешний перформанс ты видела. Можешь не говорить, что окончание тебе тоже известно — твое собственное. Давай сверим версии...

У Нади заурчало в животе, довольно громко. «Что мы будем есть?» — все же не праздный был вопрос. Она даже больше не смущалась:

— Да я не ела уже несколько жизней!

«Пусть понимает, как хочет. Такой был день — столько вместил, что иному году не снилось».

Из недуховной пищи Погодин смог предложить только пряники, похоже, прошлогодние — подернутые подозрительным белым налетом.

«Еще бы чайку...»

Но его попросить Надя уже не решилась.

— Зато я расхотела спать.

— Аллилуйя! Вот что делает волшебная фраза «Я пошел».

— Решаем задачку. Дано: сцена плюс зрительный зал. Получить — вольтову дугу. Легкота...

И они погрузились в поиск решения. В долгожданную работу, как в живительную реку.

Погодин делал все жадно, стремительно, даже агрессивно. Исписанные листы отлетали от него, как белые голуби, и ложились рядом в стопку. Отбрасывая очередной лист, он всякий раз въезжал плотным боксерским плечом в Надино плечо — нарочно или нет? Это совсем не было грубо, наоборот — до странности мягко, учитывая нешуточную погодинскую массу, — как проявление доверия и дружбы.

Если он говорил, то так, что перед глазами вставали мизансцены, детали костюмов, декораций и рядом звучал живой гул голосов несуществующих людей, написанных словами. Режиссер один был всеми ими — десятками меняющихся лиц. Одно было общим у них всех: блеск глаз, как при повышенной температуре.

Разговор Погодина и Нади не имел ничего общего с той плоской, пустопорожней болтовней, какой обмениваются малознакомые люди. Казалось, что знакомы они целую вечность и только по какому-то недоразумению не смогли раньше встретиться и обсудить все то, что обсуждали теперь. Выпущенные на свободу мысли летели искрами — то с его стороны, то с ее — и, сталкиваясь друг с другом, производили разряды.

Надо было не пропустить ни одного, поймать на лету и уложить на бумагу — чтобы потом они ожили на сцене. И происходило все так, будто для Надежды было самым привычным делом оживлять все это.

Учитель ничему не учил, просто рядом с ним это было возможно. Какими-то собственными формулами преобразования он владел — по-чуже физических. И ученица ощущала то же парение, ту же ни с чем не сравнимую радость от посрамления объективного закона всемирного тяготения — как при приближении открытия.

«Из него вполне мог бы получиться нормальный физик».

О сие больше никто не вспоминал, с ним было покончено.

В действие вступали законы, неизвестные недавнему физику. Надежда, например, понятия не имела, каким образом, с участием каких непознанных частиц вокруг них возникало поле — ни на что не похожее поле теплоты, от которой внутри то щемило, то замирало, то как будто что-то огромное дышало в лицо, так что перехватывало собственное дыхание. Рядом жило и сияло счастье.

Вот только что оно было — а в следующее мгновение из-под него выдергивалась табуретка!

Когда Погодин был с чем-то не согласен — только что до рукоприкладства не доходило. Магическое поле безжалостно взрывалось, распалось в пух и прах, на атомы. Однако Надежда, одолев пакет кремнево-твердых пряников, обрела вдруг совершенную непреклонность в отстаивании своего — безо всяких боксерских перчаток. Ну да, было и такое: режиссер подсакивал, опрокидывая тамтам, сверкая глазами, рычал звериным рыком, что он не первый год замужем за театром, а Надя... А что Надя? Ей было ничуть не страшно, наоборот, даже весело. Если в чем-то уверен, вгрызайся в это зубами и держись.

«Дверей» моих, видите ли, никто не знает. Так пусть узнают! Если бы такое говорила директриса или ее гламурная подруга, куда ни шло. Но режиссер, претендующий на что-то непопсовое... Да знаешь ли ты, что он, этот Король ящериц, Джим Моррисон, один творил театр покруче, чем десятки рядовых драмтеатров! Всякий раз он уводил туда, где никто еще не был. Запросто — брал и создавал свой собственный мир! Да, беспощадный. Вопросы задавал неудобные: «Вы действительно живы? Вы точно знаете, что родились?» А разве это не главный вопрос и в жизни, и в театре? А стихи его — чистейшая магия, какой только и должна быть поэзия. И даже необязательно знать английский язык, достаточно научиться... слышать крик бабочки. Или предчувствовать прикосновение облетающих лепестков, когда видишь еще только бутон. Вся жизнь — ритм и слово... Нет, и свобода еще, и никаких компромиссов! Вот у кого бы поучиться».

— Я, как только пришла сюда, в этот театр, сразу поняла: это Хрустальный корабль. Crystal Ship. Начало там: «Прежде чем ты потеряешь сознание, я бы хотел...» Ладно, потом допою.

Наступала пауза — ненадолго. Швыряя одни листки и открывая следующие, Погодин порой не мог удержаться от прямо-таки гомерического хохота, да и не пытался.

В один из таких моментов это и случилось: когда он дико хохотал и колотил со всей силы по столу кулаком, Надя уловила движение на диване. «Эмбрион» пошевелился. Марго чуть приподняла голову, сомнамбулически, не открывая глаз, откинула пряди с лица, сложила губы капризным венчиком и вытянула вперед руки, как ребенок, просящийся к маме на ручки. Роль мамы пришлось взять на себя Погодину. Нехотя он встал и подошел к дивану.

Оставшись за столом одна, Надежда поняла, что все кончено. Больше не будет ни искр, ни поля, ни рукоприкладства даже. По крайней мере сегодня. Она любовно положила руки на листки: вот они остались — результат химического взаимодействия одного плеча, другого, голосов, тамтамов, «скатанного» свитера и пластикового рояля с позолоченными ножками...

— Тише, тише! Свалишься сейчас, — действительно с материнской заботой в голосе произнес Погодин.

Марго пыталась обвить его шею руками, он пытался оторвать ее руки от себя. Это был балет.

— Я замерзла. Где ты ходишь? Думала, ты меня отвезешь. — Это был драмтеатр.

— Ну да, чтобы опять ты сказанула своей маме, что это я тебя напоил! — Вроде фарса.

— Ну отвези меня, ну последний раз! Если я сама сяду за руль, может случиться нелепость страшная... и жопа полная, ты же знаешь... — Трагикомедия.

— К тому же ты завтра, то есть сегодня, проспишь опять. Тут до утра-то уже осталось... Так что ложись досыпай. — Слащавая мелодрама.

Но Марго, видно, совсем проснулась и заметила наконец Надежду.

— О! Как здорово!.. Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались... — Это был второсортный водевиль.

— Да, поработали хорошо. Можно было бы и еще, да вижу... Кого я, пожалуй, отвезу домой, так это Надин.

Он впервые назвал ее по имени. Надин. Так звала ее бабушка. Надя любила ее, а она, как никто другой на свете, души не чаяла в Наде.

— Ой! — вспомнила Надин. — А мне нельзя домой.

«Потому что я уже давным-давно дома», — она не сказала.

— Ну это долго объяснять...

— Что, опять синдром халата? — Тон Погодина снова стал чужим.

«Вот сноб! Избегает даже произнести это слово — гардеробщица. А может, и правильно?»

— Так. Значит, обе ночуете здесь. Только не вздумайте шататься по театру!

«Вот уж излишнее предупреждение. Да никто под пистолетом не заставит меня больше шататься, а также заниматься прямохождением по этому театру в ночное время».

— Я, собственно, могу к себе пойти — в нашу конурку-гримерку, — грустно сказала Марго. — А то как мы тут вдвоем?

— Ладно, пошли. Пусть хоть чуть-чуть человек отдохнет. Завтра денек сумасшедший. Такого сумасшедшего дня еще не видели даже в этом

сумасшедшем театре! — самым жизнерадостным и бодрым голосом провозгласил Погодин.

«Хоть бы что ему. “Можно было еще!” Никто из нас не выйдет отсюда живым».

— Не завтра, а сегодня, — поправила Надя.

И тотчас пропала.

Она очутилась в каком-то непонятном месте. Ее окружили, взяли в плотное кольцо. Они без спроса набились в тесную каморку, столпились все, как назло. Вроде и не спала — потому что думала о них. Дмитрий еще этот. Где он, что с ним? Тоже, начальник! Фонарь у него на лбу вспоминался почти с нежностью, такая классическая была шишка, действительно блестящая в темноте, как фонарь. Даже телефон не мог зарядить вовремя, какой же дурак! Где пропавшие директриса и администраторша?.. Супернордическая Кристина, напрочь равнодушная к своей пернатой шубе, ее мать-инкогнито, Погодин, жонглирующий вольтовой дугой, и... садовник.

А был ли садовник?!

...Проснулась она от какого-то гнусного, воровского звука — металлического, но осторожного, словно крадущегося. Открыла глаза. Почувствовала мелкий трусливый озноб. Сидела она все в том же дерматиновом кресле за столом, уронив голову на листки, исписанные погодинской рукой, — прямо напротив входа. Металлическая ручка двери тихонько поворачивалась, издавая мерзкий вкрадчивый скрежет. И ее замедленное движение, и этот осторожный звук действовали на Надю гипнотически. Как пригвожденная, продолжала она сидеть, положив голову на сложенные ладони, и смотреть на блестящую рукоять, едва сдерживая дрожь.

Дверь так же медленно стала открываться. Просвет увеличивался. Надя подняла голову — как будто ей стало любопытно. А может, она спит?

— Ты спишь?

В проеме открывшейся двери бесшумно появилась фигура, вся в белом. Проникнув в комнату, осторожно повернулась, чтобы прикрыть дверь, и Надя увидела на ее спине крылья. Два белых крыла. Не слишком крупных, но и не маленьких — среднего размера, подросткового.

— Не знаю, — честно сказала Надя.

— А я не могу там спать. Страшно. Все кажется, кто-то за дверью когтями по полу стучит. Можно я здесь посплю?.. Хоть в музыкальной шкатулке — там, внутри рояля, красным бархатом выстлано...

— Внутри рояля?

Надя уже успела понять, кто перед ней в этом белом крылатом одеянии — реальный ангел в лице Зебры-Марго. В руках Марго держала какое-то объемное не то полотенце, не то покрывало.

— Ты не замерзла? Тут у него холод собачий. На вот, возьми плед.

Плед был мягкий, податливый, чисто... ангельский, с точно такими же крылышками, что и у Марго. Крылья были из чего-то вроде поролона, только более плотные, с нашитой поверх бахромой, напоминающей перья.

Надя накинула на плечи белую мантию — и вот уже два ангела в одной комнате.

— Тебе идет. Вылитый печальный ангел. Целая коробка была этих списанных крыльев, половину уже мошь пожрала. Ну я и попросила наших костюмерных припаять...

— Здорово!

Марго с ногами залезла на диван, села, обхватив колени. Надя тоже любила так сидеть. И тоже перебралась на диван. Шея, и плечи, и, казалось, все косточки ныли от сидения на дерматине. Просто наслаждением было плотно упаковаться в мягкую ворсистую материю.

— Ага, здорово. Это я вообще про все... — еще довольно сонно протянула Марго. — Кайфово было, как никогда! Неужели правда мы смогли? Он даже не разнес никого за то, что запероли репу.

— По-моему, все должно получиться... сумасшедше. Я ведь все видела.

— Да вы с ним уж точно оба двинутые. Только Погода орет, а ты — нет. Скажи спасибо, что хоть бюстом Бетховена не швырялся. Это у него любимое. Ну бюст-то я спрятала на всякий случай. Только ты такая тоже ненадолго, наверно. «Хорошее» ведь быстро прилипает... Кстати, а что у вас с ним?

Марго все больше оживлялась. Ох уж эти артистки! И вопросы у них — не отвертишься.

— А у нас... в квартире газ. («Если бы действительно знать — что!») Союз ядерной физики с ядерной же драматургией.

— Ну а по правде?..

— По правде... Он мужчина, конечно, аттрактивный...

— Како-ой?

— Ну привлекательный, магнетический. Потому что из отряда хищников.

— А ты как хотела? Чтобы режиссер — и из травоядных? И слава богу, что не из отряда «урод натуральный в собственном соку»! Вы целовались?

Надежда даже спустила ноги с дивана, будто собираясь бежать от одной только мысли.

— С какой стати! Он и ухаживать-то за мной не думал. Вообще, наверно, только за своими яблоньками и умеет ухаживать.

— Ты серьезно? Пьес, что ли, начиталась? Ухаживал! Что это? Где это? На какой планете? На нашей, что ли, ты это видела? Всем же некогда. Побольше реализма! У него во всем так: если есть цель — он на цыпочках перед ней ходить не будет. Берет за горло, и все!

Рука Надежды невольно дернулась к горлу.

— Кхм-кхм...

Да и без Марго уже понятно. Режиссер — это тот, кто не боится. Не боится и может создавать миры из материала в его собственной башке.

— Погода... да он... Он, да, как погода в Шотландии — то гром, то молния, то дождь... То солнце — местами, изредка. Короче, зайка. И талант. И с директрисой он один здесь спорит.

— Почему же ты не с ним? — спросила Надя, слегка потирая шею, — возможно, маскируя то, что невольно затаила дыхание в ожидании ответа.

— Я-то? Да я вообще ни с кем. Лучшие друзья девушки — «Бурбон», «Наполеон», ну и «Хеннесси» по праздникам. Погода прав, конечно: завязывать надо.

— А мне мешают его глаза. Ему бы в темных очках ходить.

Вспомнив его реакцию на ее откровение по поводу творящихся в театре дел, Надя не стала ничего выпытывать у Марго. Хотя уж эта-то, конечно, знала и про «Лагуну», и про Кристину...

Видно, не судьба поспать сегодня. Режиссер прав, денек сумасшедший. И начался он... когда же?

Надя вдруг вспомнила об одном случае, смешном и показательном. Она почти забыла о нем. А может, как раз с него и началось...

Была весна, хороший такой денек. Начало распускания всего. Душистые клейкие листочки, тепло, празднично. Один хороший человек только вчера подарил зонтик, потому что у нее не было. Ехала домой с работы и только вышла из метро, как хлынул вдруг дождь — настоящий ливень. Она даже обрадовалась: «Так у меня же зонтик!» Достала его из сумки, любовно так, неторопливо стала раскрывать, чувствуя прямо счастье... И вдруг кто-то резко вырывает у нее из рук этот уже раскрытый зонтик и уходит с ним под дождь, вместо нее. Молча.

Надя, конечно же, превратилась в статую, глядя вслед... Этим кем-то была всего-навсего молодая девушка. Она даже не собиралась бежать — шла легким, уверенным шагом, как будто бы со своим собственным зонтом.

Как все было четко просчитано: Надеждина заторможенность, неконфликтность, неспособность противостоять чему-то, что не вписывается в ее собственные понятия о нормальном отношении человека к человеку. Как та девушка могла за какую-то секунду так раскусить ее? Неужели и правда все написано на ее, Надином, «небанальном» лице?

Зонт был первой, но далеко не самой большой утратой. Вскоре не стало лаборатории. Через месяц — института. Тогда же — семейной жизни. Хороший человек уехал навсегда. А потом уж начался массовый исход, отъезд всех лучших в дальние края...

— Ох, я гений, я знаю! Это ж любой зебре понятно! Тебе надо подарить зонтик — и все вернется!

Надя улыбнулась:

— Зонтик счастья? Да, тоже тема, наверно. Для сказки. А в жизни — кроме ОРЗ, и не припомню, чтобы что-то возвращалось. Кьеркегор не врал: «Есть невозможность повторения». Тем более — хорошего.

— Значит, раздобыть новое, лучше старого. И все дела!

— И правда! А у меня вот, знаешь, еще одна идейка засела — для финала нашей пьески. Только где взять столько белых лепестков?

Узнав суть затеи, Марго загорелась тоже:

— Где взять, где взять... Надо их понаделать! У него тут бумаг полно.

Не мешкая, они принялась кромсать ножницами первый попавшийся под руку листок.

— Две девицы под окном нарезали вечерком. Или рано утречком, — довольно бодро для трех утра пропела Марго.

— В давние времена бодрствующих по ночам приравняли к колдунам.

— Но мы ведь добрые колдуньи?

Одна блондинка и одна брюнетка в белых одеждах колдовали над листками простой бумаги — превращали их в лепестки цветов, облетевших с деревьев легендарного сада.

— Как думаешь, когда директриса узнает про все, что она скажет? — немного забеспокоилась Надя.

— Томик-то? Так нам надо сделать так, чтобы она просто потеряла дар речи, и все.

— Это как?

— Ну чтобы она вот так — «А-ах!», дыхательный спазм и больше ничего. Можно в обморок еще. А если уволят, я замуж пойду. Стара я уже для сцены. Знаешь, какие пигалицы на пятки наступают!

— Подожди, а как же все узнают новый текст?

— Очень просто. Он же всех напряжет с самого утра. Роли переписут, на собрании он их раздаст, и репа пойдет с колес. Вот Светик-то, завлитик, наверно, удивится!

Надя тоже вспоминала про Свету, но мельком. Все произошедшее с пьесой — это было что-то такое... будто трубу прорвало. Стесняться по этому поводу или бороться с этим было бесполезно.

Среди антиквариата, представленного в комнате, нашлась китайская ваза ростом с немолодого первоклассника. В нее они и ссыпали свои поделки. Марго еще была способна на проведение испытаний. Набрав в пакетик лепестков, она влезла на самый высокий в кабинете книжный шкаф — старинный и потому устойчивый — и стала горстями разбрасывать измельченные бумажки. Надя же внизу изо всех сил махала антикварным веером, снятым со стены. Получилась небольшая белая метель, вполне соответствующая замыслу.

— А я бы еще объявила публике, что тот, у кого получится сложить слова «Вишневый джангл» из этой пурги, получит... ну что, скажи! — потребовала Марго.

— Баночку вишни... моченой... раньше способ знали... мочили, мочили... — сказала Надя. — С портретом Погодина на этикетке.

— Нет, с нашими! Самое смешное, что все опять будут полоскать два года — почему это режиссер вдруг взял да и расширил мою роль, ни разу не главную. А в то, что это вовсе и не режиссер, ведь никто не поверит! И спасибо точно никто не скажет. Наш труд только японцы и оценят, — сказала Марго.

— Да уж. Им только дай... Тоже мне, трудоголики! Бросают учебу, торговлю, все дела и прутся любоваться. Праздник, видите ли, такой придумали — любование сакурой.

— У тебя нет знакомых японцев? Вот бы подговорить их, чтобы после цветения они собирали все лепестки и присылали нам. А то у меня уже мозоль. И от этой противной лампы глаза режет.

Марго, бросив ножницы, подошла к подоконнику и, порывшись там в куче разного хлама, извлекла несколько увесистых свечек.

В их свете предприятие приобрело вконец мистический характер. Две склоненные, как на молитве, белые крылатые фигурки отбрасывали на стены громадные, жутковато колеблющиеся тени.

— Будет и на нашей улице сакура, ага? — бодрилась Марго.

Однако от монотонности и однообразия операций обеим мастерицам грозило вот-вот пасть жертвами сна. Чтобы хоть как-то встряхнуться, Марго открыла музыкальную шкатулку — лакированный рояль с золочеными ножками и бархатным нутром, из которого полились приторные, типично музыкальношкатулочные звуки.

— Теперь точно уснем, — совсем сонным голосом сказала она. — Представь, завтра просыпаемся, а у нас и правда крылья прорезались. Настоящие. Ох и больно, наверно!..

Марго повалилась на бок, как сжатый сноп, подмяв под себя одно крыло.

— Погоди-погоди! Пока не уснули — знаешь, что говорит закон Бойля — Мариотта?

— А? Кого? Который гостиницы изобрел? — заплетающимся языком уточнила Марго.

— Ну... почти. Так вот. Кто вырежет пятьсот пятьдесят пять тысяч пятьсот пятьдесят пять белых лепестков, тот завяжет с выпивкой — навсегда.

— Да? Цас подсчитаем...

Погодин заподозрил неладное, еще когда подходил к двери. А когда он отворил ее...

Его охватила паника. Повсюду догорали свечи — много свечей. Казалось, что все усыпано какой-то белой трухой. Поперек комнаты на полу валялись без движения два ангела, явно угоревших в свечном дыму. И играла тошнотворно дребезжащая, слащаво-похоронная музыка.

Он включил свет: несмотря на утро, темень за окном стояла крошечная. С остервенением загасил все свечи. Придушил идиотскую шкатулку с ее идиотской музыкой — так, что вряд ли она еще когда-нибудь заиграет. И врубил магнитоу — на полную катушку.

Пошатываясь, с пола поднимались белокрылые существа с растрепанными волосами и с выражением непонимания на лицах.

Погодин выключил звук магнитолаы и включил свой — тоже на максимум:

— Вы же мне чуть пьесу не спалили! Чертовы дочери!

Ангел Марго и ангел Надежда удивленно переглянулись: да, спасибо здесь точно никто не скажет. Но Надя не огорчилась, наоборот, ей даже понравилось, что она теперь на равных с настоящим театральным человеком, актрисой, — как будто пятерку заработала. Она глянула на

усыпанный «лепестками» пол, лениво подумала: «Может, убрать?» — и вдруг заметила, что лепестки образуют слово. И слово было «любовь».

— Это ты сделала? — почему-то шепотом спросила она Марго.

— Нет. Я думала, это ты, — тоже шепотом ответила та.

Белая магия. И грубое изгнание из рая.

— Вообще-то, не дочки мы твои. Мы твои ангелы-хранители. Мы посланы отнять у тебя твои громы и молнии... — Надежда сама не понимала, во сне ли она это бормочет, наяву ли.

Но в следующую минуту грянул гром, так и не отнятый. Значит, наяву.

— Что-о?!

У Марго и Надежды задрожали крылья.

— Ты мог бы стать неплохим физиком, все хочу сказать.

— Что-о!!!

И легких ангелов вынесло взрывной волной из комнаты в коридор.

— Репетиция в два! — гремело им вслед.

Бывший ангел, совершив условный и довольно мучительный утренний туалет под холодным краном, сознавая всю абсурдность своего действия, направился на основное рабочее место — «на вешалку». Кругом только этот непроницаемый мрак за стеклянными стенами — со всех сторон. Теория личного и рабочего времени летит в тартарары. Эти два времени срослись крепче сиамских близнецов, никаким скальпелем их не разделить.

Сколько же они спали с Марго? Да не больше часа, судя по свечам. Эти ранние утра глубокой заморозки посреди лютой зимней стужи... Как брикет смерзшегося филе, вынутый из морозилки. Надю передернуло от холода. Так было жаль расставаться с ласковым пледом. И с этим немислимым словом на полу... Что это, если не магия? И разве не магия все остальное?!

Только сейчас все, что происходило этой ночью, — так шутя происходившее, вроде как само собой разумеющееся, — представилось Надежде чем-то малореальным, да просто фантастическим. Может быть, самым фантастическим за всю ее жизнь. И ощущения от совместной работы, проникнутой общей идеей, были... Да они были такими же, как от работы в лаборатории, когда удавалось получить что-нибудь стоящее! Настоящее ощущение счастья.

«Теперь буду держаться за эту ночь. Ничто меня больше не собьет... Да поможет мне “Вишневым джангл”! Хорошо, что здесь не сцена, и вообще, театр еще пуст, и никто не видит небанальной улыбки на таком же лице... Стоп! А это что опять?»

При пересечении фойе, уже недалеко от гардероба, — может, из-за привычного уже «песка» в глазах, — ей снова почудился силуэт в темном аквариуме сада. В девять утра. Галлюцинация? Это нормально. После надутых газом привидений и «подростковых» ангелов... Не хотелось больше смотреть в ту сторону, но... смотрелось само! Нечто гипнотическое явно было присуще этому странному островку джунглей.

«Нет, стоп, стоп и стоп! Я ведь больше никуда не лезу. Он прав. Только как же я буду сидеть практически напротив этой галлюцинации и ничего не делать? Вот бы Анна быстрее пришла или хоть кто-нибудь!»

Фигура, сидевшая спиной к Наде, по-видимому, на том самом, теперь уже заветном камне, стала тихонько раскачиваться из стороны в сторону.

Надя уже стояла у стеклянной стенки.

«Я только гляну — ну что же это такое?!»

Прильнув к стеклу, она различила знакомый костюм — гламурнее не бывает. Та, на которой он был надет, сидела Аленушкой, потерявшей брата Иванушку, горестно качая склоненной головой. Казалось, она рассматривала что-то там, внизу. Что она там потеряла? Надя тоже посмотрела вниз — и увидела кучку земли рядом с вырытой ямкой. И лопату, пропавшую с пожарного щита. Присмотревшись, она разглядела множество таких ямок и кучек.

Фигура вдруг перестала раскачиваться, поднялась, полным отчаяния рывком оказалась у стекла и, навалившись на него, замолтила по нему кулаками. Лицо ее при этом казалось маской из античной трагедии и выражало страдание и безысходность. Искривленный рот открывался — видимо, криком, но беззвучным. Пострашнее театральной постановки.

Перестав колотить по стеклу руками, администратор схватила лопату и начала лупить уже ею. От ужаса на Надю снизошло необычное проворство, и она кинулась к тому месту, где разыгрывалась трагедия. Увидев ее, администратор опустила лопату и истеричными жестами и мимикой стала показывать на дверь. Та была заперта.

— Сейчас, подождите...

Надя отпрянула от стекла и стремглав бросилась в раздевалку за ключом. Повернулась слишком резко... и въехала лбом в чей-то торс. Если бы обладатель торса был чуть ниже ростом, удар пришелся бы лоб в лоб. Но чубастому лбу на этот раз повезло.

Потирая свой, Надежда набросилась на подоспевшего сыщика:

— Где ключи?! Чего стоишь? Она же там задохнется! Ты брал их? Я не помню!

— Ничего я не брал.

Он подскочил к двери и стал дергать ее за ручку — конечно, напрасно.

Ключи нашлись в кармане растерзанного синего халата, засунутого под прилавок.

Вид у главного администратора, когда она вывалилась из западни, был такой, будто ее вынули из кадушки с огурцами — недосоленную. Все на ней было жалко-поникшим, все с нее свисало. Вместо всегдашней укладки — пряди волос спускались на плечи беспомощными сосульками. Шикарный костюм сидел мешком. Не свисали только серьги — их не было вообще.

Дмитрий, с сыновней готовностью поддерживая пострадавшую под локоть, усадил ее на ближайшую скамью.

— Захлопнулась! А ключ я не брала... Она была открыта, когда я подошла. И почему только она была открыта?

Надежда не стала рассказывать ей, что этот клочок тропиков был облюбован главным режиссером и простой гардеробщицей для деловых переговоров о возможности дальнейшего сотрудничества и ввиду драматичности этих переговоров никто и не подумал о том, чтобы закрыть какую-то дверь. Она вообще ничего не могла из себя выдать. То, что она видела перед собой, ничем не напоминало прежнего, вечно воодушевленного собственным пением главного администратора. К тому же та вновь принялась раскачиваться, как дипломированная ритуальная плакальщица. Это было уже слишком.

— Исчезла коробочка... понимаете, такая красивая... самая красивая была. Нигде нет! Она говорила, пока коробочка здесь, с ней ничего не случится... А ее нет! Уехала насовсем. Что теперь делать? Что делать? Где искать?!

— Кто говорил? Куда уехала коробочка? — с заискивающими интонациями психиатра спросил Дмитрий.

— Ирочка. Она, когда зарыла этот «секретик», сказала, что, пока он там, и она будет в театре. Мне ее не с кем было оставлять, когда она маленькая была. Брала ее сюда, на работу. И они тут играли с Кристинкой. Самая любимая игра была — «секретики» эти. Еще записочки тайные писали, такие выдумщицы...

Надежда уже была в пути — снова к своему хранилищу вещдоков, которое так недолго их хранило. Дмитрий спешил за ней. Сакральный предмет в целости и сохранности был отдан ему для дальнейшей передачи по назначению.

— Да ты не поверишь! Она вообще героическая женщина, Зоя Георгиевна.

— Чего ж не поверю? Я сама уже поняла.

— Если бы не она... Я уж ей сказал, что вовсе не Ирочка коробочку вырыла, так она сразу ожила. Кристина тоже молодец! Ты же еще не знаешь ничего. Тут такое!.. В общем, операция завершена. Подожди, щас вернусь, расскажу.

Всклокоченный пуце прежнего, сыщик умчался.

«Прямо как про Зою Космодемьянскую. Вот тебе и Мы-ждем-только-вас! Ну и Кристина, конечно, тоже героиня дня... то есть ночи. Да спит ли вообще кто-нибудь в этом театре?»

И никаких признаков кофе. Буфет еще закрыт. Чтобы не поддаться сну, Надежда принялась за рутинное развешивание номерков. Смысла этой операции она больше не пыталась постичь: зачем их сначала все снимают, а потом опять развешивают. Так надо.

Дмитрий тем временем продолжал изображать примерного тимуровца, поддерживая Зою Георгиевну, — помогал ей дойти, видимо, до ее кабинета. Оглянувшись, он воодушевленно посигналил Надежде: «Я сейчас, я скоро».

— О, как ты рано! А я вроде не видела твоей росписи в журнале на проходной...

По другую сторону барьера стояла Галина. Когда успела подойти? Возникла, как из ниоткуда. Какая-то тоже неслабо всклокоченная, не-накрашенная, под глазами тени. Улыбка ненатуральная, театрально приделанная. В руках перчатки, Галина то скручивала их жгутом, то раскручивала.

«Вот ведь недосыщик! Как за уход, так он не забыл расписаться».

— Привет! Ты тоже в такую рань... Роспись? Да я, наверно, забыла...

— Да, видок у тебя опять... Ночная смена? Сверхурочные в гардеробе? Узнать бы, кого ты раздеваешь сверхурочно! И без кофе?

При слове «кофе» Надежда почти почувствовала его вкус во рту, внутри случился непреодолимый спазм, и снова предательски заурчало в животе.

— Ну что, идем?

Несколько тревожно на секунду мелькнуло: «И чего она с этими перчатками?..» Но какие раздумья, когда впереди маячит чашечка настоящего кофе! И Надя легко исполнила свою «вертушку».

Только за ними захлопнулась дверь в коридор, как в противоположном конце фойе появился Дмитрий. Он на всех парах подлетел к Надеждиному барьеру и, никого не обнаружив, остановился, сбитый с толку.

В знакомой уже гримерной было тепло и царил полумрак. Запаха кофе, однако, не ощущалось.

— Ну так что, тебе больше всех надо в этом театре, да? — спросила Галина, усадив Надю в «электрическое» кресло. — И все ночами, ночами. Никто столько не работает. А вот простая гардеробщица...

Тут только Надя заметила, что тон, каким говорила Галина, был не совсем дружеским, а точнее — совсем не дружеским и не предполагающим приятного распития кофе. Артистка села за свой гримерный стол спиной к Наде и смотрела на нее в зеркало.

— И столько интересных вещей стало происходить в нашем театре с твоим появлением. Серым будням хана! Сначала вор — сроду никаких воров у нас не было. В нашей гримерке кто-то шарится в наше отсутствие. Потом вдруг спектакль, над которым горбатились полгода, накрывается медным тазом. А мне еще после репы Погодин давай втирать, что у меня, видите ли, недостаточно параноидально выражена покорность и пассивность образа. Это ведь твое слово! Никто раньше ни про какую параноидальность не заикался в этом театре. Потеряю роль — низкий тебе поклон! Потом исчезают директриса с администратором...

Галина распалаясь все больше, ничуть не стараясь скрыть свою озлобленность. Обернулась постаревшим недобрый лицом к Надежде.

— А сегодня еще лучше — Виктор пропал. Не ночевал, телефон недоступен, и вообще неизвестно, где он и что с ним. Может, ты знаешь? Тебе ведь известно больше, чем другим. Ты знакома с элитой, простая гардеробщица. Кто ты? И какие такие сокровища тебя интересуют?

Садовника еще тебе подавай! Чего ты рыщешь по ночам? Ты откуда вообще здесь?

Наде, при всей пафосности постановки вопроса, стало почему-то капельку смешно — должно быть, от неожиданности и абсурдности этого списка обвинений.

— Так тебе весело? — Лицо Галины вдруг мгновенно покрылось красными пятнами, совсем как у главного администратора.

— Ты так много сразу спросила...

Актриса тем временем натягивала свои тонкие кожаные перчатки.

— Мне сейчас надо будет уйти — у нас собрание. У тебя будет время обдумать ответы.

— Да чего тут думать-то!

Перчатки натянуты.

«Зачем?»

— А чтобы тебя ничто не отвлекало и чтобы тебе не было так смешно...

Галина, подойдя к «электрическому» креслу, потянулась своими руками в перчатках к Надиным, доверчиво лежащим на подлокотниках, и, прежде чем та успела что-нибудь понять, быстрым, почти профессиональным движением защелкнула ремни на ее запястьях.

— Правильно мне Виктор говорил, да жаль, я не слушала. Тебя ведь Петрова привела. Если узнаю, что с Виктором что-то случилось, тебе конец!

Она стянула перчатки и бросила их в сумку. Повесила сумку через плечо, посмотрелась в зеркало, вызывающе задрала подбородок и вышла, захлопнув за собой дверь.

Надя сидела в оцепенении. Она сидела бы так, даже не будучи прикованной. Разглядывала будто бы знакомую фотоэкспозицию на стене. Нет, уже не знакомую — даже кактусы в симпатичных кашпо будто сменили обличья.

«Странно... Этот закон пока еще никто не открыл: материальные объекты, не подвергаясь ни химическому, ни физическому воздействию, меняют свою суть».

— Да-а... И правда смешно. Зачем пристегивать-то? Да еще в перчатках! Переборчик. Театральщина. Э-хе-хе! А ты, Галя, — кто ты? Я думала, у нас дружба. Выходит, Аня была права... Все на свете разбираются в жизни лучше меня. Впрочем, тревога за любимого человека, конечно, может довести до сумасшествия... Господи! Я что, тоже схожу с ума — разговариваю сама с собой?

«Кто я, правда, в стенах этого театра? Вот в чем вопрос. Уже не гардеробщица, но еще не... кто? Ответа нет. Надо подождать до конца дня».

— До конца дня еще надо дожить, — опять вслух сказала Надя.

«Мастер по попаданию туда, куда вовсе не собиралась попадать, — вот кто я».

Ей вспомнилась старая сказка-притча о лягушках, упавших в кринку с молоком. Та, что не сидела пассивно и вышла из кринки живой и веселой.

«И как же я буду держаться за эту ночь? И как теперь репетиция в два часа?!»

Надя рванула руки, ремни впились до боли. Тогда она попробовала пошевелить только кистями. Ей это удалось, без особого даже труда. Удивившись, она стала пытаться протащить кисть правой руки сквозь петлю. Та не проходила самую малость. Тогда Надя попробовала вынуть левую кисть — кожа на ней собралась гармошкой, покраснела, было немножко больно, но это ерунда. Левая рука была тоньше правой, и поэтому покрасневшую и покореженную, но Надя ее вытащила! Хоть здесь повезло! Ремешки-то были рассчитаны на нормальные руки, а не на ее цыплячьи лапки.

Но освобождение было неполным. Дверь. Надиных замечательных ключей сейчас при ней не было. Звать на помощь? Кого?

И вдруг снаружи раздался стук, громкий и требовательный.

Надя вздрогнула, но все же вполне твердым голосом спросила:

— Кто там? — здраво рассудив, что не хозяева же стучатся в собственную дверь.

— Это я, — услышала она взволнованный и почти родной голос сыщика. — Ты что, там одна?

— Угу.

В замке радостно повернулся ключ, и дверь тотчас же распахнулась. Спаситель сиял, как пафосный глянцевоый журнал, — так же самонадеянно и глуповато. Видимо, от гордости за проведенную без сучка без задоринки операцию. Волнуясь, он выпалил:

— Мне почему-то сразу это не понравилось! Смотрю — в раздевалке тебя нет. Куда делась? Пошел искать. Вижу, несется на всех парах эта, жена Виктора, красная вся. Как-то видел тебя с ней. Неспроста, думаю.

— Святая дедукция! А ключ-то у тебя откуда?

— Откуда-откуда... Нужен он мне был. Для работы.

— Так это из-за тебя... Это ты к ним сюда навевывался без приглашения? А она меня — из-за тебя!

— Да я же тебе еще ничего не рассказал. Виктора Моренова — все! Посадили.

— Как посадили? Куда?

— В СИЗО. На сорок восемь часов пока...

— За что?! Почему? Ты что! Она же меня теперь убьет!

— Да ладно. Гале твоей сейчас не до тебя будет. Муж сначала запретил ей сообщать, надеясь, что выкрутится с помощью адвоката. Но сейчас, думаю, уже сообщил. К тому же обыски идут и в «Лагуне», и здесь... Удивляюсь, почему до сих пор еще никого нет.

— А кофе... Так и не попила. Ни одной чашки. Совсем как Любовь Андреевна...

Дмитрий притащил откуда-то целый кофейник вполне натурального кофе. И не только кофе, но еще полшоколадки и целый рогалик в придачу. Из кабинета героической Зои Георгиевны, оказалось. С ней у сыщика образовались неожиданно теплые, чуть ли не родственные отношения.

«Репетиция в два часа» — это всего теплее и дороже. А пока... Избежать отчета коллеги по сыску о его триумфе, понятно, не было никакой возможности. Надежда устроилась, как могла, в продавленном кресле, которое показалось райски мягкой колыбелью по сравнению с предыдущим «электрическим». Лучше не вспоминать. Это уже не театр, это его гримасы. С горячим кофе — как можно хладнокровнее отнестись к повести бывшего актера, теперь сыщика. И никуда больше не лезть.

Чаще других произносилось имя Виктор. Именно это имя — заслуженного Тарзана, красавца-спортсмена и пропавшего мужа Гали. Сразу всплыло в памяти: это его голос Надя слышала за дубовой дверью в ночном заведении, это он так испугал ее — и не зря.

После того как Надя и Дмитрий расстались в злочной заводи, Кристина взбудоражила сыщика известием: если Виктора Моренова не возьмут сегодня ночью — будет поздно. У него уже готов билет — Кристина сама его заказывала — и паспорт для отбытия за границу. Она при Моренове была вроде секретаря-переводчика. Сам он в языках не силен, Кристина переводила ему договоры с его иностранными партнерами, была в курсе всех его дел — и потому боялась его. А он держал ее крепко — с помощью наркоты.

— Что-о! Вот гад! — Надя в ужасе прижала ладонь к груди и чуть не выронила шоколадку.

— Не перебивай. — Рассказчик воспользовался смятением в рядах слушателей и отхватил от шоколадки изрядный кусок. — Да, Виктор уловил, что у Кристины была депрессия после ухода из ансамбля. Она там действительно была самой яркой, я сам видел, и мечтала стать настоящей актрисой. Но начиная с четырнадцати лет она стала так тянуться, прямо как бамбук. Обогнала в росте всех мальчишек в ансамбле. Переживала... вплоть до попыток суицида. Короче, Моренов подсадил ее на эту отраву, и не ее одну. Это, собственно, и стало его основным бизнесом.

— И есть доказательства?

— Кристина передала мне копии договоров, накладных, счетов — те самые, которые я в тот раз надеялся найти в кабинете у главной. Виктор, конечно, тот еще фрукт. Он действовал то от лица директрисы, то еще от чьего-нибудь. Его подписей нигде нет. Директриса, поначалу отдавшая в его руки и студию, и ресторан, в какой-то момент одумалась, да было поздно. Он превратил и то и другое фактически в свою собственность, и ему все было мало. Сдать она его не могла — подписи-то везде ее...

Хоть Надежда и заслушалась вопреки своей установке, все же одна непонятность ей мешала. Почему именно этому вихрастому «гиганту сыска» выпало стать центральной фигурой в раскрытии такого дела? Не угрозыску там, не милиции?

Детектив от такого ее непонимания сразу как-то помрачнел, с достоинством отставил чашку с кофе.

— Да все это давно накапливалось, накапливалось — и в конце концов рвануло. Развязка произошла стремительно, а я тут как тут — оказался под рукой. Революционная ситуация была налицо. От Виктора мечтали избавиться директриса, Кристина... ну и главный администратор, которая

опасалась, что с ее дочерью может стрястись то же, что и с Кристиной. Но поначалу они хотели этого поодиночке — каждая сама по себе. Пока Зою Георгиевну не осенило объединиться с Тамарой Васильевной — как раз после их ссоры возле душевой. Ты помнишь, она бросилась вдогонку за Тамарой?

— Как не помнить! За стальными каблуками.

— Так вот. Вламываться в кабинет директрисы и вцепляться ей в прическу Зоя не стала — услышала, что там Виктор. И часть их разговора подслушала тоже. Моренов звал Тамару поехать в его новый загородный дом, но та отнекивалась: позднее время, мол, устала... На самом деле она просто уже его побаивалась. Вот тут у Зои и созрел план объединиться — в момент!

Надя вдруг подумала: ведь Погодин прав. Ну какое ей до всего этого дело? Ведь они сами в конце концов между собой разберутся, всем раздадут по сергам.

— Совершенно сумасшедший, если подумать, планчик, который мог прийти в голову только матери, спасающей свою дочь от гибели. Зоя позвонила на мобильный Тамаре и предложила союзничество ради того, чтобы одолеть зарвавшегося Витька. Васильевна — дама тоже авантюрная, выслушала, не подав виду, с кем говорит, быстро смекнула, что, наверное, это единственный выход, и согласилась. Сказала Моренову, ладно, мол, уговорил, поехали к тебе. Зоя, опережая парочку, влезла в директорскую машину...

— Как это? Без ключа...

— Да не перебивай ты! Она тоже ею иногда пользовалась, ключ у нее был. В общем, Зоя залезла внутрь и спряталась на заднем сиденье. Пока поджидала остальных, позвонила Ромке. По ее задумке он должен был приехать к дому Виктора с опергруппой, засвидетельствовать факт преступления и т. д. Однако Роман был недоступен. Зоя Георгиевна не знала, что он едет в поезде вдогонку за ее Иркочкой.

— Мамаля ее допекла?

— Если бы! Она сама давно уже запуталась. С одной стороны, у нее было стремление к успеху любой ценой, с другой — она совсем не хотела попадать под власть Виктора. Опасность была реальная. Ирина решила забить на все и на время уехать, от греха подальше, к подруге в другой город, не сказав об этом никому...

Рассказчик вдруг замолчал на полуслове, устремив взгляд куда-то за Надино плечо.

Надежда оглянулась. Позади нее стояла снегурка — Анна в заснеженном пальто с серым песцовым воротником под цвет глаз. И так пахло от нее вольным свежим воздухом и морозцем! Снежинки еще не успели растаять и сверкали бесподобно, по-новогоднему.

Батюшки! Скоро ведь Новый год! А она, Надя, тут — по запотевшим осьминожьим садам. Совсем срослась с этим кораблем.

— Аня, тут такие новости...

— Про нашего-то? Да знаю я уже. Встретила Зою Георгиевну — она в больницу поехала навестить директоршу.

В тоне Анны не было никакого воодушевления. Методичными движениями она отряхивала снег с воротника. Немножко даже враждебно отряхивала.

— Поймать-то — еще полдела. У него ведь все концы в воду. Поди докажи!.. Ладно, я работать пойду, номерки надо развесить.

И она ушла к себе. А Надя в который раз подивилась непревзойденному трезвомыслию профессионала гардеробного дела. Впрочем, что ж непонятного? А ну как появится снова этот спрут через сорок восемь часов — что тогда будет с ее дочкой?

— Это мы еще посмотрим! Ладно, не отвлекаемся. По дороге Тамара рассказала Витьку про свою стычку с Зоей: мол, эта ненормальная на все способна. Подготовила его. Так что, когда по прибытии в машине обнаружилась еще и «ненормальная», Моренов не сильно удивился. К тому же Зоя вполне естественно попыталась подраться с Тамарой. Что было делать Виктору? Он взял и изолировал буйную даму в закрытой комнате. Чем не похищение? Что и требовалось!

Надежда почувствовала усталость, желание отключиться от остро сюжетного повествования и вновь припомнила погодинскую неприязнь ко всем этим закулисным баталиям. Хоть бы он опять не увидел их здесь вдвоем с Дмитрием, больно уж разрушительно это на него действует...

Она вдруг услышала, что кто-то произносит ее имя. За барьером стояла девочка-школьница — так она выглядела — из секретариата. Длиннющая — по-видимому, на нешуточных каблуках, худющая — но одетая во взрослый офисный костюм. Раскрыла папку для пушечей важности и, как по нотам, тонким голоском без выражения зачитала:

— Вы Надежда Влади...

— ...славовна.

— Ага... славовна. Игорь Михайлович просил вас подойти к нему сегодня в час тридцать.

«Ура! Как раз окончится смена».

— Тамара, в отличие от Зои, видела, куда они едут, и хорошо запомнила дорогу. Но кому сообщить? И она решила позвонить Кристине, чтобы та срочно разыскала Романа... — Рассказчик, похоже, не заметил ни девчонки, ни ее объявления, с головой погруженный в свою сагу.

Посланница устала на сыщика с любопытством. Надежда не могла пнуть его, потому что не дотянулась бы.

«Как же его остановить?»

Ничего не придумывалось, и от напряжения она закашлялась, перхнувшись кофе, не театрально, а взаправду, — только тогда рассказ прервался.

Дмитрий наконец заметил нового слушателя, замолчал и потянулся за своей чашкой, выжидая. Девчонка нехотя захлопнула папку и пошла назад — тут уже стало отчетливо видно, на каких каблуках! Чуть не в половину длины Надеждиной ноги от щиколотки до колена. И стало отчего-то тревожно. Цок-цок по гранитному полу. Звук, отшибающий надежду.

«Надо, надо держаться... за сегодняшнюю ночь. Она была не зря».

— ...Риск, конечно, но они понимали, что Кристина тоже сыта по горло «опекой» Виктора, — с новыми силами начал сыщик. — Да и некому больше было звонить. Ну а Кристина как раз в тот момент увидела меня. И тут уж... Я связался с шефом, попросил подкрепление... Нет, эти дамочки — настоящие артистки! Они представили дело так, что он их обеих похитил. Вот где искусство! Но далось-то им все это не так просто: Тамару напрямик в больницу отправили на скорой. Мы подоспели вовремя, вот прямо только-только.

— Неужели конец? Ура! Но... если он правда выйдет? Он ведь тоже... артист. И будет бороться.

— Ну, финансовые махинации ему впаяют как минимум: домик там не на один миллион. И у него это не первый эпизод, когда он путает свои карманы с чужими. Из спорта его тоже поперли — думаешь, за что? За близость к кассе. Чудом избежал уголовки, заступники нашлись. Вот по самому главному его теперешнему «бизнесу» — пока ничего надежного. Но тебе-то чего бояться? У тебя ведь боксерские перчатки есть.

— Да они не мои... Стой-ка! Перчатки... Помнишь, у меня руки были в чем-то белом?

Журналы, книжки долой с подбарьерной полки — вроссыпь на пол! Перебрала все на два раза — рюкзака с чудесными перчатками нет.

— Кто-то их спер. А может, он в них хранил?..

— Может. Но теперь уже не хранит. И руки ты, наверно, уже мыла. Может, обыск что-нибудь даст. Ну все, я тоже побегу — работы море. Надо в таможенню сгонять, вдруг у них чего-нибудь нарою. У Моренова там, определенно, есть свой человек. Недаром таможенники у вас пировали недавно.

— О, уж я-то помню, как они тут пировали! Я у них стала, можно сказать, своим человеком. Даже поклонники там появились. Да, цветы дарили и...

Она подняла руку, собираясь хлопнуть себя по лбу, но не хлопнула, бросив взгляд на выдающийся сыщиков фонарь.

— ...и вещицу еще одну замечательную!

И снова к своему волшебному барберу — цилиндру иллюзиониста. В самом дальнем запыленном углу лежала она, тоже слегка запыленная, — видеокассета щедрого, но абсолютно нетрезвого таможенника.

— Погоди, мы еще кино посмотрим.

Просмотр устроили в кабинете у главного администратора — получили удовольствие, правда, только от второй части. Первая часть кинопроизведения по праву могла бы именоваться «Надежда». Добрых минут пять на экране присутствовала служительница гардероба в новом костюмчике с подогнутыми рукавами и панической улыбкой на устах. Но с обязанностями своими она справлялась почти виртуозно — Наде было не стыдно за себя.

Дальше — интереснее: накрытые праздничные столы, синие мундиры, вооружившиеся ножами и вилками, шум, смех, звон приборов и посуды. Ракурсы пляшут буквально вприсядку: один, весьма смелый, был схвачен... под столом. Ноги таможенных дам без туфель, кое-где руки

таможенников на соседних коленках таможенниц. После съемок «с колена» последовали еще более революционные — из положения лежа, не иначе. Оператор пил явно не воду. В кадре была разная обувь — импортная, новенькая, как на подбор, был узорчатый ковер, пробки от бутылок... Должно быть, камерамен прилег отдохнуть прямо на полу, а может, и задремал там, потому что крупным планам обуви не было конца и края.

Надя в смущении уже хотела остановить киносенс, как вдруг оператор проснулся. Кто-то определенно его как следует встряхнул: камера крутнулась, взметнулась под потолок, описала круг по всему залу, начала слепо тыкаться в разные углы, словно ее владелец судорожно что-то искал (туалет?), — и в результате то и дело натыкалась чуть ли не на самостоятельную корпоративную порнографию. И снова обувь. Просто ярмарка обувного тщеславия.

Надя издала тоскливый вздох. И тут же увидела рядом с лакированными ботинками — кроссовки. Одинокие белые кроссовки, джинсы и серый свитер посреди моря синих мундиров и начищенных ботинок.

— Ты видел?!

— Да, — сказал детектив, посерьезнев пуце прежнего. — Досмотрим до конца.

Камера вновь начала отчаянно отплясывать камаринскую. Затем, не найдя туалета, отправилась в обратный путь. Зависла в нерешительности — общий план, какая-то свалка веселящихся, орущих людей... И на заднем плане — стоящие в сторонке, в тени филодендрона, двое трезвых мужчин за серьезной беседой. Один из них — Виктор Моренов, второй — кто-то из таможенного начальства.

— Ну что, покупаешь пленочку?

— Ну ты... Может, тоже пойдешь к нам работать?

Надежда от души рассмеялась:

— И то правда! Для театра все, что могла, я уже сделала. С меня театр начинается, на мне он и закончится. Есть такое мнение. Стоило мне здесь появиться, так и пошла беда за бедой — все из-за меня. Так что да, теперь можно и на новое поприще, где я еще ничего не успела...

Улыбка ее погасла. Она вдруг поняла, что, хоть дальнейшая судьба двух и более девушек (thousand girls) теперь вроде бы не вызывала опасений, в целом этот остросюжетный рассказ Дмитрия был как взбитые сливки на торте — пышная пена... отвлекающая и мешающая. По какой-то непонятной прихоти судьбы Надежда оказалась втянута в то, что было ей совершенно чуждо.

Она никогда не любила взбитые сливки и старалась избавляться от них, сгребая их ложкой подальше в сторону. Главное же содержание торта — дня сегодняшнего — таилось в его глубине: то невероятное событие, которое происходило в кабинете у Погодина несколько часов назад, и то, которое еще будет происходить, назначенное на два часа, — их соучастие, со-переживание, со-писательство. При воспоминании об этом она снова почувствовала себя на корабле при среднебалльной качке. Но водная стихия была ей по нраву. И то, что волны предчувствия накатывали от сердца к

голове, было здорово. Эти волны не потопляли — они несли в сверкающую даль.

— А ты не думала, что неслучайно все это случилось? — Дмитрий все еще был здесь.

— Что случилось?

— Ну что ты тогда оказалась там, где главная и директор устроили мордобой? Что мы пересеклись тогда на том этаже...

— Ох, опять ты... Конечно, не случайно, а вследствие моей вопиющей, врожденной глупости. Умные люди по-хорошему предупреждали: не шлейся по театру ночью.

— Нет, ну ты же знаешь, что любая случайность — это заключительная часть в цепи неких предопределенностей, которые и дают вроде как случай. Предопределенность была? Сначала ты осталась без работы, потом на новой работе платили мало, пришлось подрабатывать по соседству, а чтобы успеть туда к шести утра, надо было переночевать здесь...

— Ну и к чему ты...

— А у меня была своя цепь предопределенностей...

— Ну и что? — Надя начала терять терпение, ей уже хотелось остаться наедине со своей драгоценной «начинкой», и больше ничего ей не надо было.

— Ты что, не помнишь? Мы же поклялись на меня в «Лагуне». Это все ради того было проделано, чтобы послушать «Дорзов» наконец! Сегодня как раз в одном клубешнике выступит трибьют-группа...

— Да ты в уме? Вот клубешник — это как раз то, что человеку нужно позарез после миллиона бессонных ночей. «На меня поклялись!» Лучше скажи про Галю. С ней-то теперь что?

— Как свидетель будет проходить. Вообще, конечно, удивительно! Она, по ходу, ничего не знала о своем благоверном. Даже о доме этом... Только никому ни слова про «похищение» и про все, что я рассказывал! Думаю, сама понимаешь.

Ей даже захотелось легонько потрепать «начальника» за вихры. Чтоб не зарывался.

— Ну, я побежал... — Со знаком если не целого, то полувопроса.

А сам стоит, перекладывает кофейник из одной руки в другую.

«Может, ему нужна похвала?»

— Кто-кто, а я-то не сомневалась в твоём успехе. Тебе ведь сверху видно все лучше, чем другим.

Дмитрий вместо воодушевления повесил голову.

— Нет, если серьезно, ты еще не успел обрасти трафаретами в своем деле. Свежий взгляд, знаешь, иногда лучше векового опыта.

— Угу... Ну вот и... Раз он у меня такой свежий, мой взгляд, то я и утверждаю, что неслучайно все было кем-то подстроено — неважно кем. Чтобы встретиться здесь, в этом грозном гардеробе, практически стать Riders on the Storm — оседлать грозу, короче!

Надежде захотелось запустить в него тапкоботинком.

Наконец-то он исчез.

«Пусть так же все исчезнет, рассеется все не относящееся к делу. “В грозном гардеробе”, скажет же! В пенно-грозном. Лишь бы эта пена не повредила основному содержанию дня. Лишь бы не нагнали сюда отряды конной милиции или еще кого. Лишь бы они не тронули наше “два часа”!»

Первые зрители стали сдавать пальто. Значит, все идет нормально. Ну, временно без Мы-ждем-только-вас.

В час двадцать Надежда, даже ничего не сказав Анне, бежала к нему, к своему наиглавнейшему из главных режиссеру. И в коридоре, недалеко от его кабинета, навстречу — та же девчонка, на тех же невысказанных каблуках, и на той же одной ноте, но уже не открывая папки, по памяти:

— Игорь Михайлович просил вас не приходить к нему сегодня в час тридцать.

— Ка-ак? А во сколько?! — Надежда остановилась «на полном скаку», и что-то с тоскливым звуком лопнуло в ней, совсем как в конце «Сада». И внутри образовалась пустота.

Школьница дважды быстро-быстро пожала плечиками с самым беспечным видом, помахивая пустой, видимо, папкой, только что на одной ножке не подпрыгивая.

«Нет, все же в этом театре произойдет убийство! Хоть и без ружья в первом акте».

Надежда миновала это существо, далекое от глобального театрального процесса, и была уже совсем близко к кабинету Погоды, когда дверь яростно распахнулась и из нее вылетел режиссер собственной персоной — с таким видом, будто хотел протаранить или стереть в порошок любого на своем пути.

Несгибаемая гардеробщица не дрогнула:

— Что случилось? Почему...

— Это вы меня спрашиваете?!

— С каких это пор мы на «вы»?!

— «Вы» — это вы с вашим замечательным... вундеркиндом этим дефективным, Пинкертоном этим недокормленным! — Режиссер в ярости выбросил правую руку с указующим перстом в сторону гардероба.

Девчонка, очутившаяся тут как тут, не без довольства усмехнулась. Однако, увидев Надеждино лицо, перестала лыбиться и быстро устремила равнодушный взор в потолок.

— Радуйтесь! Репетиции не будет! Потому что в реанимации тоже есть телефоны. Половина народа в тюрьме, половина — в больнице. Красота!

— Какая половина? Один всего, и не в тюрьме, а...

— Да ты понимаешь, что она позвонила из своей реанимации и... А ты что здесь делаешь? — не снижая тона, пигалице из секретариата.

— Я? Я выполняла ваше распоряжение...

— Ну перевыполнила уже, спасибо преогромное!

Девчонка привычно пожала плечиками и поцокала по каменному полу коридора.

— Кому рассказать!.. Вчера еще был театр как театр. Образцовый, лучший в городе... Вот это способности! В общем, все свободны. — Погодин махнул рукой и хотел идти.

— То есть как это? — Надежда не дала ему пройти, шагнув туда же, куда и он, даже наступив ему на ногу. — Это что же — все зря было? Наша работа. Наши... идеи. Просто так все?

Те волны, что еще совсем недавно питали ее душу ожиданиями невероятного, превратились в грозовые темные валы, от которых ей самой делалось страшно. Чтобы заглушить этот страх, она не говорила, а кричала в голос, сама того не замечая.

— Если я это сделаю, это будет мой последний день в театре! — кричал Погодин в ответ. — Вот что мне сказали из реанимации, потому что жизнь в театре останавливается на время ее отсутствия! Не имеем мы права на жизнь без начальства, понятно? Вот зачем тебе это было надо — ворошить крысятник? Ни раньше, ни позже! Да таких Викторов появлялось и исчезало... Ни один из них, даже самый страшный, ничего театру сделать не может! Понимаешь ты?

— Театру он, может, и ничего не сделает, а вот людям...

Сильнее кричать Погодин, видимо, уже не мог и потому продолжил, сбавив громкость:

— Ну да, я слышал, слышал. Только попрошу заметить, ни один из этих персонажей детективной драмы — не артист. Этот ваш заслуженный — тоже, я его никогда к таковым не относил. Он у меня всего-то занят был один раз, и все... Единственное, что он может сделать, — стать материалом для переплавки. Театр вбирает все: и свеженькое, и с душком, и прекрасное, и безобразное — и не давится. А если он не будет этого делать, вот тогда ему конец! Такая тема, — добавил он зло.

— А у меня вот какая: за сегодняшний день меня уже в сто первый раз причислили к могильщикам Мельпомены, это уже стало общим местом. А я ничего не ворошила. Мне просто надо было найти душ, чтобы не замерзнуть до смерти. Все это ворошилось само собой, и было... предопределено, и произошло бы и без меня. А еще кто-то совсем недавно говорил про смелость! — Надежда задрала подбородок вверх, вспомнив, как это делала Гаина.

— Н-да... Известное дело, у вас, физиков, кому ванна, кому фруктом по башке, ну а самым гениальным, видите ли, в душ позарез в рабочее время. В общем, нескучно излагаешь, нескучно. Как-нибудь поподробнее расскажешь, как поиски душа ведут к краху театра. Это что, была твоя месть?

— Какая еще месть?

— За бесцельно прожитые годы. Ты обязана была служить ему и только ему — разве тебе фея тогда не объяснила популярно?

Она не успела спросить, какая еще фея.

— Ладно — потом, после... Сейчас некогда. Потому что... э-э... в два, между прочим, была назначена РЕПЕТИЦИЯ! — заорал он страшным голосом. — Вот именно! Репетиция. А ты как думала? Или все что, уже забыли?!

5.

Как они шли по широкому коридору, ведущему в зрительный зал... Все, кто навстречу, — расступались, глазели, замолкали, хоть Надя была не в своей сверхлинялой спецодежде, а в джинсах да свитерке цвета «какао с молоком», как все нормальные. Плыла в тени крупной, плечистой режиссерской фигуры в свитере грубой вязки, кажется, даже немножко переняв его манеру — вроде не сильно спеша и в то же время с напором. Под ноги такому лучше не попадаться — сомнет не глядя.

Как входили в зал... Он сильным толчком распахнул большую, тяжелую дверь и, слегка ссутулившись, пропустил Надежду вперед.

Вот где она, настоящая пещера Аладдина! Ни окон, ни дневного света. Примет, не примет? Бесшумно шли по мягкому ковровому покрытию в полутемном безмолвном пространстве. Она боялась оступиться. Он, идя на полшага позади, легонько подталкивал ее под локоть, чтобы не тормозила. И покрытие, и полумрак были поглощающими — поглощающими целиком даже не столько тело, сколько душу. И Надежде хотелось быть поглощенной ими.

«Примет, куда она денется. А вот как потом из этой пещеры выбраться?»

Погодин направился к своему режиссерскому месту в середине зала, где проход. Надя хотела сесть в другом ряду, но режиссер указал на соседнее со своим кресло и вновь пропустил ее вперед. Она было засопровтивлялась — и тут же увидела беспощадный взгляд: «Что, снова халат?»

И вот они сидят рядом. Перед ним на хилом столике листы с текстом, бутылки с минеральной и стаканы. Перед Надеждой — ничего. Зачем ей листы? Она и так помнит каждое слово.

За закрытым занавесом чувствовалось движение, вокруг тоже ходили, бегали; иногда кто-то подходил к главному, спрашивал что-то и быстро уходил — все как бы немножко на цыпочках. Один раз мелькнуло лицо Светланы. Осветители пробовали свет, не подавая голоса.

Со сцены тянуло сквозняком. Надю и без того знобило. «Какао с молоком» не спасало. Посиневшие руки она пыталась согреть, стиснув их в замок.

«Как они т-там, бед-дные, ход-дят-т полуод-дет-тые на эт-той сцене?»

Ни перед одним экзаменом зубы ее не выбивали такую дробь.

— Смелость, говоришь... Молодчина, кое-что усвоила. Садись, пять.

— Хм... Усвоила. Как буд-дто смелость не нужна исслед-дователю. Д-да настоящие ученые ход-дят по лезвию — между возможным и невозможным. Но т-там я в своей сред-де...

— Хорош трястись! У тебя ж только что получалось — подбородок вперед и вверх, как матрос с «Потемкина», и голос слышно, и даже выше ростом становишься. Надо почаще тебя злить, я понял.

— Угу, методика сказочная! Взяла и научилась всему за одну ночь.

— А чем быть хуже сказки? Иногда такая быль попрет, что сказка отдыхает в сыром подвале, накрывшись ветошью. Могильщик

Мельпомены! — Он заулыбался наконец нормально, без ехидства. — Самонадеянность, однако, больше тебя самой. Никому еще не удалось, да и тебе не светит. Я, может, и сам не так уж рад сообщить вам неприятное известие: театр все равно будет, потому что он будет всегда! Что тут непонятного? Человеку мало только его собственной маленькой жизни — это все равно что в одной комнате всю дорогу сидеть. Тянет ведь и в другие заглянуть, на чердак, в подвал... Но не каждый пустит к себе, тем более покажет свои скелеты в шкафу. А театр — пожалуйста! Все что угодно, с радостью: вагоны скелетов, эшелоны красавиц, убийцы оптом и на развес, феи с волшебными палочками и без...

— Да-да, а про фею, кстати, что за притча такая?

— Так ты что же, не помнишь?

— Чего помнить-то? У меня нет знакомых фей.

— Ну а когда-то, давным-давно, еще в самом начале театра, когда ты еще сама была не выше сцены? Ну вспомни, как она появилась — во всем таком прозрачном, с палочкой, из которой дым...

— С мундштуком, а не с палочкой. А откуда ты про нее... Ты что, был той феей?

— Ну спасибо! В трансвеститы меня еще не производили. Я тогда, вообще-то, был не больше тебя, и она сама мне говорила...

— Сказки!..

— Да был я там! Помнишь, пацана вы чуть с ног не сшибли? Не надо было убегать так быстро. Вечно ты трусишь. А я вот не испугался, и она подошла ко мне. Сама. Сначала посмеялась надо мной слегка, а потом обняла и поцеловала. Потом еще палочкой своей промеж лопаток...

— Мундштуком.

— Говорят тебе, настоящей волшебной палочкой!

Да уж, слушать такое от здорового, не первой молодости мужчины, обросшего, как броней, не только щетиной, но и театральным опытом! Надя не удержалась от смеха. И зубы перестали стучать.

— Ну и кто из нас законченный циник? Да, именно ко мне она прикоснулась — и дала наказ, чтобы я ничего не боялся. И я его чу! И тебе бы могла дать, если б ты не смылась, как последняя трусиха. Так и будешь бегать? — Погодин смотрел на Надежду пристально, без улыбки.

Он видел ее насквозь. Она убегала, ускользала прямо в эту минуту, вроде бы и сама не желая. И пообещать, что так больше не будет, она не могла. И что об этом говорить, раз он все равно знает?

— Нечего на меня так смотреть. И задирать: «Опять двойка». Поссориться тебе со мной все равно не удастся. Во-первых, я не ссорюсь с нужными людьми...

— Так я нужный?

— Да, очень. — Надежда тоже посмотрела на него. — Когда мы заваривали все это ночное зелье, это было почти что... ничуть не хуже, чем колдовство над постановкой нового эксперимента на нашей кухне, на лабораторной. Парение, причастность к чуду. Один в один.

Погодин взял ее руку, потряс зачем-то, будто говоря: «Вот то-то и оно!» — и легонько приложил к губам.

— Чего они такие холоднющие у тебя? И соленые?

Надя не ответила, потому что не могла открыть рта. Потому что, если бы она его открыла, слезы бы хлынули вновь и засолонили не только руки... Так ей было хорошо в этой полутемной пещере, таящей сокровища почище изумрудов и рубинов, рядом с опытным хранителем и повелителем этих сокровищ, в ожидании открытия таинственной завесы...

Завеса с одной стороны вдруг зашевелилась, и из-за нее, дурачась, выглянула Зебра. Скорчила преувеличенно удивленную рожицу и высунула руку с поднятым вверх большим пальцем.

— Она что же, не верит в приметы? Чего заранее-то?

— Почему же, верит. Только у нее свои приметы. И правильно! В чем угодно можно сомневаться, только не в успехе. Это ему противопоказано. У некоторых получается — и приметы под себя подминают, и среду... А то — «своя среда, не своя»... Сегодня, кстати, не среда, а четверг. Твой четверг. Понятно? Что физика, что лирика — все едино. Если это не так, я сжую свой свитер. После премьеры.

— Ну да, только вам, театралам, подавай все грубое, физическое. А нам, физикам, — все возвышенное, поэтическое...

Он не слышал или сделал вид, что не слышал.

— А то, что сейчас тут начнется, — это, в общем, не репетиция даже. Это я потребовал изобразить такой набросок с того места, где в прошлый раз остановились. Времени-то нет совсем. Эксперимент, чтобы видеть общее поле битвы положительно и отрицательно заряженных, как говорил Майкл Фарадей. Так ведь он говорил?

Надины брови взметнулись вверх.

— Д-да... Практически. Поля — это его тема. Да и сады... наверно, тоже...

«Поля и сады — тема неисчерпаемая и во многом еще неизученная. Где же ее изучать, как не в театре?»

— Ну что, начали?

Декорации те же — интерьер дома. Несколько стульев. Шкаф.

Г а е в как сидел в своем кресле, так и сидит. У стены дома стоит П е т я, в руках у него тубус.

П е т я (*монотонно и принужденно, как ученик у доски*). Я Петя. Бывший учитель сына Любови Андреевны. Я и правда живу в бане у них. А что такого? Баня нормальная... Стереотип такой, будто я влюблен в Аню. Ну и где она, Аня? Кому я буду рассказывать про... (*сует тубус под мышку, достает из кармана бумажку, читает, запинаясь*) про то, что мы отстали от Европы лет на двести. Что мы только философствуем, жалуемся на тоску или пьем водку... (*Грустно умолкает.*) Даже неловко как-то повторять: чтобы жить в на-сто-я-щем, надо сначала *искупить* наше про-шло-е. А как, интересно? Только... (*конфузаясь*) ха-ха, я не виноват... страданием и необычайным, непрерывным трудом. Ох, господи... И такими словами можно увлечь барышню? Хорошо, что она не слышит!

Входит Л о п а х и н с неразлучным чемоданчиком.

Л о п а х и н. А, наш вечный студент... все о барышнях. Ему пятьдесят лет скоро, а он все еще студент.

П е т я (*вытаскивает из кармана тонкую трубочку и пуляет из нее в Лопихина*). Не ваше дело!

Л о п а х и н (*поднимая с пола пульку*). Ах ты! Косточками. Вишневыми!

Достает из чемоданчика рогатку и стреляет косточкой в Петю.
Петя сгибается и корчится. Пытается заслониться тубусом.

П е т я. Оставьте ваши дурацкие шутки!

Снова пуляет в противника из трубочки. Лопихин закрывается чемоданчиком и посмеивается. Подбирает косточки, обстреливает Петю.

Л о п а х и н. Что же ты, чудак, сердисься?

Петя вскрикивает и хватается за глаз.

П е т я. Я, Ермолай Алексеич, так понимаю, вы скоро миллионером будете. В смысле обмена веществ нужен хищный зверь, который съедает все, что попадается ему на пути...

За домом, в саду, раздается раскатистый львиный рык. Входит В а р я и опять взбирается по своей лестнице. Останавливается на половине.

В а р я. Петя, расскажите лучше о планетах.

П е т я. Если человек физиологически устроен неважно, если в своем громадном большинстве он груб, неумен... Надо бы только работать.

Г а е в. Все равно умрешь.

Л о п а х и н. Знаете, я встаю в пятом часу утра...

Г а е в. Все равно умрешь.

В а р я. Ох, дядечка, вам надо бы молчать! Молчите себе, и все.

П е т я. Человечество идет вперед, совершенствуя свои силы. (*Подходит к стене, достает из тубуса плакат, разворачивает и вешает — на нем шеренги людей с плакатами.*) У нас, в России (*достает и вешает другой плакат, с диаграммами*), работают пока очень немногие. (*Распалается, входит в раж, говорит с интонациями пролетарского вождя, характерно картавя.*) Громадное большинство той интеллигенции, которую я знаю, абсолютно ни-че-го не делает и к труду пока не способно! Где ясли, где читальни, я вас спрашиваю?! Есть только грязь, пошлость, а-зи-ат-чи-на!

Взрыв негодующего мартышечьего стрекота, угрожающее рычание, хрюканье, резкие крики птиц, из-за стены со стороны сада летят клочки шерсти,

мелкий сор. Стена дома содрогается. Сверху снаружи за стену хватаются чьи-то лапы, по ней стегают хвосты, показывается кабанья морда с клыками. Петя роняет тубус.

В а р я (с сомнением). Какой вы умный, Влади... Петя...
Г а е в. Что это? Птица какая-нибудь... вроде цапли... Или филин...
Ф и р с (высовывается). Перед несчастьем тоже... самовар гудел.
Л о п а х и н (внимательно глядя на лапы и хвосты). Надо только начать делать что-нибудь, чтобы понять, как мало честных, порядочных людей. Господи, ты дал нам громадные леса, глубочайшие горизонты, и, живя тут (достает что-то из чемоданчика), мы сами должны бы настоящему быть великанами.

Раздвигает складные металлические котурны и встает на них.
Приближается к стене. Лапы исчезают, стрекот стихает.

Л о п а х и н (с гордостью). Видали?

Варя забирается выше на лестницу, разворачивает прозрачный диск — луну.
Взбирается с ним еще выше.

В а р я. Восходит луна.
П е т я. Это луна. Сегодня здесь дивно. Да, погода удивительная!
Г а е в (Варе). Осторожнее. Не упадите с лестницы. А то как же мы без солнца?

П е т я. Это луна. Погода удивительная...
Г а е в. Да, погода удивительная... С усилением и переходом... местами.

П е т я (со злобой). Это у нас погода удивительная. А вот вашего климата я одобрить не могу...

Л о п а х и н. Мне завтра вставать в пять. Пока я здесь, если нужно, возьми у меня денег в долг.

П е т я. Для чего мне? Не нужно.

Л о п а х и н. Я весной посеял маку тысячу десятин и заработал сорок тысяч чистыми. Так вот, значит, предлагаю тебе займы, потому что могу. Зачем же нос задирать? Попросту.

П е т я. Дай мне хоть двести тысяч — не возьму! Я свободный человек. И все, что так цените вы, не имеет надо мной ни малейшей власти. Я могу проходить мимо вас, я силен и горд.

Л о п а х и н. А двести пять возьмешь? (Прислонившись к стене, достает бумажник.)

П е т я (громко шепчет). Двести пять?! (Тихонько движется навстречу Лопахину.)

Л о п а х и н. Ладно, ладно. (Прячет бумажник.) Шутка. Кто бы таскал с собой такой нал!

Варя пытается стукнуть его по голове луной, но он уворачивается.

Петя (*одергивает сюртучок*). Эх вы! А я, собственно... То есть человечество идет к высшей правде (*забирается на стул*), к высшему счастью, какое только возможно на земле, и я в первых рядах!

У стула подкашиваются ножки, Петя, как эквилибрист, пытается удержаться, но падает.

Лопухин. Как дойдешь, телеграфируй. Мне тоже пора. А Любовь Андреевне нашей милой, славной можете передать, что... э-э... вишневый сад практически мой. Сегодня, завтра — какая разница? Мой! Пока она танцует там на балах. А музыкантам заплатить — опять ко мне. Идет новый помещик, владелец вишневого сада!

Гаев (*глядя на Лопухина*). Ох, у меня дрожат руки!.. Давно не играл на бильярде. Все подряд в середину!

Лопухин уходит на котурнах.

Варя (*спускается с лестницы*). Великаны только в сказках хороши, а так они пугают. Вот уж два года, как считается моим женихом... Все говорят об этом. Только он молчит. Было бы хоть сто рублей, ушла бы... в монастырь.

Выкатывает луну, сама уходит вслед за ней, печально повесив голову.

Фирс (*высовывается с непомерно радостной физиономией*). И помню, все рады, а чему рады, и сами не знают.

Петя (*после робкой попытки починить стул бросает его и берется за лестницу*). Кто-то тут еще говорил, что если девушка любит, так она безнравственна. А я вот вообще выше любви! Я так далек от пошлости...

Открывается люк в полу сцены. Из него выбирается Раневская, на сей раз в платье и легком девичьем платке на плечах.

Раневская. А я вот, должно быть, ниже любви? Каждый день получаю телеграммы из Парижа. Этот дикий человек опять... умоляет... Не осуждайте меня, Петя!

Петя. Я только сочувствую всей душой. (*Быстрее карабкается по лестнице.*)

Раневская. Вот, пришлось Анино платьице надеть. Смотрите-ка: у нас с ней одна фигура! Ох, если бы не эти ужасные проценты... Что они такое? Кто-нибудь их видел? Что они за зверье? (*Слышатся звериные голоса.*) Ах, я не выне... Кх-кхм. Мне так шумно здесь, дрожит душа от каждого звука, я вся дрожу. Могу сейчас крикнуть, могу глупость сделать. (*Забирается вверх по лестнице. Оглядывается по сторонам.*) А где этот мужлан Лопухин, который живет такой невыносимо серой жизнью? Надо бы, чтобы он дал мне займы побыстрей. (*Капризно.*) Что такое, в самом деле? Ах, спасите меня, Петя! Говорите

же что-нибудь, говорите... Пожалейте меня, хороший, добрый человек. Уж очень много я грешила.

Г а е в. В прошлом году об эту пору шел снег. А сейчас переменнo, с переходом...

П е т я (*Раневской*). Сами же говорили, что у вас есть камень и вы любите этот камень. Любите, любите его!

Отцепляет ее руки от лестницы. Раневская, пошатнувшись, ползет, однако, выше, встает на одну ступеньку с Петей, вплотную к нему. Петя в панике шагает на крышу, Раневская — за ним.

Р а н е в с к а я. Не думайте дурно, Петя, не говорите ничего...

Стискивает его голову, притягивает к себе для поцелуя.
Петя вырывается, ищет ногой лестницу.

Р а н е в с к а я. Надо быть мужчиной, в ваши годы пора понимать... тех, кто любит. Черт с ней, с бородой, которая не растет! И надо самому влюбляться! Да-да!

П е т я (*отшатывается от нее, торопливо спускается по лестнице*). Нет-нет! Я не желаю... быть красавцем! (*Оступается и летит вниз вместе с лестницей.*)

Р а н е в с к а я (*смеясь, поправляет прическу*). Петя с лестницы упал! Смешной...

Петя, ковыляя, уходит.

Р а н е в с к а я. Какой чудак этот Петя! Чистюлька. Недо... Петя. И с крыши спрыгнет, раз советуют философы.

Шум в саду. Протяжный вой. Раневская смотрит туда, в сад.
Затемнение на сцене.

Погодин встает, идет к сцене. Ходит вдоль нее туда-сюда. Смотрит оценивающе с разных точек на сцену.

Р а н е в с к а я. Вот оно — Время! Лежит там... Моя прошлая жизнь, канувшая в никуда. Эти деревья впитали ее, мою милую жизнь. В них осталась моя молодость, чистота — эти белые цветы, когда каждое утро счастье просыпалось вместе со мной... А завтра их срубят, эти деревья? Топором?! Они будут все стоять, когда к ним подойдут совсем близко и занесут над ними орудие!.. Они не смогут убежать, даже шага сделать не смогут. Нежные, невинные цветы втопчут в землю — сапогами, огромными черными сапожищами. Только из-за того, что они ничего не делали, только цвели, совсем как я. Они все погибнут, все-все! Не дав ни единого плодика... Не позволив и мне родиться следующей весной? Лучше бы оно лежало там по-прежнему... Разве нельзя не трогать это жуткое Время? Не понимают эти, в скрипучих сапогах. Свирипее разбуженного медведя...

На крышу летят банан, кокос. Раневская подносит к носу банан, нюхает, прикладывает его к прическе. В комнате под ней сидит один Гаев — перед шкафом, от которого в полумраке исходит синеватое свечение. Вдруг со стороны сада слышится топот ног, стрекот обезьян, на сцену врывается Маугли с луком и стрелой и мчится через комнату мимо сидящего Гаева за кулисы. Вслед за Маугли бегут тигр, шакалы и за ними мартышки. Гаев не обращает на них никакого внимания. Маугли появляется вновь из-за той же кулисы, погоня в обратном направлении. Маугли на миг задерживается за спиной у Гаева, глядя туда же, куда и тот, — в шкаф. Его настигает тигр, они носятся друг за другом вокруг кресла Гаева, задевая его, чуть не опрокидывая.

Раневская (*в задумчивости прогуливаясь по крыше*). Леня, что там за шум у тебя?

Гаев. Да это... «В мире животных».

Раневская. Сделай потише. Мне надо помечтать.

Маугли скрывается за кулисами. Во время кружения он роняет стрелу возле кресла Гаева.

Гаев (*поднимает стрелу с пола*). Да... Время как идет! Давно ли...

Фирс. Уж как идет-то, барин!

Гаев. Кого?

Фирс. Время, говорю, идет. (*В сторону.*) Глухая тетеря, наклик!

Гаев. Где?

Фирс. Да вот оно... (*Уступает дорогу.*)

Входит **Время** — в огромных черных скрипучих сапогах, с мордой злого медведя. На голове двухсторонний вертикально вращающийся диск луна-солнце. Длинная рубаха с широкими рукавами подпоясана шаманским поясом, на котором висят инструменты: большой секатор, ножовка, топор, серп, молоток, фляжка и бубен. На груди большой крест. На плечах коромысло с деревянными ведрами.

В правой руке у **Времени** посох — заостренный пожарный багор. Рубаха составлена из листков календаря, газетных вырезок, липких листков для заметок, денежных купюр и туалетной бумаги — как из крупной чешуи.

Время страшно топает и стучит посохом. Пинком переворачивает Гаева вместе с его креслом. Тот, оставшись на четвереньках, с ужасом взирает на **Время**, сверху прикрытый креслом. Раневская тоже смотрит с крыши, хватается за голову.

Зачерпывает **Время** из правого ведра — вьюгой летят розовые цветы и лепестки. **Зачерпывает** из левого — бурые сухие листья, опилки.

Фирс. Вот несчастье! Я, барин, предупреждал — идет! Ох, не к добру этакий-то зверь... Покажет сейчас...

Время показывает: щелкает огромным секатором перед носом Гаева, отсекает ветку вишни, просунутую в окно. Вешает секатор на пояс, снимает топор. Гаев отползает вместе с креслом в дальний угол. **Время** рубит на куски шкаф, перед которым сидел Гаев. Складывает горку и поджигает. Пляшет вокруг костра шаманский танец под музыку The Doogs, багром шевелит огонь. Затем гасит его, поливая красной жидкостью из фляжки. Жестом диркового конферансье показывает, что это еще

не все. Снимает с головы луну-солнце, достает серп и молот и, скрестив их над головой, садится верхом на Гаева и скачет с ним по кругу под известную музыку Свиридова. Затем отшвыривает Гаева, вешает серп и молот на пояс, снимает с себя крест, усыпанный блестящими камнями, поднимает его вверх в правой руке, а в левой — сверкающий золотой слиток. Танцует под композицию Money группы Pink Floyd. Гаев падает на колени и бьется лбом в пол.

Погодин возвращается на свое место.

Раневская (*простирая руки к небу*). Неужели это правда?
Вот так... оно проходит?

Сверху к ней свешивается длинная лиана вроде каната. Раневская смотрит на нее удивленно. Подходит ближе, неуверенно протягивает руки... Лиана приходит в движение: уползает вверх, конец ее оказывается слишком высоко.
Выбегает П а н т е р а.

Пантера. Что это здесь? Мусору-то, мусору... А этого кто сюда звал?

Поднимает с пола луну-солнце, вскакивает на плечи Времени, подстегивая его своим хвостом.

Пантера. Похулиганил — и будет! А можешь мне из этой штуки воздушный шар сделать?

Подает Времени луну-солнце. Время приподнимает медвежью маску (под ней Лопакин), осматривает диск со всех сторон, ссаживает Пантеру, показывает:
«Будет сделано!» — и исчезает за домом.

Пантера. А кроме этого... садовника, никого больше не видели?
Необычного?

Гаев мотает головой.

Пантера (*поднимает с пола стрелу*). А это что?

Гаев. Ну... не бильярдный кий.

Раневская (*ходит взад-вперед по крыше*). Ах, я не могу усидеть, не в состоянии...

Пантера. А придется, придется посидеть! Давно пора. Самый бесполезный персонаж. И вредный. Ничего она не делала, только цвела. Чертополохом. Чистого юношу совращала? Совращала.

Раневская. Помилуйте! Какой же он юноша?

Пантера. Ей говорят, имение будет продано с молотка, а она что? В обморок упала? Нет. «А кто это у нас здесь курит отвратительные сигары?» — спрашивает. Нормально?

Раневская. Ну мне ведь страшно...

Пантера. Сад она любит! Любила бы, не укатила бы в свой Париж.

Раневская. Это мой камень...

Пантера. Всем бы такой камушек. «Дачи и дачники — это так пошло!» А вот в Ментоне не пошло. Все рушится, а она бал закатывает на чужие деньги. Ведь объясняли, как спасти... Пусть кто-нибудь зарабатывает, в скрипучих сапогах. А мы кофей будем хлестать с утра до вечера. «Маменька кофейю желают!»

Раневская. Какой кофе?! (Со слезой в голосе.) Ни одной чашки за весь день.

Присаживается на выступающее слуховое окошко. Выходит Варя.

Варя. О! Мама сидит.

Пантера. Сватает Варю, делает вид. А потом даже не спросит, чем дело кончилось. Бросает девушку на произвол судьбы.

За стеной дома опять шум, звериные голоса, крики птиц.

Варя. Едут, едут! Что же это со мной? Похолодела вся...

Пантера. Да сядь ты тоже! Приехали уже.

Варя, обиженная, уходит.

Раневская. Холодно. Три градуса. Неужели это я сижу? И жду чего-то, как будто подо мной должен обвалиться дом. Еще недавно мне хотелось прыгать, размахивать руками... (Закрывает ладонями лицо.) А вдруг я сплю? Однако ж... кофе... Ах! Так и не подали... (Плачет.)

По лиане на крышу к Раневской спускается Маугли.

В зубах он держит ветку кофейного дерева.

Осторожно касается плеча Раневской.

Раневская. О! Я и правда сплю...

Маугли подает ей ветку кофе.

Раневская. Что это? Это же... кофейные зерна?! Как мило!

Пантера (смотрит на крышу). А-а, ты там уже... Я тебя предупреждала, эта умеет подход найти.

Раневская (Пантере). Вы знакомы? Кто этот милый мальчик?

Пантера. Что, Киплинга не читали?

Раневская. Неужели!.. Ты, должно быть, замерз в три градуса? Вот, возьми платок мой. (Накрывает его плечи своим прозрачным платком.)

Маугли поднимает банан и кокос, взволнованно жестикулирует.

Пантера. Он говорит, когда увидел, какая вы грустная, бросил вам этот банан и кокос.

Раневская. А что с ними делать?

Маугли чистит банан, показывает, что его надо кусать, и отдает Раневской.
Машет рукой в сторону сада, жестикулирует.

Пантера. Говорит, что давно живет в этом саду, шесть лет уже.
Раневская (*откусывает банан*). Какой вкусный... Шесть лет?! (*Перестает жевать.*) Шесть лет, что меня здесь не было. Ах! Мой мальчик мог быть уже таким... Ну-ка, дай-ка я на тебя получше... Боже мой!.. Ты?!

Роняет банан. Прижимает к себе Маугли.

Пантера. Он говорит, что его лесной народ, завидев в саду охотников на деревья, прогнал их. Они бежали, побросав топоры.

Раневская (*сквозь слезы*). Я знала... То есть — наоборот. Откуда я могла знать?.. Что я говорю? Теперь все пойдет не так. И я стану другой. Я стану... работать. (*За домом громкое конское ржание, жуткий стрекот обезьян.*) Да! Пусть даже этого нет в первоисточнике. Я буду работать — не смейтесь! — по защите животных от людей. Я все сделаю, чтобы... Мой мальчик! Такой большой. Как идет время!

Гаев (*падает с кресла*). Что! Опять?! Хорош, в угол, наперекосяк!

Над домом взмывает воздушный шар. Раневская удивленно протягивает к нему руки.

Пантера. Э, нет! Это за мной. Подустала я уже тут с вами.

Уходит за дом и оттуда вместе с шаром пролетает над сценой.

Пантера (*кричит*). Дядя Лень! Время летит!

Сыплются лепестки вишневых цветов, в саду поют птицы.
Гаев крестится, засыпанный лепестками.

Гаев. В прошлом году об эту пору шел снег. Это что, прошлый год, что ли?..

Пантера (*кричит*). А еще он, Лягушонок, говорит, что очень любит вас! И за что только? И все эти годы он, глупенький, видел сон — про сад, про маму в красивом платье...

Раневская. О, мой милый! Ты еще не видел самых красивых, у меня их много.

Пантера. Опять за свое! Кроме шмоток-то можешь о чем-нибудь говорить? Вот только попробуйте теперь не покажите всем, как надо дружить садами! Я вас обратно пере... воплощу. Сверху буду наблюдать. Ура-а! Как пантера над Парижем...

Пантера скрывается за кулисами.

Раневская и Маугли машут ей вслед, затем, уцепившись за лиану, улетают тоже.

Дом поворачивается той стеной, что раньше смотрела в сад.
Там на скамье-качалке под цветастым тентом спит Лопехин, но не в сапогах,
а в тупоносых начищенных башмаках. На пол падает книга, он просыпается.
Встает. Смачно зевает, потягивается. Раскинув руки, смотрит в зал.

Лопехин. О! Она сколько их — деревьев! И все на месте. Не срубили. Че к чему? (Садится на скамью, чешет затылок.) Читал вот книгу и ничего не понял. (Показывает том Чехова.) Заплатили бы проценты эти ботаники, как положено, без понтов, — ничего бы и не было... Читал и заснул. (Зекает.) Ничего не понял.

Собирается снова лечь, но сверху падает еще одна книжка —
небольшая и изящная.
Лопехин поднимает ее. Листает.

Лопехин. Еще не легче... (Читает медленно, чуть не по сло-
гам.)

Лишь потому, что цветы облетают,
Милей они вдвойне...
В суетном мире
Что может быть долгим?

Зрителей окутывает белая метель лепестков.

Запорошенный режиссер встает, неловко отряхиваясь:

— Ну вот, примерно...

Направляется к сцене — раздать по серьгам кому следует. Достается и осветителям: им вменяется в вину погоня за дешевыми эффектами.

Кто-то плюхается в кресло рядом с Надеждой. Светлана.

— Вот это ты шагнула! Вот это я понимаю! Минута светофоры — сразу в кресло. И так скоро! Тихая-тихая... — Вроде и дружелюбный тон, только пропущенный через мясорубку неприязни.

— И не говори. Сама не знаю, как это все... Впрочем, нет. Знаю. Это цепь предопределенностей, которая...

Светлана замечает, что Погодин закончил разнос и спускается со сцены в зал.

— Ну, в общем, поздравляю... Тамара Васильевна, наверно, тоже поздравит... — Светлана улыбается, как добрая мачеха, посылающая падчерицу погостить у Бабы-яги, и проворно удаляется.

Запорошенная Надя продолжает сидеть с неуверенной улыбкой на губах.

«Только не это! Светофоры. Никому я не собиралась ничего пере-
бегать».

Подходит Погодин.

— Вот у кого надо поучиться! Осветители — главные люди в театре.
А мы тут — так, вспомогательный персонал...

Надя вроде как не слышит, глядит на сцену, будто надеясь там что-то увидеть.

— Можно я посижу еще? Ну побудем еще — здесь, — тихо просит она.

— Побудем. — Он с размаху и с удовольствием садится на свое место с видом человека, провернувшего большую и нужную работу. — Я ведь всю жизнь, знаешь, — хохотнул в кулак, — мечтал поставить «Маугли». Только не такого, не заезженного. Тема-то вовсе не детская: не загорелый мальчик-звереныш, а зверь, изменивший своей стае. И вот тут опять параллели! Люди, под маской любви изменившие своему саду. Да, все эти люди — предатели сада. Вот такой «Джунглевый сад» вырисовывается...

Осветители тем временем продолжают неутомимую самодеятельность, отчего лучи время от времени хаотично прорезают зал. Что-то у них там лязгает и временами падает со звоном.

— А у меня любимый жанр — балет. Забыла сказать.

— Ну что ж, дело хорошее. Следующим ставим балет?

Надежда не смотрит на режиссера. Обхватив плечи руками, скукоженная от холода, продолжает досматривать какой-то спектакль, видимый ей одной, на пустой сцене.

— Нет... Лучше рок-оперу. «L. A. Woman»* — это ведь про нее: «Л. А.» — Любовь Андреевна.

— Можно и рок-оперу.

Погодин помолчал. Посидел, опустив голову. Тоже посмотрел на сцену.

— Можно и балет на льду. И на водных лыжах, — слишком уж миролюбиво согласился он наконец.

Глянул на Надю:

— Что-то случилось?

— Тут была Света Петрова...

— Это что, название пьесы такое — «Тут была Света Петрова»?

— Да, это название пьесы. Она ведь меня привела в театр.

— Ну и хорошо. И спасибо ей за это. Принесла пользу театру. И что дальше? Ну заходила она уже ко мне, не преминула. Слухи-то, знаешь... По слухам, ты уже не меньше чем министр культуры. У нее все по-старому остается — завлит ГЮЗа. А ты... Нам ведь надо держаться друг друга. А? Раз уж так все пошло... И фея одна на двоих опять же.

— А где это было — у тебя с твоей феей?

— Ну... на Кубани.

Надя улыбнулась. И покачала головой.

— Ну что, что ты? Хочешь сказать, что твоя была в твоей Сибири, что ли? Да какое это имеет значение! Тьфу! Вечно этим ученым надо все испортить. Не физика, так география! И это, знаешь что? Это же побег опять! — Он отвернулся. — И ты рушишь всю драматургию, всю! Одной вот такой вот «умной» глупостью.

* L. A. Woman — последний альбом группы The Doors, записанный при жизни ее лидера и вокалиста Джима Моррисона в 1971 году, и название заглавной песни в этом альбоме.

— Да согласна я, согласна, что никакого значения! И не мундштук вовсе никакой, и фея натуральная... И нечего кричать на меня! И чего зря кричать про реанимацию ту же? Да если бы директриса не была в больнице, она бы все равно ничего не разрешила. Еще заявила бы на репетицию, легла бы на рельсы...

— Это точно!

— И раз руководство искусством в теории полей и садов ни бум-бум, то и давно надо было... не жить по-старому.

— Да ты не могильщик. — Погодин с шутивным восхищением устался на Надежду. — Опасный застрельщик! Когда реанимация кончится, все на тебя свалю.

— И не надо мне ярлыков никаких! Я не то и не другое, я просто...

— ...просто Надежда. Надежда вся Мельпомены. Кто вы, девушка в синих одеждах? Нет, я и в самом деле теряюсь! Такого зверька просто нет в наших джунглях. Храбрая трусиха, мудрая балда, тихий подрывник...

— Хватит, а? И не в синих ни в каких!

— ...правдивая выдумщица, кроткая вредина, сильная слабачка. И еще ты будто с вуалью на лице все время ходишь, прячешься. Идиотская старомодная вуаль. На помойку ее — давно пора!.. Посидели? Все. Пошли есть.

Режиссер собрал свои листки и, не дожидаясь Надиной реакции, поднялся и направился к выходу. Она за ним, нога за ногу. Он уже стоял у двери, готовый распахнуть ее, поджидая Надежду. Она приближалась как во сне или как по лунному грунту. Чем ближе к двери — тем грунт все более вязкий. Насколько пасхально-светлым было вхождение в эту дверь, настолько исход из нее пугал своей неопределенностью. Темное матовое дерево двери — непроницаемое и зловещее. Там, по другую ее сторону, — конец театра. Реальность, заселенная подозрительностью, злословием, корыстью, изменой, завистью...

— Постой... Меня охватили сомнения...

— Чего? Это что еще за дичь!

— Да, я преисполнена безотчетной тревоги. Только здесь, в этой пещере, мы живем — такое чувство. Все здешнее не выдержит дневного света — там. За ней, за этой дверью, все кончится. Есть известное и неизвестное, а между ними — двери, так говорил Джим. Там — неизвестность.

— Ну все! Буду свирепеть. Кролик ты скулящий — вяло скулящий притом — под густой притворной вуалью! Только уши и выдают. Точь-в-точь кроличьи — розовые, дрожат и просвечивают.

Надежда остановилась, перестав обнимать себя за плечи, в негодовании вскинув подбородок.

— Кролик, да? Вялоскулящий? Да?!

Отряхнула с ног лунный грунт и встала в стойку: ноги чуть согнуты в коленях, руки одна перед другой, согнутые в локтях, одна обороняет лицо, другая — грудь. И прыжочки. И выпады — правой, левой... Мишень для поражения обширна: необъятный «скатанный» свитер. Ничего, что

разница в росте. Ведь — прыжочки, прыжочки... И выпады, выпады... Резкие, еще резче!

Погодин хохотал с таким же азартом, с каким выкрикивал до того разные ехидства. Он схватил молотящие по нему руки, как две спички, сгреб боксера в охапку и прижал к себе. Прижал так, как прижимают внезапный дар.

Надежда замерла, потому что тоже ясно почувствовала, что она — дар. И в эту минуту больше ничего. Лицо вжато в исландский узор свитера, не слишком мягкого, но и не колючего, на уровне плеча. Глубокий домашний запах шерсти, тепла и покоя, знакомый и почти забытый. Пошевелиться она не могла и не желала.

«Если он меня выпустит, я перестану жить».

Умирать Наде тоже не хотелось, и, не зная, как остаться в этих объятиях навечно, она ничего лучше не придумала, чем пуститься вплавь по знакомой солоноватой реке.

А Погодин все же ослабил клинч, потому что одной рукой он обхватил ее лицо и наклонился к нему своим лицом совсем близко...

В эту секунду по ним подло резанул луч прожектора — как по контрабандистам. Главные люди в театре все не могли успокоиться со своими настройками. А может, просто мстили. Но резкий луч не сразил наповал, потому что Надя с режиссером успели стать одним целым и никакие прожекторы им были не указ.

...По ту сторону двери Погодин сказал:

— Ничего не кончится. Если ты сама это не прикончишь. Пойду брошу бумаги, сделаю несколько звонков. Подходи в столовку через полчаса.

«Ежик я в тумане, не знающий броду и позабывший, зачем ему иголки. Вот какой я зверек. Думал ли его автор, гадал ли, что пророчествует наступление целой эпохи этих самых ежиков в тумане? Нет, с туманом надо кончать!»

Надя вдруг поняла, что больше не дрожит. Более того, ей захотелось в кои-то веки расправить... не иголки. Крылья. Стать... эффектной! Подкраситься, попудриться, в конце-то концов, как это делают миллионы девушек и женщин на земле.

«Вымыть голову как минимум... Опять душ?!»

Соседская тумбочка, не имеющая дна, выдала шампунь и полотенце, и Надя помчалась по знакомому маршруту, успокаивая себя тем, что, по теории вероятностей, не могут дважды повториться одни и те же события на одном и том же отрезке пути.

В страшной спешке выручил фен, которым так и не пришлось пользоваться в прошлый раз. Теперь даже удалось добиться чего-то похожего на прическу. С особым пристрастием Надежда осмотрела свои уши, одно и другое. Потрогала даже.

«Врет он все. Ничего они не просвечивают».

Совершив обряд живописи по лицу, в полном согласии с Гераклитовой мерой, она вышла из душа другой. Будто смыл с себя слой трусливых

сомнений и колебаний. Такой, какой кое-кто предписывал ей стать, — не имеющей ничего общего с «синим халатом». Сияющей, как начищенная луна. Или солнце.

Арт-кафе было погружено в ленивую тишину, полумрак. Добрые его хозяева уже успели украсить и без того уютное помещение к Новому году. На стенах сочно-зеленые ветки настоящей сибирской пихты с настоящим смоляным, то ли тревожным, то ли сулящим головокружительное счастье, запахом, на столиках — зажженные свечи, огоньки отражаются в полированных поверхностях ледяных глыб-столешниц. Посетителей — почти никого. Большинство давно отобедало.

Надин вошла сюда так, как не входила еще никогда, — королевой, которая назначила аудиенцию. За небольшим столом в укромном закутке она обнаружила кое-кого из своих подданных: Погодина и Марго. В руках у них было по стакану.

«Что ж, так будет всегда? Вечно возле него будет маячить кто-то третий?»

Она зачем-то взлохматила волосы на царственном затылке.

«Я что, злюсь? Нет, я гневаюсь!»

— Ой. Кто это?! — Марго выпустила соломинку изо рта и замерла. — Здесь для сотрудников. Вы... вы у нас работаете, девушка?

Надя, уже не пытаясь разобраться, злится она или гневается, с достоинством приземлилась на свободный стул — на его краешек, с прямой спиной — и с вызовом произнесла:

— Да, я у вас здесь работаю. Заведующей лабораторией по применению матметодов в современной драматургии.

— Ка-аких методов? — чуть обалдело спросила Марго.

— «Мат» здесь означает «математических». Хотя и в других смыслах не исключена вероятность... Если доведут.

— В других оно, конечно, нам намного ближе, — услужливо заметил Погодин, тоже борясь с очевидным потрясением. — Что ж так не щадить товарищей — настолько преобразиться! Нет, тут не без колдовства!

— Упование на волшебство, колдовство — от простого незнания. Для людей просвещенных давным-давно, еще со времен Гераклита, такие ключевые понятия в искусстве, как гармония, мера и красота, в меньшей степени присущи и науке, — не обращая никакого внимания на слушателей, застывших «морскими фигурами», продолжала поставленным лекторским тоном Надежда. — А пифагорейцы вообще считали, что гармония Вселенной основана на числах.

Погодин отставил стакан, неуверенно пошевелился и уважительно спросил:

— Мы присутствуем на вручении Нобелевской премии?

— В том, что я говорю, нет никакого открытия. Эти сведения общеизвестны. Ну хоть такой, например, факт. Аккорд при звучании трех струн гармоничным получается тогда, когда длины этих струн относятся как единица к четырем пятым или двум третям. Красота математики среди наук непревзойденна, и именно красота — одно из связующих звеньев науки и искусства. Да вообще, красота математической формулы

отличается от красоты музыки не более, чем красота музыки — от красоты живописного... полотна...

Надежда осеклась на полуслове. В памяти внезапно всплыл образ музыканта из ее юности. С каким жаром пыталась она посвятить его в красоты элементарных частиц... И почему они все пугаются этого до смерти?

Тишина. И этих запугала?

Но Погодин вдруг схватился за подбородок и захохотал, как какой-нибудь приказчик на представлении клоунов.

— Я так живо представил Моцарта! Да, вот почему-то Вольфганг Амадеича — с калькулятором. Такой паренек в камзоле, в кружевах — и с калькулятором в руке... Паричок сдвинул на макушку, на лбу испарина... Вот здесь ошибочка вышла — не две трети, а четыре пятых надо бы... — с трудом выговаривал режиссер, давась от смеха.

— Просто... Глупо!

— Поглупеешь тут — от такой красоты.

— Говорят вам, обыкновенные формулы, — не унималась Надежда. — Красота равняется: наглядность плюс простота плюс неожиданность...

— А я думала, это импортные тени для век, полутвердые... — серьезно произнесла Марго. — Я, вообще, лучше побегу. Мама и так уже наверняка всех знакомых обзвонила — я ж дома не ночевала как-никак.

— А пельмешки как же? Под водочку? — спросил Погодин.

— Я уже пообедала. И никаких «подводочек»! Парики уже теряю, осталось только голову потерять. Представь — исчез бесследно. Ну как это?

Надежде вдруг срочно захотелось изучить меню, в котором она и скрылась с головой, а заодно и со щеками, которые предательски порозовели.

— А я, между прочим, тебя дожидалась, — сказала ей Марго. — Я их сосчитала. Это не трудно — по весу. Их было больше, чем пятьсот пятьдесят пять тысяч...

Надя осторожно выглянула из-за меню, но Марго, подхватив пуховичок, уже удалялась походкой своей Пантеры.

— Давно бы так, без «подводочек», — сказал Погодин. — Ну а мы вообще на пути к сверхчеловекам? Сон уже побежден, как пережиток. Вот с голодом пока никак. По пельмешкам?

— Да-да, по пельмешкам! Только чтобы они горячие-прегорячие! Мне с бульоном, маслом, сметаной, горчицей... и соевым соусом... и с уксусом... с укропом и перцем. И еще канапе с сыром. И салатик с морковкой.

Погодин промолчал. Видно, после явления Надежды в новом антураже уже ничто не могло его поразить сильнее.

Лучезарная буфетчица принесла им дымящиеся глубокие тарелки с совершенно домашними пельменями — аккуратными, гармонично округлыми, пахнущими так, что и сытый потерял бы самообладание.

— Насчет завлаба — вот это ты в точку! Вот так и надо. Не дожидаться. Я как раз и думал о чем-то таком. — Погодин умудрялся еще

и говорить, глотая обжигающие пельмени. — Верно сформулировано. Но учти, работы — масса! Мы ведь только начинаем. Идеи будем проверять экспериментом, а результаты экспериментов подскажут новые идеи... Наше вам перпетуум-мобиле с кисточкой!

Надя еще только дула в свою тарелку, разгоняя пар.

— Так что, ты хочешь сказать, это госзаказ?!

— Это спецзаказ. От Игоря Погодина. Горчичку не забудь. Все равно что госзаказ, если ты не против.

— Нет, я не против... — не слишком уверенно сказала Надя. — У меня даже тема есть... для драмдиссертации: «Джеймс Джойс и квантовая теория». Знаешь, слово «кварк» — это ведь его. Физики украли из его «Поминок по Финнегану». Вот вещь! Можно очень даже креативно от нее спрятать, так и не поняв ни грамма. Находка! Герои — время, река, гора...

— Ты бы поела все же. Сметану, зелень, уксус не забывай, — немного обеспокоенно произнес Погодин.

Самая голодная, занявшись наконец едой, делала это молча. Погодин смотрел на нее с улыбкой. Точнее — с улыбочкой.

— Понятно теперь, почему эти уши розовые и просвечивают. Из-за морковки.

— Да здесь все вкусно! И согревательно. Буфетчица... таких не бывает! Она понимает все тоньше других. Прямо посвятила бы ей оду. — Надежда, насытившись и позабыв монаршие замашки, расслабленно откинулась на спинку стула.

— Ей? Оду? Вот так всегда! Я-то думал, теперь ты обязана влюбиться в меня, а не в буфетчицу. Как-никак это я тебя поро... пробудил к новой жизни, что не всякий мог бы. Мастак ты дрыхнуть.

Надя выпрямилась и уставилась на Погодина.

— Да, но... я и так уже влюблена... Во многих.

— Значит, ни в кого. Да я их и знаю к тому же. Пару-тройку — точно. Значит, так. Король физики Майкл Фарадей, Король ящериц Джим Моррисон...

— Датчане Кьеркегор, Гамлет... — смущенно добавила Надя.

— Хорошо, хоть не тень отца его. Так они мне не конкуренты! Они же все мертвецы.

— Вот зачем ты?... Мало мне других огорчений? Я и так иногда даже ночью просыпаюсь в страхе — вдруг я разучилась решать задачи. А если завтра мне предложат лабораторию в бывшем институте?

Погодин отпрянул, смерил ее тяжелым взглядом, как чужой, а потом в отчаянии развел руками:

— Нет, ну как вот с такими без громов и молний? Да тут даже их мало!

— Да хочу я с тобой работать, хочу! Не представляешь даже, как я хочу! И я буду... певцом за сценой. Ну, знаешь, не в штате, а так, по договору...

Погодин снова развел руками:

— Дверь открыта. Но если тебе больше нравится через окно...

Посуду с их стола давно унесли. Да и в кафе они остались одни. Надя поймала на себе взгляд — такой, от каких ей прежде всегда хотелось спрятаться. Руки скрещены на груди, глядит в упор. Испытание? А она сейчас и не думала никуда прятаться, смотрела в ответ прямо в эти глаза, излучающие магнетизм. Смотрела, поддавшись этому магнетизму и чувствуя от этого гордость за свою смелость. Чуть откинувшись назад, Погодин повернул голову и снова смотрел — как художник. Как самодовольный художник на свою же картину!

Надежда сникла: «Зря все это».

— У меня же еще смена — последняя в этом месяце.

— Да? Я как раз тоже хотел посидеть... подшлифовать кое-что, чтобы было не отличить от импровизации.

— Приходите еще! — как всегда, по-родственному полетело им вдогонку.

Коридор тоже преобразился перед праздником: серая доска с объявлениями обрамлена разноцветной мишурой.

Они почти дошли до вестибюля с гардеробом. Оставалось каких-то несколько шагов.

— Подожди! — сказал Погодин и быстро взял ее за руки.

Щеки ее вспыхнули, кажется, вместе с ушами. Но...

«Есть невозможность повторения ведь?»

И отступила на шаг.

— Я опоздаю... — Не глядя на него, высвободила руки и оставшиеся несколько метров преодолела одна, чуть не бегом.

«Бегать от счастья — это главный талант?»

«Ему что? А у меня там люди... Как вот работать с такими щеками?»

Большое гардеробное зеркало отражало их идеально кумачовый цвет. Надя прикрыла щеки ладонями, как ставнями, надеясь, что они перестанут так отчаянно полыхать, и тут заметила в зеркале еще одного человека.

Человек этот был главным администратором. Прежняя она — при царственной осанке, сложносочиненной прическе и даже серьгах, длинных висячих серьгах.

Надежда решила, что лучше ей не отнимать ладоней от лица.

— А я шла как раз к вам. У вас, Надежда Владиславовна, сегодня истекает испытательный срок... Дирекция считает, что потенциал у вас есть. Завтра можете получить свою заработную плату. У нас без задержек. Месяц прошел.

— Да, месяц... — От удивления, что ей даже не намекнули на отсутствие формы, Надя опустила руки.

— Вы хорошо себя чувствуете? У вас, кажется, температура.

— Нет-нет! Я хорошо себя чувствую. Это я... с мороза...

— У меня есть аспирин. Сейчас ведь эпидемия ходит! И вот — возвращаю вашу книжечку. Интересная книжечка... Мне там понравились стишки:

Если б на свете
никогда не цвели
цветы вишни —
сердце волнений
не знало б весною...

Администраторша хотела сказать что-то еще, но в эту минуту откуда ни возьмись на нее налетели двойняшки и сороками затрещали:

— Ой! Зоя Георгиевна! А мы думали... А мы слышали... Такие ужасы...

— Ну что еще вы слышали? Слушайте больше! Идемте-ка лучше все на свои рабочие места, девочки.

«Девочки» нехотя подчинились, косясь на Надежду: будь их воля, вместо резинки сжевали бы ее за милую душу.

«Все-таки я выдержала... испытание гардеробом!»

Она окинула взглядом свой участок работы, удивляясь, до какой степени все на нем осталось неизменным. Ряды вешалок на своем месте.

«А что должно было случиться? Расцвести по тюльпану на каждом крючке — вместо номерка?»

По ее состоянию — да, по тюльпану и по ветке вишни. Но ничего не расцвело.

Надя глубоко вздохнула.

«Тогда... я буду писать стихи. Ну и что, что не умею!»

Она нашла в тумбочке ту самую тетрадку — для умственного труда.

Душа моя спала в саду, заваленном снегами,
Любовь на самой пыльной полке без надежд —
Никем не понятый, отложенный на годы фильм...

Кто-то окликнул ее хриловатым голосом. Вот кто точно опять пришел на работу с температурой!

«Ну что мне с ней делать?»

Хрустальный корабль вновь показался Надежде враждебной бесчувственной посудинкой. Потемнело синее море. Вздрыбленные волны так и заходили за бортом. Корабль покачнулся.

«Громада двинулась?»

Фиг вам! Это значит... Значит, надо просто работать дальше? Или закричать?!

— Аня! Где твоя мечта? Ведь есть она у тебя?

— Чего-о? — Анна смотрела устало и хмуро. — Мечтай не мечтай, толку-то?

«Куда ж нам плыть?»

— Мы ждем только вас!

Серьги качнулись. Спектакль начался. На время можно уйти в тень, совершить погружение в свои воды. Надя прикоснулась к лицу. Вроде успокоилось, уже не горит.

«Какие же мы разные! Во всем. Я обожаю работать во сне, он — терпеть не может спящих. У него все порыв и натиск, у меня — колебания и сомнения. Неистребимые Thousand of Thrills. У него громы и молнии, а у меня — что? Мямленье и мыканье...

Эх ты, физик! А на чем, вообще-то, все оно держится, как не на притяжении отрицательно заряженных с положительно, а?..

Ну есть и одно общее, кроме различий, — театр. Это хорошо. А если выйти из него? Кем мы станем, покинув это странное магическое место, этот хрустальный непотопляемый корабль? Ведь мы еще не были там, где кончается его поле. Театр и жизнь — разные звери.

Он: «Что наша маленькая жизнь в сравнении с Театром? И кто сказал, что бóльшая реальность здесь, а не на сцене? Да это реальность вдвойне! Мы ведь избитые вещи наполняем новым смыслом, даем им другую жизнь. Просто в театр надо входить как дитя. Как в веру. Тогда он все сделает сам».

Научит ли он тому, как стать убийцей своих сомнений? Взять бы их да закопать... под первую попавшуюся пальму!»

— Надь... Не спишь? — Бесшумная в своих супертапочках Анна. — Есть у меня мечта. Даже две.

Садиться не стала, разложила на барьере свои сменные мешки — оттачивать кромки.

— Про Кристинку. Мне бы стать такой, чтобы вернулась она ко мне. Я бы тогда по-другому... Все бы сделала для нее, лишь бы она поверила мне! Если поверит, я вытащу, спасу ее... — Тут она заторопилась, будто спохватившись, что чересчур много сказала. — А вторая мечта... Не будешь смеяться? Хоть бы раз еще увидеть человека одного...

Девчонкой погубила свою любовь из-за ничего, из-за гордости дурацкой. И всю жизнь решимости не хватает отыскать того паренька, который любил ее, как никто потом: страшно, вдруг он не узнает ее...

Анна достала из кармана свою салфетку с цветами, похожими на ее глаза, когда они не заплаканы, и высморкалась в васильки.

— Да какую «всю жизнь»? Ты же молодая еще, к тому же красавица! Ты хоть это знаешь? Страшно ей... Ну свали все на меня! Скажи, я подбила.

— Ну раз ты говоришь... так и сделаю, — просияв васильками, согласилась женщина с совсем молодым лицом. — А ты, смотри, все пишешь тут чего-то. И что ты все пишешь?

Надя и забыла, что на ее барьере лежит заветная тетрадка, открытая на последней странице. Анна наклонилась к ней и медленно, по-детски, чуть не по слогам, прочитала, после каждого слова в недоумении поглядывая на Надежду:

— По-ло-са-тая... Зе-бра... ска-за-ла?..

Владимир ЯРЦЕВ

Я СНОВА О ДОЖДЯХ...*

Четвертый год без Владимира Ивановича Ярцева... Он умер в феврале, в ночь, после продолжительной болезни.

Он страстно хотел жить, именно жить: чувствовать, страдать, заблуждаться, писать стихи. И, не без помощи друзей, знакомых и даже незнакомых ему людей, приходивших в пункт сдачи крови (без переливания которой он бы не продержался и месяца), он прожил сверх отмеренного ему врачами много, много больше...

И все же... Все это время он не только жил, но и умирал. Стоит ли говорить, что поэзия, может, даже вернее, чем философия, есть приуготовление к смерти? «Не смерть страшит, но умирание...» Эта его строчка жалила, не вытравливалась никак из головы, когда я приходила к нему, исхудавшему, истощенному, ждущему помощи, а после — далекому уже от всего и ото всех, — в 34-ю новосибирскую больницу.

И лишь выйдя из палаты, отдышавшись на морозе, я вспоминала и красивое — излишне, может, красивое и излишне, может, «литературное» продолжение:

*...И мгла, что не на холмах Грузии.
Я вас предчувствовал заранее,
Мои предсмертные аллюзии.*

*Вот и родня уже заплакала.
Страшит — до умопомрачения.
Спасибо, что светила маково,
Прощай, прощай, заря вечерняя!*

Как он любил дождь! Неважно какой — будь то долгое морозящее нечто («Дождь не дождь, шелестящий на идиш / Полукровка, канва для шитья...») или щедрые белесые потоки, от которых тут же захлебывалась городская ливневка.

---

* Публикация Марины Акимовой.

Однако настоящим праздником была, конечно, гроза. Чем чаще сверкали молнии, чем громче — от низких раскатов грома — пиликали, стонали, истерично взывали припаркованные автомобили, тем больше счастья было в его глазах.

...Если можно сказать, что есть вот, например, воспеватель моря или восхвалитель осени, или писатель-приверженец снега, или еще что-то подобное, то Владимир Ярецв, безусловно, поэт дождя.

Стихи, представленные ниже, друзьям Ярецва и знатокам ново-сибирской литературы известны. Но для широкого круга читателей они станут открытием.

Марина АКИМОВА

* * *

Преподаст нам урок бескорыстия,
Все раздарит, уйдет в наготу...
...Прошлогодние ржавые листья
Обозначатся в талой воде.

Не умеет природа лукавить,
Заметать не желает следы.
Проявляется грустная память
В темном зеркале вешней воды.

И в правдивую эту водицу,
С заозерной зарей заодно,
Пробуждаясь, осинка глядится,
Чьими листьями выслано дно.

* * *

За Каменкой — военный городок,
Кирпичные казармы старой кладки,
И облака в нестройном беспорядке
Лениво проплывают на восток.

За Каменкой — столетние, в обхват,
А то и в два обхвата, в три обхвата,
В неярком освещении заката
О вечности деревья говорят.

За Каменкой — закатов не бывает.
Там всходит солнце из-за тучных крон,

Там выучкою блещет гарнизон
И молодецки песню запевают.

А Каменку песочком замывают.

Конец врагу. Каменка, дружок,
Прости-прощай. И лестницы, и спуски,
Звучащие пленительно по-русски:
«Гусиный брод», «Гуляевский ложок».

И вы, лужайки мать-и-мачех майских,
Сбегающие к высохшей реке,
И ты прощай, белоголовый мальчик
С игрушечным корабликом в руке.

Гроза

Вот это мне по нраву. Днем печет,
А к вечеру гроза у горизонта
Сбирается, и жар дневной не в счет
Вдоль всей дуги предгрозового фронта.

Гроза идет на город с трех сторон.
Сейчас она пожалует. Минута —
И рухнет гром. И голубь-почтальон
Спешит свернуть с мятежного маршрута.

Мотив грозы, сюжет ее не нов:
Вот-вот она покатит с кручи бревна.
Сиреневых и пепельных тонов
Задышит небо тяжело и неровно.

...Томительная эта подоплека
Мне по душе. Но дождь в мгновение ока
Окончится. И кто-то запоет.
И тишь да гладь в небесном королевстве.
И почтаря продолжится полет,
И очень жаль, что устарели вести.

* * *

В саду работают шмели,
Весь день моторчиков не глушат.
Они природе верно служат —
Вот если б люди так могли!

Уложена дочурка спать.
В платке, накинутом на плечи,
За книгой молодая мать
На остывающем крылечке.

И до потемок, до росы,
До звездочки с холодным взглядом
Плывут шмелиные басы
Над полуспящим летним садом.

* * *

В тихом пригороде моем
В огородах цветет паслен.
И дома продают на слом
В тихом пригороде моем.

Вдоль дорог тополя гуськом
В тихом пригороде моем.
Дети бегают босиком.
Шмель качается над цветком.
Но печально слыть чужаком
Здесь, где каждый тебе знаком.

Приходи! Погрустим вдвоем
В тихом пригороде моем.

Воспоминание о любви

Прекрасная ночь грозовая!
Робея и робость скрывая,
Мы, за руки взявшись, бежим
На станцию Береговая.
От молний безмолвных светлым-
Светла эта ночь луговая.

Вот, кажется, мы добежали,
Но пусто уже на вокзале,
И дождь хлестанул проливной.
Давай разберемся вначале,
Что с нами — с тобой и со мной,
А рельсы давно отдрожали.

Загадочно! Непостижимо!
Пока что — все молнии мимо.

Разыграна только для нас
Высоких небес пантомима.
Не нужно, не прячь своих глаз.
Любима! Любима! Любима!

Бушуют над нами стихии,
А мы посредине России
Стоим на перроне вдвоем,
Счастливые, молодые,
Под крупным июльским дождем
Друг к другу прижавшись впервые.

* * *

В окрестных обобранных рощах
Дань с веточки каждой снята:
Вчера — безрассудная роскошь,
Сегодня — дотла нищета.

Стеклянными сделались травы,
Сгорбателись в поле стога,
И пашня накинута траур,
По-вдови черна и строга.

И птицами край мой покинут,
И в призрачном свете луны
Лежат неподвижно и стынут
Озера родной стороны.

О, если б подняться над этой
Огромной притихшей страной,
Над рощей, до нитки раздетой,
Над темной водой ледяной!

Окинуть единственным взглядом
Все то, от чего без ума...
И легким упасть снегопадом.

И сразу наступит зима.

* * *

Как славно цветет сирень!
Какой неподкупный год!
Уже убывает день,
Июль, а она цветет.

Свежо в саду по утрам,
Туман августовский густ —
Роскошествует, упряма,
Венгерской сирени куст.

— О сад, поставщик депеш,
Сад по ветру листопад!
Подавлен ли тот мятеж?
— О нет! — отвечает сад.

Трескучие холода
Сшибают птиц на лету.
Озябла в небе звезда.
Сирень не в снегу — в цвету!

И сколько царствовать ей,
Подвластной не быть зиме, —
От двух зависит людей,
От двух людей на земле.

* * *

Я снова о дождях. Привязанности этой
Не думаю скрывать. Я снова о дождях.
Я ливней грозowych приверженец отпетый,
Сторонник их торжеств в запущенных садах.

Мелодий их простых давнишний почитатель,
Ценитель плясок их на гулких площадях...
Как трогателен ты, насквозь промокший штапель,
На хрупких, полудетских, на девичьих плечах!

И что на свете есть прекрасней и крамольней
Нежданного — врасплох! — негаданного — вдруг! —
Прикосновенья губ в неверном блеске молний
И робкого затем прикосновенья рук?

А в мой последний час потороплюсь с желаньем:
Поток небесный, хлынь в жутчайшей из пустынь!
Край мертвый, пробудись, воскресни утром ранним!
Пойдите, злаки, в рост! А ты, песок, остынь.

Чтоб, в темноте своей благодаря аллаха,
Иссохший, как земля пустыни, бедуин
Под проливным дождем от счастья молча плакал,
С надеждою в душе, встающей из руин.

* * *

Это жизнь или это вокзал
С глупым голубем, вьющимся в зале
Ожидания? Ты опоздал?
Или снова к тебе опоздали?

Не бывает на выбор расплат,
Но сама выбирает расплата.
Что поделаешь, коль виноват.
Птица, птица-то чем виновата?..

* * *

Приглядишь, эта улочка тихая
Не желает лишаться корней.
И старинные ходики, тикая,
Двигают нехотя время по ней.

Все твои прегрешенья и промахи
Здесь простят без ухмылки кривой
За цветение майской черемухи,
За июльский раскат грозовой.

Здесь дома в одночасье не куплены,
Но до первой, германской, войны
Топорами отцовскими рублены
Из пахучей и жаркой сосны.

Здесь не комнаты — светлые горенки,
А под окнами плещут сады
И выводят мелодию горлинки,
Песню редкостной чистоты.

И молитвы, молитвы за здравие
В каждом доме негромко звучат,
Только вместо икон фотографии
В незатейливых рамках висят.

И в сознании не умещается:
Этой улочки явь так страшна!
Этой улочкой не возвращаются.
Лишь надеяться смеет она.

* * *

Налеты авиации пчелиной
Прекращены на тихие сады,
Где яблоки отбредили корзиной,

Где выветрился запах резеды,
Еще вчера такой неистребимый,
А девушка прикинулась рябиной.

* * *

Дождь до капельки вылит,
И стало в природе светлей.
Лес, сквозящий навывлет,
Короткая стрижка полей.

Паутинка седая,
Серебряный грошик луны.
Отлетающей стаи
Мотивы предельно ясны.

Чем в округе пустынной,
Тем горестней быть начеку.
И нетающий иней
Седин прибавляет виску.

* * *

Темный табор на фоне заката,
Шесть повозок и шесть лошадей.
А в деревне гадалкой Агатой
Непослушных пугают детей.

Вкусно пахнет дымящийся ужин,
И тягучая песня слышна.
Довоенных дощатых конюшен
Лишь к рассвету достигнет она.

Никуда не уйти от тумана,
Что, густея, ползет от реки.
...И еще не убили цыгана,
Балагурят еще мужики.

* * *

Из тишины, из области молчанья
Пришла и трансформировалась в гул
Ужасная гроза. Первоначально
Сухой раскат по стеклам хлестанул,
Затем сверкнуло, и еще сверкнуло,
И зачередовалось, и пошло...
И детвору с асфальта как смело,
И пешеходов словно ветром сдуло.

А под конец, под занавес грозы,
Заметил, что у входа в чахлый скверик
Стоит одна и смотрит на часы,
Вся вымокла, продрохла вся, но верит.
И сердце сразу, вдруг, оборвалось,
Разладилось, затребовало слез.
Ой, не придут по слякоти да грязи
К ней на свиданье в мокрый этот сквер!
Заблудится патруль военный разве —
Два рядовых и с ними офицер.

Тюрьма

Два хрупких этих запястья,
Два трогательных плеча.
И жизнь — прямее луча.
И — вовсе не нужно счастья?

Воспоминание о детстве

Всю ночь перекликались ставни
На тарабарском языке.
Всю ночь металась птичья стаи
И били крыльями в тоске.

И ветры хлопали железом,
Дождем швыряясь птицам вслед,
И далеко, за Черным лесом,
В оврагах прятался рассвет.

Тревогою не беспричинной
Я в эту ночь охвачен был:
Наш дом, как парусник старинный,
Скрипел, раскачивался, плыл.

Дом плыл! И, страх превозмогая,
Я вышел все же на крыльцо.
Стихия — грубая, тугая! —
В мое ударила лицо.

Как надрывались чьи-то трубы!
Как с неба рушилась вода!
Как твердо знал я, стиснув зубы,
Что буду вечно жить, всегда...

Андрей КОРОЛЕВ

НА КРАЮ РАЯ

Р а с с к а з ы

Отец подаст мне знак

Дине Ахметовой

Приличный смартфон («а то ходишь, как терпила») — с земноводным отливом, плоский и загадочный, как хвост бобра, — подарил мне, разумеется, сын. А набил его всякой всячиной, оживил и заставил работать, разумеется, внук. В этих делах он продвинутый, но все же еще ребенок. И номер своего отца, то есть моего сына, занес мне в контакты с трогательной ошибкой: «Папа». И теперь примерно раз в месяц, когда сын вдруг звонит мне, я на миг холодею, видя эту надпись. Ведь мой-то папа, давно лежащий на кладбище «Солнечное № 2», набрать мне никак не может. А наверняка бы хотел, потому что был ужасно общительным.

Да они многие из того поколения были общительными. Уже редкое, отмирающее свойство. Простодушный интерес к жизни других. У нас-то скорее коммуникабельность: ладно, сконнектимся, давай, на созвоне. И всё больше по делу. А остановиться посреди улицы и минут десять выслушивать всякие мелкие новости какого-нибудь шапочно знакомого — вот уж нет, увольте!

Но это сейчас ты такой спохватившийся-сентиментальный. А в детстве-юности даже стыдился порой его непомерной жажды узнать побольше, быть сопричастным всему вокруг. Едем, бывало, на мичуринский вместе в автобусе, и пару остановок отец еще терпит, а потом непременно вступит в разговор. Да еще пальцем покажет на тебя собеседнице — старухе с грубым мужским лицом, но в белой панаме, наверняка бывшей сотруднице заводоуправления (что особенно противно, лучше бы уж с бабушкой любой простой заговорил), — иллюстрируя тезис о том, что не вся молодежь пропащая, вот его сын, к примеру, и спортсмен, и отличник, и воспитанный (и в кого только?).

И когда мы выходили из автобуса, я не раз выговаривал ему за такую неделикатность. Но, понятно, без толку.

А после шестидесяти им вдруг овладела странная жажда странствий. То есть охота к перемене мест, но с желанием укорениться, утвердиться, подтвердить свое видное место на генеалогическом древе. Для чего он собрался — для начала — проведать всю родню в Сибири. И при этом свято был уверен, что везде его встретят хлебом-солью — то есть пирогом с муксуном или белорыбницей, а еще шаньгами, настоящими шаньгами, у которых может быть куча всяких начинок, но самые вкусные баба Пана пекла с творогом, или с лесной ягодой, или с белыми грибами (а других и не брали, разве что грузди, да и то только единственно правильные — желтые, сырые, с бахромой), а он ловко и безнаказанно таскал те шаньги из огромного короба не то в снях, не то на чердаке — тут версии различались, но восторг оставался неизменным.

Прошлое вообще рисовалось ему с такой лучезарностью, что мы с сестрой всерьез побаивались его отпускать, ведь, помимо проблем со здоровьем, эта авантюра была чревата и болезненным разочарованием: «Шеф, клиент приезжает, а все пропало!» Однако отец был непреклонен, удивительно собран и празднично воодушевлен, и грех было ему препятствовать.

Он сам накопил на путевку («Круиз по Оби» — звучит, согласитесь, крайне соблазнительно), так что вопрос встал лишь с подарками. Ну не шишки же кедровые везти в Нижневартовск, это благосклонных москвичей еще умилит такая туземная экзотика. Но отец решил проблему гениально просто: взял с собой пару бутылок крепкого «Кузбасского бальзама» да набор открыток с видами нашего Кемерова. И таких презентов оказалось вполне достаточно. Во всяком случае, он так нам потом это подавал.

На теплоходе он участвовал во всех плановых мероприятиях, победил в конкурсе на лучшую поделку из природных материалов (нашел какой-то замысловатый корешок во время стоянки на берегу) и наверняка (тут и расспрашивать его не требовалось — это и так было ясно) пользовался успехом у зрелых путешествующих дам. И со многими родственниками успел повидаться. Но главное, говорил он с искренней, именно что с главной гордостью, нашел могилу отца.

— Что значит «нашел»? — изумились мы. — Там же чуть ли не центральная аллея на центральном кладбище!

Мы с сестрой росли с красивой легендой, что дед наш был первейшим и важнейшим пассионарным начальником в довоенном Сургуте. И при случае всегда шутили по этому поводу: дескать, остались бы там — получили бы корону по наследству и были бы сейчас олигархами почище Абрамовича с Дерипаской.

— Вы не понимаете, — поморщился отец. — Город-то вырос. Уже полмиллиона, наверное. А хоронили его когда? Пятьдесят лет уже? Шестьдесят?

— Ну хорошо. И как ты нашел-то?

— А вот сам не знаю. Долго искал, все ряды обошел — нет и нет. Теплоход уже скоро отплывает, времени в обрез, а я все никак не могу найти. Уже отчаиваться начал. Да, правда, почти отчаялся. Ну, думаю,

бляха-муха, что же это такое? Стыдно же, приехал за тыщу верст, а отца родного могилу не могу найти. Ну, что делать?

Встал я тогда вот так, сложил руки (тут он показал, как он встал и как сложил) и посмотрел на небо: «Папа, ну где ты? Ответь, пожалуйста».

И будто кто повел меня. Я же все-таки помнил кое-что. Слева — берега, я на ней тогда две буквы ножом вырезал: К и В. Коренев Василий. Вот по этой-то метке я его и нашел. Букв уже и не видно почти, заросли, заплыли, но я разглядел. И место сразу узнал. Холмик маленький совсем, почти ровное место, никакого памятника, конечно, нет. Но я узнал. Почувствовал. И вот так с отцом все-таки встретился...

К этому моменту слезы уже открыто катились у него из глаз — и какие-то старческие, и какие-то детские.

Самое трудное в общении с родителями — говорить правду. Хотя это вообще невозможно. Так не хочется напрягать их и расстраивать. Вот и приходится все время что-то недоговаривать и что-то скрывать: реальную причину своего отсутствия (болел с похмелья), реальное положение дел на работе (уже неумоги), реальную цену купленных вещей (и называешь ее вдвое-втрое меньше заплаченной).

И общение, как правило, получается предельно сдержанным, многословным, сухим: да, нет, все хорошо. Правда хорошо.

Потом, конечно, коришь себя: ну что ты, не мог, что ли, расслабиться на минуту, сделать тон потеплее, раскрыться навстречу? И иногда это все же получается. Но чаще — нет. И не надо.

Однажды, будучи еще совсем начинающим мужем, я вусмерть рассорился со столь же юной женой и прямо среди ночи двинул к родителям через весь город. В знак протеста. Пешком. И шел часа три, не меньше, наматывая сопли на кулак, сыпя про себя, а то и вслух пламенными монологами.

В этом-то и был весь смысл — чтобы и ночью, и пешком, и так долго, с трагизмом.

А испуганный отец выглянул из спальни со словами:

— Произошло убийство? Ты замешан?

Ну и как вот с таким человеком говорить искренне, раскрывать ему душу? Понятно, что лучше если не врать, то помалкивать.

Даже если сейчас он исхитрится как-то связаться со мной, я все равно, мне кажется, не смогу отвечать ему нормально. Начну или сюсюкать, или мычать что-то обнадеживающее, или вовсе сочинять напропалую.

Потому что он еще и поразительно наивен. И аномально оптимистичен. И предпочитает верить людям, газетам, брошюрам о здоровье, рекламным буклетам и даже федеральным каналам. Так что ему можно втюхнуть все что угодно. И я постараюсь не разочаровать его.

— Да, папа, — скажу я, — наступил мир во всем мире, англосаксы отстали от нас и теперь только из вредности вяло собачатся с соседями.

Собак, кстати, уже посылали на Марс, скоро и люди потянутся, там будет целая колония, и нам дали самую большую квоту: помнят же все-таки, кто был пионерами, у кого особый путь через тернии...

А я по-прежнему играю в футбол. Ты даже не представляешь, какие чудеса сейчас творит спортивная медицина: такие методики восстановления, такие препараты (но не допинг, не беспокойся). Вот недавно встречались с бразильцами, я забил гол и сделал две передачи, а у них забивали Пеле, Какá...

— Слушай, — скажет отец, — не надо так рьяно ограждать меня от суровой реальности, подслащать пилюлю. Лучше горькая правда. Ведь профукали же бразильцам, скажи честно.

— Да, папа, — сокрушенно признаюсь я, — выиграть пока не удалось. Но, как говорится, дали бой, выглядели достойно.

— И вот это правильно, это самое важное! Чтобы стараться, отдать все силы. Чтобы совесть была чиста и не в чем было себя упрекнуть. Вот как дед твой жил, да и я старался...

— Да, конечно, конечно, пап, я помню.

Конечно, я помню. А есть ли в чем меня упрекнуть?

На могиле его мы с сестрой хоть раз в год, но бываем. Причем выбраться стараемся обычно в мае — начале июня, пока сорняки не слишком вымахали. Позже уже стыдно.

Нашим взрослым детям это не очень интересно, и раньше мы их с собой особо не звали. Только в последнее время как-то научились объезжать бодро, но с уместной скорбинкой:

— К деду давно не ездили, надо бы выбрать время...

И они стали соглашаться.

В этот раз сын довез нас до самого кладбища, мы в шесть рук быстро привели могилу в божеский вид и уже возвращаемся к оставленной у ворот машине.

Сын идет шагов на двадцать впереди, снятая майка лежит на плече, а под шеей между лопатками смешной островок растительности (не в меня: я, если честно, гораздо волосатей). Он не то чтобы отстранился от отца с теткой, просто хочет поскорей освободиться, заняться другими делами. А здесь объем работ оказался слишком мал, значит, нужен он нам был исключительно как таксист. Он не ропщет, не обижен, ведь давно знает нас как особ заполонных и инфантильных, и сейчас всего лишь снова подтверждало подтверждение. Но куда деваться, нас уже точно не переделаешь...

Тут оживает мой телефон, а звонящий определяется как «Папа». И от этого вся моя хваленая шерсть на загривке встает дыбом, жутко становится по-настоящему, ведь я вижу, что сын по-прежнему размеренно вышагивает впереди, из кармана ничего не вынул и к уху не поднес.

— Да, — осторожно отзываюсь я.

— Дед, это я, — говорит внук отрывисто, огрубляя голос (так, ему кажется, получается представительней). — А папа рядом? Он телефон дома забыл...

— А что такое, что случилось?

— Да ничего не случилось. Я просто на велосипеде в центр хочу съездить, на его велосипеде, а он может не дать, зажать. Попросишь его?

— Конечно, попрошу, только ты сначала все же сам с ним поговори. Только вежливо... Сына! — кричу я вперед и протягиваю трубку: — Егорка тебя!

Сын дожидается, берет телефон, слушает, хмурится, отворачивается и начинает строго, раздельно, но вполголоса воспитывать своего сына.

А до меня вдруг доходит: ну ведь надо же!

«Ну, папа, ты и нашел вариант!» — усмехаюсь я про себя.

Да, он все-таки нашел способ подать знак. Современный. Высокотехнологичный. И древний как мир. Со смыслом не самым прозрачным, но очень наглядным: про какую-то вечную связь отцов и детей — непрерывную, неразрывную. Как бы это ни казалось нам иллюзорным.

На краю рая

Юрию Юдину

Здесь вообще не болеешь с похмелья — сколько ни старайся. До того воздух живителен. Так Худобин обычно объясняет новым слушателям — как бы хвалясь и в то же время сетуя: дескать, рад бы соврать, да не могу, не моя заслуга, повезло просто. И ведь на самом деле почти не лукавит, говорит со знанием дела, потому что годами уже проверено. А если и сам порой все же не слишком бодр с утра, то терпит без стенаний и мрачности, и проходит у него все действительно быстро, никакой особой терапии не требуется.

Вот и сейчас он проснулся на веранде удивительно свежий. Еще лежит на диване, но поднял голову, подпер ее рукой и любитесь видом из окон. Солнце добралось уже до середины сосновых стволов, и оранжевый их верх тоже, кажется, излучает свет. Золотистые пятна лежат на кронах подлеска — черемух, рябин, боярышника — и повсюду на траве. «Господи, какая же здесь все-таки красота! — думает он. — И величественная, возвышенная, и естественная, простая, такая родная. Рай для сибиряков, наверное, так и выглядит». Даже ревность берет, когда рядом обнаруживается еще чье-то присутствие: где-то квакает снятая с дежурства сигнализация и вскоре заводится мотор; в другом месте струя воды с тугим звяканьем бьется о дно металлического ведра.

Но люди здесь сейчас — точно не самые главные. В птичьем гвалте, если вслушаться, можно различить отдельные партии, кто-то включается в хор, а кто-то начинает солировать. Причем ясно, что все эти бесхитростные птахи упоенно выводят одно: «Здравствуй, Светило! А вот и я!» И именно это глупое желание каждой выделиться мешает им слиться в едином, мощном, согласно-гармоничном изъятии восторга.

— А вот и я тоже! — произносит Худобин вслух — словно очередь занимает на всякий случай в этом ряду льстивых верноподданных. Благосклонность свыше и ему сегодня не помешает. Да хотя бы просто снисходительное подмигивание, легкая ужимка узнавания, просто короткий сиятельный кивок: ладно уж, живи.

Да, вчера, если честно, он слегка загулял. Но действительно слегка и уж точно не настолько, чтобы сразу такой остракизм. Брезгливо был послан спать на спартанскую голую веранду. Ну тут хотя бы понятно: выхлоп, храп, все дела. И главное, он и сам был с этим согласен: оступился — так ответь хотя бы таким вот неудобством (а на самом деле — даже неким забавным испытанием-приключением). Но зачем было самой уезжать — да еще с таким шумом, с вызовом такси, с хлопаньем дверью? И ведь с каждым разом все это только хуже — истеричнее, злее, публичнее. И такая безнадега, такая ненависть в глазах — аж мороз продирает и оторопь берет.

Отчего такая нескрываемая бешеная реакция?

Нет, он не пытается оправдаться, он никогда ни на кого не перекладывает вину: да, сам хорош, да, психанул, но нужно же честно все оценивать, учитывать все обстоятельства. Да и на себя тоже посмотреть!

Но нет, видно, уже не хочется. Хочется вот так: грубо, с желчью, с ядовитыми колкостями — когда оба метят в самое больное.

Вот до чего они докатились.

А началось-то все, как всегда, с ерунды. С привычного, в общем-то, и совсем не страшного напряжения: свалились на голову гости. Это на даче не редкость, здесь этикет вольнее, и порой, кстати, выходит даже неплохо, и в конце все довольны. Вчера же просто не повезло: заехали с пляжа не самые близкие знакомые, а жене, уже принявшей пару фужеров, захотелось и их принять с повышенным градусом радушия. Поиграть в хозяйку великосветского салона. То ли оттого, что привезли они столько остатков разных вкусовостей («Нас санкции как-то не особо коснулись»), то ли просто от скуки. Ну и чтобы ему, Худобину, досадить — но это уже позже. А сначала просто блажь: вот какая я милая и мудрая, всем моего душевного тепла хватит, заходите, гости дорогие, все берите и ведите себя как дома — то есть как хотите противно.

Сам Худобин, разумеется, сначала тоже был обходителен, он со всеми старается так, но есть же предел терпению. Эти Старовойтовы рано или поздно начинают бесить своим самодовольством. Все вот эти детальки уверенным голосом: и какой сыр с каким вином лучше, и насчет чартеров из Новосибира на моря, и про культовый корейский сериал с рейтингом восемь и семь — аж с души воротит. Но в итоге еще и он оказался виноват: как же, не снизошел, не поддерживал разговор — и при этом демонстративно, это же бросалось в глаза, все заметили.

А вот и неправда, разговор он пытался поддерживать, точнее, слушать, да кивать, да иногда вставлять поощряющие междометия: «Во как!», «Да ладно!», «Ну врешь же бесовестно!» Потому что всерьез воспринимать монологи этих чванливых купчин было выше его сил. Особенно когда после его невинного замечания, что расслабиться в пятницу вечером не грех, Старовойтов возбудился как-то излишне язвительно:

— О, олд скул, старая школа, обожаю! Всю неделю впихивать за копейки в грязи и солидоле, чтобы в пятницу нажраться до зеленых соплей, но это же святое! Мой родитель такой был: попробуй ему что скажи в тот момент — сразу в рог! Мамаля потому и посылала меня в гараж, сама

не ходила. А там мужики ржут: «Ага, Гаврилыч, с вещами на выход, за тобой конвой». А родителя это еще больше заводило: лоб хмурит, носопыркою выдыхает, кулаки сжимает, а сил-то не то что вдарить — просто приподняться уже нет!

Тут все было отвратительно: и сама лексика, и сам тон — псевдо-умиленный (таким же писклявым прожженные сплетницы передают речь соседки-профурсетки), и то, как Нинка Старовойтова захихикала, когда «родитель» по дороге домой навернулся в канаву (это же знак свыше — там ему и место!). А главное — задевал какой-то явный намек ее мужа на то, что Худобину эти интимные подробности с грязью и солидолом как-то понятны и близки, ему это канувшее в канаву прошлое чем-то ценно.

Хорошо еще, что внук у этих барыг пока на них не похож — нормальный раскормленный очкарик, с ним-то Худобин и начал в конце концов общаться, затеял возню на площадке у въездных ворот. «Стражались» березовыми палками (их много у него возле крыльца — с каждого выхода в лес такой ладный посошок приносит), но и тут опять не угодил: это ведь опасно, можно в глаз попасть, и что вы бегали и орали, как безумные, и что ты хотел этим показать?

И кстати, о посошке. Что за спектакль ты устроил с «древним казацким ритуалом расставания»? С заоколичной, забугорной и всеми этими дурацкими притопами-прихлопами?

Да я, что ли, так гордился своими казацкими корнями? И я, что ли, виноват, что он пить не умеет? И сразу все понты послетали — и поперло из парня естество, все гнилое нутро. Тебе это понравилось?

Мне не понравилось, что тебе это доставляет удовольствие — унижать людей.

Не унижать, а раскрывать. Докопаться до глубоких казацких корней.

Это в твоем скудном скукоженном мирке уметь пьянствовать — доблесть и гордость. А другие люди живут в настоящем мире — открытом, богатом, насыщенном...

Ну да: сытые люди — на досуге открывшие в себе богатый внутренний мир. И теперь вываливающие его на других. Это вот такие тебе нравятся?

Да, представь себе. Вот такие — которые еще чего-то хотят. И могут. В отличие от тебя.

Да пошла ты! Вот и общайся с такими.

Да сам ты пошел!

И он пошел. Общаться с другими людьми.

Общение на дачах, правда, не предполагает особой глубины. И разнообразия тоже. Заходишь в ближайший дом и с порога интересуешься:

— Ну, и что вы о себе думаете?!

Хозяйка, понятно, начинает суетиться, пытается вспомнить, что лишнего могла сболтнуть вчера на стихийном дамском саммите возле углярки. Зато хозяин — олд скул! — все понимает правильно.

— Дружище, — говорит он, — вот ты-то мне и нужен! Есть одно дельце...

И потихоньку-потихоньку подвигает тебя в сторону кухни: там в холодильнике все давно припасено как раз на такой еженедельный случай.

При желании можно даже не задерживаться здесь надолго, а посетить еще пару-тройку мест, но Худобин в этом вопросе консервативен: уж сидеть так сидеть. Это в романах каких-то полузабытых юношеских перекочевывали из бара в бар одной компанией — и до сих пор непонятно, какой в этом смысл, какая радость.

Беда в том только, что и с этим, и с другими соседями на сто раз уже все переговорено, а здесь конкретно польются одни воспоминания об армии. Это ведь грустно, когда самые сильные впечатления у мужика были аж тридцать лет назад, и все друзья только с тех пор, и вообще все мировоззрение оттуда. Причем это опять же не Ремарк с Хемингуэем — никакой высокой нежности, или стойкости, или отваги. Тут всё приземленнее: как в самоволки бегали в женскую общагу, и как в каптерке бухали со старшиной, и — самое любимое — как после дембеля на целый месяц зависли в Керчи у боевого кореша: эх, счастливое было время!

В общем, не так-то и долго Худобин здесь пробыл, еще до полуночи вернулся к дому. Жена сидела на ступеньке крыльца с сигаретой. А он подошел вполне твердо, не шатаясь, и даже с легкой, чуть шаловливой и чуть покаянной улыбкой.

И напрасно вот так, расслабленно: от него явно ждали другого. Видимо, на коленях должен был ползти и биться лбом в отполированные сосновые корни.

Холодный изучающий взгляд. Несколько презрительных слов. Окончательный вывод, краткий приговор и изгнание. А потом почти сразу вдруг — после какого-то сонного его замечания (да просто огрызнулся, как обычно!) — шумные сборы и отъезд.

Ну ничего. Не в первый раз. Как-нибудь оно все рассосется, выправится.

И вот он утром в воскресенье один в лесу. Воскрес один в раю. То есть изгнан в рай. И чувствует себя замечательно. Редкое, какое-то незаконное и оттого еще более ценное чувство.

Так изредка случалось, когда дети были еще маленькие. Их рано уведут куда-то — к теще погостить, в театр какой-нибудь или даже в больницу, — а ты остаешься один, в покое и неге, и подленько этому радуешься.

Худобин поднимается, одевается. Умывается. Включает чайник.

Думает: завтракать или нет? Пока что-то не хочется.

Один бутерброд с кофе — чтоб покурить нормально.

А чем потом заняться?

А чем, кстати, занимаются в раю — помимо игрищ с гуриями и игры на лире/свири? А если он не умеет играть? Какие-то курсы будут подготавливать — хотя бы краткосрочные, ускоренные?

Вряд ли. Что за рай с обязателькой, муштрой? И зачем там ускоренные? Там же вечность, торопиться некуда.

Лучший вариант — почитать. Давно мечтал об этом. Чтобы вот так день посвятить. Вытащил на улицу шезлонг. Набрал с полки целую стопку книг, сосланных из городской квартиры. Все-таки нужно дать им еще шанс. Не все же отправлены за десятый километр из-за низкого культурного уровня. У жены на этот счет своеобразный — и довольно суровый — взгляд. С явной оглядкой на дизайн интерьера. Может, кто-то просто обложкой не вышел, поистрепался, поднадоел. В общем, все как у людей...

Немного смущаясь («На старости-то лет!»), открыл Лондона, «Сердца трех». И поразился буквально детскому, чистому и беззастенчивому желанию автора нравиться — причем самым наивным и по-детски неискушенным читателям. Состряпать добрый и светлый продукт на продажу. Что же тогда было в киносценарии, который другой автор сначала строчил сразу вслед, а потом даже опередил писателя? Уже в романе голливуд! Качая головой, Худобин с улыбкой отложил книжку. Спасибо, конечно, но больше не надо...

Вторым был выбран любимый Бёль, но и тот не покатыл. Пронзительная честность и чувство вины — как-то слишком актуально. Хотя потом перечитать все равно придется...

Потом были другие, совсем незнакомые авторы (хватал же в букинистических все подряд, столько денег спустил!), но никто не зацепил настоящему. Настроение, видно, не то. Потому и сесть самому писать — никакого желания, заранее ясно, что ничего не выйдет. Будет смотреть в окно на деревья и птичек, а все эти потуги покажутся суетными, мелкими... Ну одну-две фразы, может, и выдавит. С прошлого раза, например, осталась такая — и та сугубо дневниковая, просто подсмотренная сценка возле дома: «Окончание уроков в начальной школе. Родители-бабушки-дедушки выстроились в шеренгу перед входом, как на аукционе. И я бы тоже взял себе парочку маленьких и умненьких...»

Нет, нужно просто погулять. Проветриться на солнышке. Продышаться. Перезагрузиться.

Выходя, он еще раз бросил взгляд на корзину, висящую на крючке возле печки.

Может, все же сходить за грибами? И потом привезти домой кучу. С ложной скромностью тяжело выставить отдельные пакеты с «жарительными» и «солительными» на кухонный стол.

«Ого! — скажет жена. — Это откуда столько? Ну ты даешь! Кормилец!»

Ага, размечтался. Скорее опять наткнешься на ледяной взгляд: «Кому это? Мне — не надо. Сам обрабатывай. Достали уже твои грибы».

«Его» грибы. Он себе, что ли, их собирает? Раздают же и детям, и родне, и знакомым!

Хотя и правда — перебор уже с ними. В какой-то пунктик это начало превращаться. Примитивность какая-то, ограниченность, бзик. И со стороны, наверное, выглядит смешно — постоянно с корзиной. Недавно узнал, как в деревне его называют: «Ленин и грибник». Жену Лена зовут. Она, поди, и пожаловалась: вся морозилка битком! Куда нам столько? Лучше бы внуками побольше занимался, о себе я уж и не говорю...

Он медленно шагал по недавно отсыпанной дороге и вслух костерил прогрессистов, которые до такого додумались. Мало того, что выглядит это уродство с мертвыми белесыми камнями как шрам на теле бора, так еще навалили крупный щебень, с тонкой подошвой идти вообще невозможно. А этим новым ценителям природы на джипах и квадроциклах — самое то! Нет чтобы прогуляться, жир свой растрясти — зачем? Есть же колеса и мотор под задницей! И теперь в лесу везде колеи, трава помята, кусты поломаны, самые укромные грибные места повытоптаны. Зато как удобно — «лес шаговой доступности»! Да не шаговой, в том-то и дело! И для тех, кто сам пешком не ходит, кого сюда вообще пускать нельзя! Тыфу ты, черт, опять он про свои грибы...

Еще несколько шагов — и из прохлады леса Худобин вынырнул на открытое пространство с теплом и солнцем. Впереди до самого горизонта — поле, пересекаемое тянущимися к реке параллельными колками. Местные знают, что всего их пять, так, в порядке отдаления, и обозначают: «был во втором», «в четвертый уже не ходите — я прошел»; похоже, для снегозадержания когда-то были посажены, но с земледелием в этих местах, слава богу, давно покончено.

А вправо уходит дорога к обрыву над Томью.

Эту дорогу и обихаживать не надо — накатана до бетонного блеска, причем это уже новая, спрямленная; старая, полукругом, уже почти заросла: природа сама себя лечит. Впрочем, с нами, такими тупыми и неблагодарными, что ей еще остается?

Он хотел даже разуться, почувствовать ступнями живую твердость земли, ласковую нежность пыли, но почему-то не стал. Как-то слишком киношно. Не в пионерлагере же. Пошел так.

Смотрел по сторонам. Отмечал изменения вокруг. Высокая трава в поле уже как-то загубела, и цвет ее стал не таким сочным. Как и у неба голубой не столь ярк. А у березы справа одна прядка уже желтая. Да она не плакучая, она паникерская!

Любимый пятачок на обрыве был пуст. Приятный сюрприз. В последнее время в выходные сюда обычно не втиснешься. Одна компашка за другой. Молодые, чужие. А ведут себя так, будто это их давнее место. И потом после них вся площадка в мусоре. И даже если крупного нет (могут и разовый мангал великодушно оставить), то все равно — пробки, упаковки, презервативы... Осмотрительные, значит, предусмотрительные... Что ж такое классное место на будущее сохранить не хотите, даже убрать за собой не можете? Неужели самим не противно?!

Ладно, не горячись. Вот же никого нет. Пользуйся, наслаждайся.

Он встал за метр от края, раскинул руки, подышал полной грудью.

Оглядел весь оком: лента бора на этом высоком берегу, река, блестящая на солнце, текущая издалека слева и делающая большую петлю, а за ней город, не слишком богато, но плотно застроенный, и все расширяющийся, выбрасывающий отростки по сторонам.

Ну вот, а ты говоришь: «узкий, скукоженный мирок». Смотри, на какой оперативный простор выбрался! Какая впереди перспектива!

Пекло так, что вполне можно было загорать. Худобин снял майку, вывернул на левую сторону, положил на пружинистый клочок конотопа и лег на нее спиной. Закрыв глаза. Рядом, он знал, проходит по земле муравьиная дорожка, миграционный маршрут или контрольно-следовая полоса, какой-нибудь патрульный сейчас наверняка им заинтересуется. А сверху мягкий ветерок обдувает. Благодать.

Лежать вот так и ни о чем не думать, ничего не хотеть, ни о чем не жалеть.

И совсем уйти хорошо бы вот так — вот здесь и вот так — просто растаять, раствориться в ветре, и все.

Ага, и как ты все это себе представляешь? Подвезут на кровати скорбные родственники, рядом эта штука на колесиках с двумя капельницами, и смазливая сиделка в халатике на голое тело наклоняется заботливо...

Он сел, достал сигареты и спички. Докурив, тщательно затушил бычок. И, немного стесняясь, отщелкнул его вниз, куда-то в кусты на склоне крутой заросшей скалы. Так ведь хотя бы не на видное место!

Возвращался он другим путем — подлиннее, зато по солнышку, через несколько красивых полей и к тому же без этой ужасной щбенки. Оставалось всего ничего, когда что-то буквально потянуло его заглянуть в лес.

Здесь справа от тропинки растет великолепная сосна, и в самый первый приезд сюда, в самый первый выход в лес с женой и сыном, они нашли возле нее сказочную семейку белых. Сразу девять! И все — как на подбор, больше среднего, но совсем не червивые, плотные, как туго накачанный кожаный мяч, и самой благородной расцветки — светло-кофейного цвета нога, верх шляпы темно-вишневый, а испод зеленоватый — прямо как на картинке в хрестоматии по родной литературе! С тех пор Худобин всегда заглядывал под эту сосну, если проходил рядом, и, конечно, не так много и счастливо, но кое-что все же собирал.

А тут сразу можно было понять, что дело не чисто. Слишком уж фантастично, нереально. Идеальное искушение. Ловушка. Подстава.

Всего в двадцати метрах вглубь леса торчал на самом виду огромный белый! Для такого профи, как Худобин, трофей выглядел слишком простым, унизительно легким, но инстинкт ударил в голову, и он достал из кармана ножик. Подошел и присел рядом, надеясь все же на лучшее. Да, уже переросток, но, кажется, еще не очень дряблый.

Он сунул обе руки под громадную шляпку.левой продвинулся вниз по ножке и нащупал основание у самой земли, а правой начал пилить, преодолевая скрипящую восхитительную толщину...

И вздрогнул-всхлипнул от острой боли, молнией сверкнувшей по телу от среднего пальца: будто кто-то в отместку за священный боровик полоснул его по загребущей руке своим ножиком. Злосчастный гриб отлетел в

сторону, а прямо перед собой на траве Худобин увидел свернувшуюся в кольцо или пару колец некрупную черную змею.

Она лежала даже как-то виновато, и Худобин не испытал к ней никакой злости. Лишь обычное невольное отвращение, да и то с сожалением: ну зачем ты так, я же свой...

К счастью, ближайший автобус отходил из Журавлей уже через полчаса. Так что с вызовом скорой или такси и заморачиваться не стоило: быстрее все равно бы не вышло.

Ехал тридцать пять минут, прислушиваясь к своим ощущениям. Рука с укушенным пальцем начала опухать, тыльная сторона ладони становилась как подушка, но больше никаких тревожных симптомов.

Потом еще пара минут ходьбы до травмпункта. Регистраторша сразу сама провела его к кабинету, перед которым сидели шесть или семь мужиков — и почти все приличного вида.

— Укус змеи, проходите! — донеслось вскоре из приоткрытой двери, и Худобин, сопровождаемый почтительными взглядами, с чистой совестью прошел без очереди.

Усталый врач-брюнет, похожий на кавказского сепаратиста, выбравшего все же мирный путь разрешения конфликта, расспрашивал бесстрастно: что, где, когда. И вид у него был такой, что даже пытаться не стоило его разжалобить, или рассмешить, или просто удивить.

Зато самого Худобина удивила процедурная сестра (он как-то понял, что она именно процедурная, хотя сроду, то есть с детства, не был на приеме у врача), спросившая, сфотографировал ли он змею.

— Да как-то не до того было, — промямлил он. — А что, надо было? Тут первая мысль — бегом в город, к вам.

— Но вы точно уверены, что это была гадюка?

— Да уж гадюку от ужа я отличу, а других у нас и нет.

Она поставила ему укол. Но оказалось, это еще не все. А от столбняка вам ставили когда-нибудь? И когда? Полтора года уже прошло?

Наверняка не ставили, но он тупо начал вспоминать и не смог ничего внятно ответить. Тогда придется ждать полтора часа, сказал врач. Возникла неловкая пауза. Ясно было, что ждать столько времени глупо. А поскольку он никуда не уходил (да его и не отпускали!), как-то само собой вышло, что ему почти сразу вкололи еще и это.

— Да, и снимите кольцо, — сказал врач. — А то как бы резать не пришлось.

Резать кольцо или палец, он не уточнил, и Худобин быстро свинтил кольцо с пальца.

— Ура, я свободен! — сказал он.

Но, видно, и эта шутка была здесь слишком банальной.

— Нет, — сказал врач. — Ни в том, ни в другом смысле. Вы все-таки в больницу сходите. И прямо сейчас. Я выпишу направление. Это серьезно. Недельку полежите под наблюдением — зато потом можно быть спокойным, что ничего не случится.

— Недельку? — ужаснулся Худобин. — Так я же быстро все успел!..

— Это в лучшем случае, — сказал врач. Он явно не был расположен разделять его эйфорию. Возвращение к жизни — это все так зыбко, так условно.

Худобин дошел до больничного городка и остановился у калитки. Надо покурить, а то вдруг и вправду положат. И еще позвонить жене.

Курия, он нашел строчку в списке «Последние».

— Слушаю, — сказала она после пятого гудка. — Говори.

Сухо. Деловито. Спокойно.

— Знаешь, я, наверное, домой не приеду, — сказал он.

— Так. Ясно. А новости какие-нибудь будут?

— Будут. Я в больницу пришел.

— В наркологию?

Он рассмеялся:

— Самое смешное, что да. Меня змея укусила.

Жена не дрогнула.

— Это что, у тебя уже глюки?

— Нет.

— Хорошо. Тогда что случилось?

— Говорю же: цапнула гадюка. Это такой змей-искупитель. За все мои прегрешения. Вот и отвечу за все. Как Вещий Олег.

— Ты меня совсем, что ли, довести хочешь? Какой еще Олег, какая змея?

Ярость благородная уже начинала вскипать, но он заставил себя говорить размеренно, четко.

— Нет, я не хочу тебя довести. Я хочу донести до тебя информацию. А ты можешь хоть раз выслушать и не думать только о себе? Меня укусила змея. В лесу. Небольшая такая. Но ядовитая. Гадюка.

— Это что, правда?

— Да, святая. Я пришел в больницу. На всякий случай звоню попроситься. Не поминай лихом.

— Господи! — сказала она. — Господи. Подожди. Дай я приду в себя.

Ему вдруг стало ужасно жалко ее. И стыдно за себя. Ну нельзя так. Наоборот, надо поддержать человека.

— Да не бойся, у нас же они не смертельные. Это в Средней Азии — да. Ну поваляюсь в больничке недельку-другую...

— Точно? Ты уверен? Подожди, а в какой ты больнице? Я тоже приеду. На такси. Я быстро.

— В «трешке». Да не надо. Может, меня и не положат...

— А чувствуешь себя как? Голова не кружится? Жар есть? Ты вообще в порядке?

Она по-настоящему была напугана, и Худобина это как-то мелочно радовало.

— Да в порядке вроде. Рука только начала опухать.

— Рука? Она в руку, что ли, укусила? Это как вообще произошло?

— Да не важно, потом расскажу. Сейчас время дорого. Потом расскажу — если доведется...

— Господи, — опять сказала она. — Только с тобой это и могло произойти. Наверное, одна змея на весь лес, и вы нашли друг друга...

И замолчала. А он, чувствуя себя настоящим змеем, прислушался, не плачет ли она.

— Ну хочешь, я не буду противоядие ставить, — это будет мне наказание, — осторожно пошутил он.

— Ты что, совсем уже дурак? Ставь немедленно! Только без меня не ложись. Дождись. Я скоро буду.

— «Без меня не ложись» — звучит очень обнадеживающе...

— О господи, ты неисправим, — сказала она, явно начав успокаиваться.

— Надеюсь, — сказал он.

В больнице, в кабинете у врача, куда он тоже попал без особых проволочек, Худобин искренне и почти не рисуясь отказался от госпитализации. Его пытались убедить, но он уперся: да нормальное самочувствие! Я же быстро поставил укол. И змея-то была не очень крупная, может, еще детеныш. Только лекарства, какие нужно, выпишите, я все буду принимать, честное слово.

Ладно, вольному воля. Только потом пеняйте на себя. Мы вас предупредили.

Пока заполнялись бумаги, минут пять он просидел в холле спокойно. И вдруг резко почувствовал дурноту. Страшную слабость. И холодный пот покатился буквально в три ручья.

Чуть-чуть еще поупрямившись внутренне, Худобин пристыженно вернулся в кабинет:

— Док, я сдаюсь. Передумал. Что-то мне нехорошо.

Медсестра, ворча, стала оформлять документы.

Он сидел, опустив голову, сложив руки на коленях (джинсы тоже уже все промокли, и плевать), и пытался расслабиться, замереть, как бы закуклиться — так, казалось, сил сохранится больше.

И тут в кабинет зашла его жена. Вид у нее был слегка потерянный, но в то же время решительный, даже воодушевленный. Всю жизнь она боялась за непутевого мужа как-то абстрактно, а тут угроза обрела конкретные черты. И более-менее ясно, что надо делать.

Он кивнул ей и несчастно улыбнулся. Она, поджав губы, покачала головой. А он продолжал держать на лице слабую улыбку.

Скорее всего, подумал Худобин, она скажет, что он сам разрушил свою природную защиту, свой баланс душевного здоровья, иммунитет, ауру, карму или что там еще. И чуть ли не сам приманил к себе ядовитого гада.

Ну и ладно, и пусть скажет.

Зато теперь он знал, что наверняка будет спасен. Несомненно. Так или иначе.

Олег УШАКОВ

ГУЦ И СВЯТОЙ ЧАЙ

Р а с с к а з

Добрые люди называли Гуца дурачком. Он плохо соображал, знал мало слов, а в ответ на вопрос либо улыбался, либо мычал, но делал это так, что собеседники обычно улавливали в его мычании нотки отрицания или согласия.

До тридцати двух лет Гуц жил с мамой, которая каждое утро и каждый вечер, несмотря на погоду и плохое самочувствие, выходила с сыном на долгую прогулку. Выводила мальчика в люди, как она это называла. Мама перезнакомилась почти со всеми соседями по дому и со многими жителями соседних домов. Кто-то мог бы сказать, что тем самым мама пыталась создать для Гуца более-менее благоприятную обстановку, избавив его от насмешек и нападок, но на самом деле она просто любила людей и любила поболтать.

Когда мама умерла, опекуном Гуца стала ее старшая сестра. Тетя переехала в двухкомнатную квартиру Гуцев, а свою однушку сдала парочке студентов, у которых в течение всего года не снимались новогодние гирлянды. Тетя сказала Гуцу, что его мама улетела на небеса и что совсем скоро она тоже улетит туда же, а потом и он, бедный Гуц, последует за ними.

Первое время после похорон Гуц часто ходил туда-сюда по комнате, заламывая руки и тиская мягкую игрушку. Он плохо ел и мало спал, а однажды ночью тетя услышала, как он по-щенячьи поскуливает у себя в кровати. Тетя жалела Гуца, но приласкать его так, как это делала покойная сестра, у нее не получалось. Не получалось даже просто погладить его по голове или обнять — возможно, потому, что она видела перед собой не ребенка, а высоченного, под два метра, мужчину с огромными руками и ногами.

Гуц успокоился, когда тетя начала выводить его в люди по примеру покойной сестры. У тети болели ноги и спина, поэтому их прогулки по району стали короче, что не устраивало Гуца. Он тянул тетю за рукав, она

уговаривала его вернуться домой. Иногда Гуц плакал, как маленький, и после таких истерик он несколько часов подряд не смотрел тете в глаза.

После первого инсульта тетя перестала гулять с Гуцем, а после второго — разрешила ему выходить на улицу в одиночку. Иногда она думала, что если Гуц потеряется или попадет под машину, то, может, оно и к лучшему. За такие мысли она себя корила, но ничего поделать с собой не могла.

* * *

Перед прогулками Гуц заваривал чай. Он делал это особым образом, как научила мама. Насыпая в чайник заварку, мама произносила молитву и желала здоровья родственникам, друзьям, знакомым и всем тем, кто мог нуждаться в ее молитве. Гуц молиться не умел, он просто перебирал в уме всех людей, которых знал или с которыми случайно сталкивался на улице. Мама говорила, что их с Гуцем чай освящен молитвой, а Гуц говорил просто: «Святой чай».

Свой чай он наливал в большой старый термос с выцветшим рисунком. Термос протекал, поэтому Гуц старался нести его аккуратно, чтобы не пролить и не обжечься.

На первую прогулку Гуц выходил около десяти утра. Он громко, значительно громче, чем требовалось, здоровался с пожилой консержкой, которая всегда смотрела телевизор с выключенным звуком.

— Привет, я Шура Гуц, — говорил Гуц.

Раньше мама часто заходила к консержке в каморку, расспрашивала про здоровье, про сериал, про сына, который восемь лет отсидел в тюрьме за наркотики, а после освобождения пил и делал ставки на спорт. Консержка думала, что ей больше повезло с ребенком, чем Гуцевой маме, а мама думала, что все наоборот.

— На! — говорил Гуц консержке, протягивая ей термос.

Консержка послушно отвинчивала крышку-чашку и наливала себе немного чаю, а если по какой-то причине отказывалась от чаепития, то Гуц переставал улыбаться и строил плаксивую мину. Консержка знала, что лучше сделать пару глоточков, даже если не хочется, чем полчаса успокаивать плачущего Гуца.

Гуц ходил примерно по одному и тому же маршруту, встречая по пути примерно одних и тех же людей. Порой он становился свидетелем происшествий, серьезных и не очень. Однажды видел, как скорая помощь забирает пострадавшего с места аварии. На мокром асфальте лежал чей-то ботинок. В другой раз он остановился и с открытым ртом разглядывал целующуюся парочку. Девушка встала на бордюр и обхватила парня за шею. Когда они заметили Гуца, то перестали целоваться и так быстро ушли, что он не успел предложить им чая.

Во время послеобеденной прогулки Гуц иногда встречал дядю Валеру, который сидел в своем такси, слушал радио про политику и щелкал семечки. По шелухе на асфальте всегда можно было понять, что здесь стояла

машина дяди Валеры. Дядя Валера пил гудевский чай, только если ему не надо было куда ехать.

— На! — говорил Гуц, протягивая термос.

— Давай, студент, — отвечал дядя Валера.

Дядя Валера доставал из бардачка бутылку и добавлял в чай виски. Гуц не знал, почему таксист называет его студентом, но ему это нравилось. А еще ему нравилось, что дядя Валера угощал его семечками. Гуц стоял рядом с машиной и слушал радио, где говорили, что в стране все плохо и будет еще хуже, а потом шел дальше.

Каждый день Гуц навещал охранника стоянки, который жил в прицепе-даче и говорил на языке, которого Гуц совсем не понимал. Охранник представлялся Ромой, но друзья, которые вместе с ним курили кальян в прицепе, никогда так его не называли. Рома разрешал Гуцу нажимать на кнопку, поднимающую и опускающую шлагбаум, и за это мама Гуца иногда приносила в прицеп еду. После маминой смерти Гуц не угощал Рому едой, только чаем из термоса, но тот все равно обходился с дурачком по-доброму.

По вечерам Гуц угощал чаем соседа, чье имя он не знал, а спросить не умел. Этот сосед каждый вечер встречал жену с работы.

— Привет, я Шура Гуц, — говорил ему Гуц.

Мама рассказывала, что соседская жена боялась заходить в подъезд одна, потому что много лет назад на нее напали в лифте и что-то плохое с ней сделали. Гуц предлагал соседу чай из термоса, и тот делал один-два глотка, но не из Гудевой кружки-чашки, а из своего пластмассового стаканчика. Он выносил его из дома, так как брезговал. Так мама говорила Гуцу, так оно и было.

* * *

Во дворе одного из домов, мимо которого ежедневно проходил Гуц, кто-то поставил снежные фигуры. Это были не какие-нибудь снеговики или нагромождения снега, отдаленно напоминающие замки. И построили их очевидно не дети. Во дворе дома, на детской площадке, стояли большие, в человеческий рост, детально вылепленные и красивые, как на выставке, фигуры Тигра и Деда Мороза. Рядом с Дедом Морозом лежала шахматная доска — тоже из снега. Снежные фигуры покрывала голубая краска.

Гуц набрел на фигуры в конце февраля, преследуя голубя. Глупый голубь ходил по тротуару, а когда Гуц его спугнул, перелетел на детскую площадку с фигурами. Гуц забыл про голубя и уставился на Тигра и Деда Мороза. Он почти сразу догадался, что они ненастоящие, но долго не решался к ним приблизиться. А вдруг, подумал он, внутри снежных фигур сидят люди, которые выскочат и специально его напугают, как делал бывший тетин муж. Или вдруг они только что покрашены, как иногда красят горки и карусели, а красно-белую ленту еще не успели повесить.

Гуц стоял и кусал губы, пока на детскую площадку не пришла женщина с ребенком в санках.

— Р-р-р, — сказала женщина, показывая малышу Тигра.

— Р-р-р, — повторил малыш.

Женщина предложила ему походить ножками и потрогать Тигра, но малыш отказался. Ему было тепло и уютно в меховом конвертике.

Когда они ушли, Гущ медленно приблизился к фигурам. Он снял варежку и потрогал тигриную морду. В глазницах Тигра чернели большие, с четырьмя дырочками, пуговицы. Одно ухо было отломано.

— Р-р-р, — сказал Гущ полусшепотом.

Он подошел ко второй фигуре. На шее Деда Мороза висела новогодняя гирлянда. Не зная, что за ним наблюдают, как за глупым голубем, он потрогал щеку Деда Мороза. Интерес ради Гущ проткнул щеку, вытащил палец из дырки и посмотрел на него, будто ожидал что-то интересное увидеть.

В этот момент на Гуща напали. Первый снежок попал ему в спину, но Гущ этого не заметил. Второй снежок приземлился рядом, Гущ и на него не обратил внимания. Третий снежок угодил Гущу в локоть, отчего он едва не выронил свой термос с чаем. Гущ обернулся и никого не увидел, посмотрел на серое небо и там тоже никого не увидел. Четвертый снежок попал ему в лицо, закололся, обжег щеки и нос, залез за шиворот. Гущ замычал и принялся вытаскивать снег из-за шиворота. Тут он наконец увидел девочку, которая пряталась за скамейкой. У нее была зеленая шапка и зеленый шарфик.

Гущ не смог сказать ничего лучше, чем:

— Ай-ай-ай!

Так говорила мама, когда отчитывала детей, которые обижали Гуща. Это было давным-давно, когда Гущ еще пытался играть с другими детьми. Раньше маме часто приходилось ругать злых детей и стыдить их матерей.

— Ай-ай-ай! — чуть громче повторил Гущ.

Девочка поднялась с корточек и вышла из-за скамейки, на которой у нее лежало еще несколько заранее приготовленных снежков.

— А потому что не надо трогать фигуры! — сказала девочка, да так уверенно, как могла бы сказать Гущева мама и как он, Гущ, никогда бы не смог.

— М-м-м, — обиженно промычал Гущ.

— Их строили не для того, чтобы вы в них тыкали! А вы тыкаете!

Не дожидаясь ответа, сердитая девочка резко развернулась и пошла в сторону ближайшего дома. Открыла дверь и скрылась в подъезде. Но даже если бы она осталась на детской площадке, то все равно бы не услышала от Гуща ни слова. Гущ пошарил рукой рядом с собой, чтобы найти мамину руку. Там было пусто, и Гущ поспешил домой.

* * *

После встречи с девочкой Гущ плохо спал. Снежная фигура во сне расчесывала Гущу волосы, которых почти не осталось на его голове. Фигура была теплая, мягкая и приятно пахла. Фигура сидела у него в

комнате, а когда он вроде бы проснулся, она показала на изголовье кровати и сказала:

— Одежда там, Шурочка.

Гуц проснулся посреди ночи от холода, и ему стало грустно. Он полпелся в комнату тети и сел на пол возле ее кровати. Кровать узкая и скрипучая, даже мама не разрешала ему ложиться к ней. Тетя похрапывала. Сначала Гуц смотрел на тетину пятку, а потом — на моль, сидевшую на стене.

Никто об этом не знал, но Гуц старался не убивать моль, даже если мама или тетя его об этом просили. Он специально хлопал мимо, а если ему случалось свалить моль на пол, то он поднимал ее за крылышко и относил куда-нибудь на подоконник, разглядывал и мысленно просил глупое насекомое улететь в безопасное место. А еще он давал пойманной моли имена, которые коверкал на свой манер: Моля, Муля, Миля...

Гуц положил голову рядом с тетинной пяткой и заснул.

* * *

Добрые люди называли Гуца дурачком, а злых он обходил стороной. В подземном переходе иногда сидел старик, который играл на аккордеоне. Когда Гуц еще гулял не один, а с мамой, он останавливался около аккордеониста, чтобы послушать музыку и посмотреть, как прохожие бросают мелочь в его картонную коробочку. Ему нравилось заглядывать в коробочку и смотреть, сколько там всего набралось. Но однажды старик назвал Гуца нехорошим словом, сказал, что тот отпугивает клиентов, и прогнал его вместе с мамой. У той никогда не было лишних денег, которые можно было бы бросить в картонную коробочку. С тех пор Гуц боялся идти по подземному переходу, если слышал звуки аккордеона.

В отличие от старика-аккордеониста девочка с зеленой шапкой и зеленым шарфиком его не пугала. Наверное, потому, что она не говорила злых слов. Гуц по-прежнему, следуя своему привычному маршруту, ходил мимо площадки со снежными фигурами. Тигр и Дед Мороз стояли всё так же бездвижно, это значило, что никаких людей внутри фигур не было. На лавочке Гуц часто видел девочку, но подходить к ней не решался, наблюдал за ней издали.

Однажды Гуц стал свидетелем ссоры между девочкой и хозяйкой французского бульдога. Пес подошел к Тигру, понюхал его у основания, повернулся бочком, но не успел задрать лапу, как девочка бросила в него снежок. Бульдог подскочил к хозяйке с поджатым хвостом, а та накинулась на девочку с криками.

— Сколько раз я тебе говорила! Не смей в нас кидаться! Ты хочешь, чтобы мы замерзли и простудились?

— Скажите своему псу, чтобы он не делал это на мои фигуры! — сказала девочка. — Вы думаете, что их для этого построили?! Чтоб на них писали все?

— Мы гуляем здесь и писаем больше пяти лет!

— Я позвоню в полицию, и вас арестуют, — пригрозила девочка.

— Это я позвоню в полицию, нехорошая ты девочка, и тебя отправят в детский дом!

Звонить в полицию женщина не собиралась. Она схватила бульдога и, нашептывая ему утешительные слова, пошла по тропинке. Пса она держала так, чтобы его можно было прикрыть собой от снежков.

Пока женщина и девочка ругались, Гуц в беспокойстве шагал из стороны в сторону. Когда женщина с бульдогом ушла, Гуц двинулся было в сторону девочки. Вдруг она хочет пить, а у него целый термос с собой... Но потом Гуц вспомнил злое лицо девочки и испугался, что она опять будет кидаться в него холодными снежками.

* * *

Гуц встретил девочку в конце февраля, а подружился с ней в середине марта.

Он услышал возбужденные голоса на детской площадке, увидел мельтешение маленьких тел. Мальчишки перебрасывали друг другу зеленую шапку, а девочка пыталась ее отобрать. Они смеялись, а она сначала молчала, а потом стала ругаться, причем довольно изобретательно, отчего Гуц даже вспомнил старика-аккордеониста с его нехорошими словами.

— Ай-ай-ай! — сказал Гуц, когда до него дошло, что дети вовсе не играют.

Его никто не услышал и не мог услышать, потому что он стоял далеко от детей и говорил полупшепотом.

Девочек нельзя обижать, учила мама, девочек нужно защищать. Гуцу хотелось защитить девочку, но он не знал, как это сделать. Да и шумные мальчики его пугали. Они были маленькие, гораздо ниже Гуца, но если бы они втроем встали друг на друга, как акробаты в телевизоре, то стали бы выше него...

Девочка ударила одного из мальчиков по ноге, и тот вскрикнул, а потом бросился на девочку и повалил ее на снег.

— Ай-ай-ай! — повторил Гуц, подойдя к детям.

Он смотрел себе под ноги, боясь встретиться взглядом с кем-то из мальчиков. Одному из них он протянул свой термос и, все так же глядя в истоптанный снег под ногами, сказал:

— На! Чай! На!

Мальчик попятился. Гуц протянул термос другому мальчику, но тот покачал головой.

— Не-а! Спасибочки, не надо! — сказал мальчик таким уверенным и насмешливым тоном, каким у Гуца никогда бы не получилось сказать. А потом мальчик показал другу на лицо Гуца:

— Смотри, у него слюни текут!

— Слюнявый, — подхватил другой мальчик. — Ирка дружит с бомжом!

А внизу, на снегу, кричала девочка:

— Отстань! Да отстань ты!

Мальчик сидел на ней верхом и пихал ей снег в лицо.

— Отстань! Отстаньте вы все!

И тогда Гуц замычал. Он давно, а может, и никогда не мычал так громко, как сейчас. Как будто включили какое-то устройство, что-то механическое, наподобие турбины самолета. Его мычание, казалось, могли слышать жители всех окрестных домов, чьи окна выходили на площадку со снежными фигурами.

— Бомжара! Тупая бомжара! — крикнул один из мальчиков.

Мальчики сбились в кучку и отступили, боясь, что на мычание Гуца сбежится народ.

Девочка вскочила на ноги. Она не морщилась от мычания и ничего такого, она очищала шапку от снега, а ее длинные рыжие волосы блестели на солнце. Гуц только сейчас, когда солнце выглянуло из-за туч, обратил внимание на рыжину ее волос. И его мычание постепенно стало затихать. Он не помнил, какого цвета волосы были у его мамы, возможно, такие же рыжие и такие же длинные. Он точно помнил, что они вкусно пахли шампунем.

Мальчики ушли, а Гуц все смотрел и смотрел на девочку.

— Ты что, и вправду бомж? — спросила девочка.

— Привет, я Шура Гуц, — скороговоркой произнес Гуц, после чего назвал свой адрес.

Гуца хвалили, когда он называл свое имя и адрес, поэтому сейчас он улыбался в ожидании похвалы. Девочка посмотрела на термос, который он прижимал к груди, как ребенка. Гуц проследил за ее взглядом, и улыбка его стала еще шире.

— На! — сказал Гуц, протягивая девочке термос.

— Что это?

— Чай, — объяснил Гуц. — Святой чай.

Термос был старый, не очень чистый, с выцветшим рисунком. Девочка нехотя, чтобы только не обидеть своего рыцаря со слюнявым ртом, отвинтила крышку-чашку и налила себе немного чаю.

Рыжеволосая девочка рассказала, что эти мальчишки, эти дурацкие засранцы, учились с ней в одной школе, лазили по ее Тигру и обязательно сломали бы его, если бы она их не прогнала. Хотя прогнать у нее так и не получилось, потому что их трое и все они засранцы. Еще она сказала, что никогда не плачет, даже когда очень больно или очень обидно. Другие дети плачут даже в старших классах, а из нее за всю жизнь только пара слезинок выкатилась, да и то в глубоком детстве, когда ее характер еще не сформировался.

Из дальнейших слов девочки Гуц мог бы понять, но не понял, что снежные фигуры во время новогодних каникул построила ее бабушка, которая раньше работала в архитектурном бюро. Папа носил ей снег, а бабушка лепила из него Тигра и Деда Мороза. Тигр был просто Тигром, а вот Дед Мороз был копией бабушкиного покойного мужа. Он много пил, много ел и каждый вечер упрашивал ее поиграть в уголки, но проигрывал и обижался. Поэтому рядом с Дедом стояла шахматная доска.

По словам девочки, фигуры привлекали внимание соседей и прохожих. Кто-то из них относился к Тигру и Деду бережно, а кто-то трогал их, залезал на них верхом, выковыривал блестки из тигриного лба. Сумасшедшая тетка с бульдогом писала на него, а как-то раз даже покакала, то есть, конечно, не она сама, а ее сумасшедший пес. Девочке тогда пришлось бежать домой за целлофановым пакетиком, чтобы убрать за собакой, вот же гадость!

Девочка с рыжими волосами села на лавочку, где у нее был постелен капюшон от какой-то куртки, которую давно никто из родных не носил. Гуц сел рядом. Мимо площадки проходили люди, большинство из которых не обращало внимания на снежные фигуры, на девочку и на Гуца.

Гуц не спросил, девочка сама объяснила. Охранять фигуры она стала после того, как бабушка заболела и ее увезли в больницу на скорой. Папа дал фельдшеру пять тысяч, чтобы бабушку увезли в хорошую больницу. Об этом девочка рассказала Гуцу по секрету. Бабушке сделали операцию на сердце, но еще не перевели из реанимации в обычную палату. Девочка пообещала бабушке, что, пока та в больнице, она будет приглядывать за снежными фигурами. За снежным нашим зоопарком, как говорила бабушка.

— Ты не похож на бомжа, — сказала девочка, выпив весь чай из термоса. — Бомжи не ходят с термосом. Если бы ты был совсем уже бомжом, то ты бы не стал гладить Тигра. Ты бы его даже не заметил, потому что у настоящего бомжа много других дел.

Пошел снег. С неба падали крупные хлопья. Гуц снял перчатки и стал хлопать перед собой в ладоши, ловя снежинки.

— Моль, — сказал Гуц.

Он ловил прохладные снежинки, заглядывал в ладоши и смотрел, как испаряется влага на горячей и сухой коже. Девочка сперва просто наблюдала за ним, а потом начала повторять. Гуц улыбался широко, во весь свой рот с белыми зубами. Ему хотелось смеяться, но он сдерживал смех, потому что мама говорила, что он смеется очень громко и это пугает людей.

* * *

С тех пор Гуц и девочка виделись почти каждый день. Они следили за тем, чтобы французский бульдог не мочился на детской площадке, чтобы мальчишки не ломали снежные фигуры, чтобы прохожие, которые фотографировались с Тигром и Дедом, не садились на них и не облакачивались.

Девочка и Гуц придумали поить снежные фигуры чаем из термоса, чтобы они дольше не таяли. У охранника Ромы они выпросили несколько лоскутов оградительной ленты и обнесли ею Тигра и Деда.

— Получилось как будто место преступления, — сказала довольная девочка.

Девочка уговорила Гуца спуститься в подземный переход и кинула в старика-аккордеониста два снежка. Попрошайка обругал их нехорошими

словами, но на этот раз Гуц не расстроился, он смеялся вместе с девочкой, зараженный ее весельем.

Девочка хорошо рисовала. Ее пальцы вечно были в разводах от цветных ручек. Она брала с собой на улицу блокнот и рисовала волшебных зверей из волшебной страны: драконов, единорогов и таких существ, которым сама придумывала названия. Она придумала и его, Гуца, нарисовав длинноногого оленя с кораллами вместо шерсти. У него была широкая улыбка Гуца и узкие глазки.

Когда шел снег, девочка раскрывала зонтик, чтобы бумага не намокла. Она рисовала, а Гуц держал зонтик и чувствовал себя самым нужным человеком на свете. У него никогда не было друга, только мама, тетя, консьержка, дядя Валера и другие добрые люди, которых, как говорила мама, Бог послал ему в помощь. А теперь вот есть эта девочка, которая защищала бабушкины фигуры от всех на свете.

Девочка угощала Гуца сухариками и сладостями. Дома Гуц редко ел что-то вкуснее баранок и сухарей, обсыпанных сахаром, поэтому радовался походам в магазин. Всем кассирам он протягивал свой термос с чаем, но не сильно настаивал на чаепитии.

Бывало, что Гуц вел девочку по своему обычному прогулочному маршруту. Тогда они встречали старых знакомых Гуца, в том числе дядю Валеру. Если дело было вечером, то таксист выпивал коктейль, приготовленный из виски и чая.

— Хороший чай, целебный, — говорил дядя Валера, подмигивая девочке.

— Правда?

— От всех болезней защищает.

В семье девочки никто не пил. Ни папа, ни мама, ни бабушка. Разве что шампанское на Новый год. Девочка не знала, можно ли верить таксисту или нет, но все-таки верила, так как привыкла верить взрослым.

* * *

В один из будних дней, когда родители были на работе, девочка привела Гуца к себе домой. В прихожей он положил куртку и варежки на пол, потому что верхняя одежда на вешалке висела очень чистая и опрятная. Ему не хотелось запачкать мамину и папину одежду.

Большая и светлая квартира девочки напомнила Гуцу магазин, где специальные люди раскладывают продукты по пакетам и куда они с мамой заглянули всего один раз, да и то ничего не купили. Пол в ванной был теплый. Гуц потрогал его рукой, чтобы убедиться, что он действительно теплый.

В бабушкиной комнате тоже было светло и просторно, но пол не подогревался. Повсюду висели картинки, фотографии, иконы и рамочки с засушенными насекомыми. Гуц долго разглядывал огромного жука с натертым до блеска панцирем.

Девочка сказала Гуцу, что после возвращения из больницы бабушка обязательно с ним познакомится. Бабушка приготовит шарлотку, и Гуц съест не меньше трех кусков, пока не объестся, а остатки она наверняка завернет ему с собой. А потом они поиграют с мамой и папой в настольную игру, Гуц будет кидать кость, и она, девочка, научит его так дуть на кость, чтобы как можно чаще выпадала шестерка.

Девочка показала ему свою комнату, книжки, цветные ручки и рисунки, среди которых Гуц увидел снежные фигуры и самого себя в образе кораллового оленя.

— Шура, — сказал Гуц, тыкая пальцем в нарисованного себя.

— Не тыкай.

— Нина, — сказал Гуц, показывая пальцем на девочку, стоящую рядом с оленем.

— Я никакая не Нина, я Ирина.

— Нина, — повторил Гуц, широко, от уха до уха, улыбаясь.

На одном из рисунков девочка изобразила старый термос Гуца, из которого изливалась разноцветная жидкость. Перед термосом выстроилась очередь из волшебных зверей, чьи причудливые тела покрывали раны. Из ран текла кровь, а из глаз животных — слезы.

— Святой чай, — сказал Гуц с серьезным видом. Он все понял. Нарисованные звери пили Гуцев чай, чтобы поправиться.

* * *

А потом на детскую площадку со снежными фигурами пришел папа девочки. Он поздоровался с Гуцем за руку и что-то ему сказал, о чем-то его спросил, но Гуц ничего не понял. Он смотрел на большие папины очки и на большую папину родинку, похожую на ежевику. Она созревала на папиной шее. Папа был приятный, и Гуцу казалось, что все хорошо. Папа увел девочку домой, и она даже толком не успела попрощаться с Гуцем.

На следующий день девочка не пришла на площадку. И через день тоже. Гуц сидел на лавочке один, термос стоял рядом. Мимо проходили люди, и Гуц каждый раз думал, что это идет не чужой человек, а его девочка.

Тигр и Дед стали подтаивать на мартовском солнце. Гуц подносил им кружку-чашку с чаем, но это не помогало. Первыми форму потеряли шахматные фигуры.

На третий или четвертый день девочкиного отсутствия Гуц увидел бабушку. Она села на лавочку и приветливо ему улыбнулась. Гуц решил было, что это та самая бабушка, которая построила Тигра и Деда Мороза, но едва он, по-дурацки широко улыбаясь, предложил ей чай, бабушка как будто испугалась и поспешила уйти с площадки.

Прибегали мальчишки, те самые засранцы, покружили по площадке, покружили, как истребители, и улетели. Самый злой мальчик ударил Тигра ногой и обозвал Гуца нехорошим словом. В боку Тигра осталась рана.

Девочка вернулась, когда снежные фигуры уже почти растаяли. Все это время Гуц приходил на детскую площадку и ждал.

— Привет, я Шура Гуц, — сказал ей Гуц, как будто она могла забыть его.

Девочка рассказала, что папа запретил ей гулять с Гуцем, потому что подумал, будто он не совсем нормальный и опасный. Это, понятное дело, не так, но окна их квартиры выходят на детскую площадку со снежным зоопарком, и папа с мамой обязательно бы увидели ее с Гуцем. Поэтому она так долго, почти целых две огромные недели, не виделась с Гуцем.

— Это бабушке, — сказала девочка, показывая Гуцу пакет. — Там шоколадные кексы, я их сама приготовила. У тебя термос полный?

— Термос, — улыбнулся Гуц, и девочка приняла это за утвердительный ответ.

Ничего ему не объясняя, девочка взяла Гуца за рукав и повела его к дяде Валере. Она попросила таксиста отвезти их к бабушке в больницу и дала ему денег. Дядя Валера сказал, что этого мало, и девочка пообещала ему принести столько, сколько нужно. Главное, чтобы он ничего не говорил родителям. Это сюрприз для бабушки и это секрет от мамы с папой, которые не любили Гуца.

Гуц не спрашивал, куда и зачем они едут, он просто понял, что нужно слушаться девочку, как он слушается всех взрослых. За окном мелькали знакомые Гуцу строения, деревья, исхоженные им вдоль и поперек тротуары. Радиоведущий говорил о политике и много ругался, дядя Валера ругался вместе с ним.

Машина остановилась около больницы, на территории которой стояла часовенка. Пока Гуц неловко напяливал бахилы, девочка подошла к стойке регистрации и переговорила с женщиной в окошке.

Бабушкину палату они нашли на четвертом этаже. Она лежала с двумя другими женщинами — одной молодой, а другой не очень.

Девочка сначала как будто даже не узнала бабушку. Так сильно та похудела. Бледная, с посиневшими губами, немного похожая на одну из своих снежных фигур. Бабушка хотела встать на кровати при виде гостей, но передумала, или ей не хватило на это сил.

Девочка достала из пакета контейнер с подгоревшими кексами и первым делом рассказала бабушке о Гуце, о том, как они охраняют снежный зоопарк, как папа с мамой не разрешают ей гулять с Гуцем и как Гуц всех угощает своим чаем.

— Шура и дядя-таксист говорят, что он... — девочка запнулась, постеснявшись произносить слово «святой», — очень полезный.

— Святой чай, — подтвердил Гуц.

Девочка взяла у Гуца термос и налила бабушке чай.

— Ну как? — спросила девочка, когда бабушка сделала пару глоточков. — Тебе лучше? Немножечко лучше, да?

Бабушка попыталась сделать вид, что ей получше, но получилось не очень убедительно. Тогда девочка попросила ее выпить еще, и она выпила.

Девочка смотрела на бабушку в ожидании чудесного преображения. Наверное, бабушка должна была заметить внутри себя какие-то изменения, удивиться, заулыбаться, вскочить с кровати и крикнуть что-то жизнеутверждающее. Не дождавшись ничего такого, девочка стала показывать бабушке свой блокнот с рисунками и объяснять, кто из ее фантастических зверей кто.

Бабушке было неудобно смотреть на высоченного Гуца, поэтому она велела ему сесть на кровать. Девочка сидела по одну сторону, а Гуц — по другую. Бабушка поблагодарила девочку и Гуца за то, что они оберегали Тигра с Дедом, и пообещала следующей зимой сделать еще фигуры. Если жива буду, добавила бабушка. И если он, Гуц, им поможет, то фигур будет не две-три, а намного больше, и люди из других районов, а может, и городов будут приезжать к ним, чтобы полюбоваться на снежный зоопарк.

Бабушка рассказала, что много лет назад, когда она работала в архитектурном бюро, ей с коллегами пришлось всю неделю работать в офисе. Нужно было сделать что-то важное, о чем потом писали в газете. Они работали днями и ночами, а утром немного спали на полу в спальнях мешках, как в походе. Бабушка до сих пор встречается со своими коллегами, которые тоже давно стали бабушками и дедушками, и они обсуждают ту неделю, проведенную на работе. Бабушка призналась, что иногда она ложится спать дома на полу в память о прошлом.

Девочка видела, что бабушка оживилась, и радовалась. Она хотела налить бабушке еще чаю, но в термосе было пусто.

— Пусто, — сказала девочка, с возмущением глядя на Гуца.

— Пусто, — повторил Гуц, улыбаясь.

— Я же тебя спрашивала, полный термос или не полный! — повысила голос девочка.

Бабушкины соседки по палате посмотрели на них.

— Кому ты дал весь чай, говори давай! — сказала девочка.

— Рома, чай, — сказал Гуц.

— Какой такой Рома еще?

— Рома, — объяснил Гуц, перестав улыбаться и почувствовав себя виноватым.

Бабушка пыталась успокоить внучку. Все хорошо, ей стало лучше, спасибо, Шурочка, спасибо, Иришечка. Если бы в этот момент в палату не зашла медсестра, девочка бы продолжила ругаться. Но пришлось замолчать. Медсестра с порога отчитала Гуца и девочку за то, что они сидят в грязном на кровати и шумят. Она сказала, что бабушка устала и что им пора уходить.

Бабушка скорчила девочке смешную рожицу, мол, вот какая строгая тетя тут командует, и девочка с Гуцем засобирались. На прощание девочка обняла бабушку и поцеловала ее в щеку, а Гуц, который знал, что взрослые не любили с ним обниматься, обнял бабушкины ноги, лежавшие под одеялом.

Около гардероба Гуц долго шарил по карманам. Когда он наконец нашел номерок, девочка выхватила его из рук Гуца и отдала гардеробщику, хотя Гуц сам хотел это сделать. На улице девочка не выдержала.

— Чего ты улыбаешься! — крикнула она.

Гуц почти всегда улыбался, когда был с девочкой, поэтому он не смог ничего ответить.

— Бабушка болеет, а ты улыбаешься, — продолжила девочка. — Я же тебя спрашивала, полный термос или не полный! Надо было бабушке больше чая дать, а не капелюшечку, как птичке какой-то, она же не птичка тебе! Из-за тебя бабушка может не скоро выздороветь! Дурацкий Шура, дурацкий термос!

Она отобрала у Гуца термос и швырнула его в лысые кусты. Гуц заволновался, начал перелезать через ограду, но потерял равновесие и повалился на землю. Снег почти весь растаял, и там было грязно. Лежа на животе, Гуц замычал, турбина включилась и завывала. Прибежал дядя Валера, который дожидался их в машине, и помог Гуцу подняться. Турбина смолкла.

— Ты чего? — сказал дядя Валера девочке. — Он же больной, с ним ласково надо.

Девочка молчала всю дорогу. Гуц смотрел на девочку, надеясь, что она его простит, хотя он понятия не имел, что такого плохого сделал. Девочка говорила, что никогда не плачет. Она не плакала, даже когда мальчик сидел на ней верхом и пытался накормить ее снегом. Но сейчас она плакала, отвернувшись к окну.

Выйдя из машины, девочка направилась в сторону своего подъезда, потом передумала и вернулась к машине.

— Прости, что назвала тебя дурацким, ты не дурацкий, — сказала она Гуцу.

— Прости, — повторил Гуц за девочкой и заулыбался.

— Я вам завтра деньги принесу, хорошо? — сказала девочка таксисту.

— Все нормально, не надо, — сказал дядя Валера.

Гуц пришел домой к обеду. Тетя чувствовала себя неплохо, поэтому сварила гороховый суп и приготовила сухарики в духовке — одно из любимых блюд Гуца. После обеда Гуц смотрел в окно, где далеко-далеко шел дым. Он показал тете на дым, но та его успокоила. Если там что-то серьезное, сказала тетя, то пожарные уже в пути.

На следующее утро перед прогулкой Гуц заварил чай. Он стоял над чайником и, как учила его мама, вспоминал всех людей, которые вспоминались. Мама, тетя, консьержка, дядя Валера, охранник Рома, который не Рома, тетин бывший муж, но не тот, который пугал Гуца, а другой...

Гуц пытался вспомнить всех насекомых, которым дал имя и которых отпустил из жалости. Имен он не помнил, поэтому на ходу придумывал новые: Маса, Муся, Мяся... Он несколько раз подумал о девочке и бабушке. Отдельно подумал о Тигре, Дедe Морозе, о мальчиках с бульдогом и старике с аккордеоном. Он не молился, а просто наблюдал за их смутными образами, проплывающими в сознании. Вот они есть, и пусть они будут.

На детской площадке, где раньше стояли Тигр и Дед Мороз, Гуц нашел рисунок. Он лежал на лавочке под камешком. На рисунке Гуц увидел портрет мужчины с большим ртом и узкими глазами. Такими узкими они стали, потому что мужчина смеялся. Портрет был нарисован не цветными ручками, какие обычно использовала девочка, а простым карандашом. И не было у мужчины ни оленьих рогов, ни термоса с волшебной жидкостью. Это был Гуц, но Гуц этого не знал.

Ольга ДОМРАЧЕВА

ХОЛОДОВЕЙ

* * *

человечка приносят в дом. начинается суета.
четверо улюлюкают — не складывается квартет.
воздух, звуки, запахи — сейчас вода. вода
обволакивает, у-ка-чи-ва-ет.

он пока кочевник из этого мира в тот,
где проклевываются зерна, дают ростки.
с ним кочующий рыжий проныра-кот
об шерстистую мглу коготок вострит.

человечек вздрагивает, тянет ручки, тянется сам
на сладкий привкус, привычный голос, молочный свет.
время капает,
стекает по устам, по кошачьим усам.

человек идет, оставляет след.

оставляет четверых, оставляет дом, оставляя в нем
золотистый локон, из сердца вынутого сверчка.
человек встречает человека, складывает семью и дом.
глядит кота. выгуливает щенка.

по ночам он кочевник из этого мира в тот,
где улюлюкают четверо — нескладный смешной квартет —
как стрекошет в сердце тогда сверчок!
человек вздрагивает, ключ про-во-ра-чи-ва-ет...

из черноты глубины

последний снег сошел незаметно
просто не стало белого цвета
только
холодовой серым
опылил дороги тротуары окна
перед сквозящим ветром
ветки деревьев особенно уязвимы
будто оголенные нервы

но чрево земное полно
вот небо зайдет ливнем
первым
животворящим
раскрывающим реки да речи
пробьются слова ли листочки/росточки
из черноты глубины
из сердец человеческих
всем нам убогим бескожим
станут пологом берестяным
надежным
до холодова до белой точки.

* * *

*Есть Камень-Алатырь.
Он бел-горюч и ярк...
Бальмонт*

утром встаешь с той ли, не той ноги,
пробуешь августа яблочный день на вкус.
и, скороспелой осени вопреки,
в нежный янтарь обращаешь свою тоску.

ветер срывает с яблони слабый лист,
вслед обернешься, а дня уже след простыл.
слышишь, как время сужается в слово «жизнь»,
но у тебя есть собственный алатырь.

горноста́й

1.

отболели на небе царапины птичьих стай.
но живучий, как голод осени, горноста́й.
с каждым днем все шустрее да злее
за тобой он идет по следу —
скудный выбор: прячься ли, убегай.

2.

белый пре-красен, нежен, да тонок свет.
вишня горела, сейчас же ее скелет
за окном телесами снежными обрастает.
лающий ветер. свежий крадется след —
через поребрик времени — горностая.

3.

так:

на ладонях царапины птичьих стай
выгорают, сужаясь со всех сторон.
зависает в воздухе горностай —
ветер потерь — исконное обретай,
через туманность слов, немоту имен.

журавль

курлы-курлы — журавль, березовое тело
закоренело здесь. свобода? птицы врут.
в воде дрожит луна — небесное плацебо —
и высота — внутри, и глубина — вокруг.
напрасные мечты о тридевятих странах —
о них тебе свистел пол-утра соловей.
но гукала сова, зависнув над поляной:
ату его, ату, не верь ему, не верь.
остуду октября ветра взводили в степень.
кричали о морях, прощаясь, журавли.
и ты хотел лететь, скрипел и брякал цепью,
но в сини утонул курлыкающий клин.
вздыхал соседский клен: все правильно и мудро:
крылатым — небеса, а корневым — земля.
но как-то, чуть прозрев, вдруг онемело утро —
осталась только цепь от журавля.

Анна БЕЗУКЛАДНИКОВА

ПА-ПА-ПА-А

Р а с с к а з

К каждому из нас в течение жизни — особенно жизни однообразной, размеренной — иногда приходит внезапное желание что-нибудь изменить. У мамы это желание возникло субботним утром тысяча девятьсот девяностого года.

Сначала, вечером в пятницу, к нам в гости заходит тетя Лена и убеждает маму за долгим чаем, что одной воспитывать пятилетнюю дочь — меня — нехорошо. Надо как-нибудь эту задачу решать. Предпринимать что-то.

Я сижу под кухонным столом и делаю вид, что занята пластилином, а сама слушаю их разговоры, чтобы стать взрослее: запоминаю выражения. Они едят абрикосовый рулет, который тетя Лена привезла из Перми, и ругают нашу жизнь. А я думаю, что нам с мамой и бабушкой втроем живется замечательно, поэтому мамина подруга заслужила в тапочку пластилин.

На следующее утро мама дает мне задание: нарисовать что-нибудь необычное. Я устраиваюсь на бабушкином диване и рисую крокодила Гену. За окном шумит осенний дождь, а по телевизору показывают черно-белые новости. Я смотрю в прыгающий экран и добавляю Гене трибуну с микрофоном, украшенную серпом и молотом. Крокодил получается как бы власть. А под трибуной рисую много круглых Чебурашек. Как бы народ.

«Чебурашками» еще почему-то называются бутылки из-под пива и лимонада. Летом было дело: мы с бабушкой собирали эти бутылки по всей улице и сдавали в пункт приема посуды, где за них давали деньги. Почему-то за зеленую «чебурашку» давали больше, чем за коричневую.

Мама достает из книжного шкафа старый школьный атлас и открывает разноцветную карту нашей страны. Произносит название. У меня его ни выговорить, ни запомнить не получается. Будто бы взяли в рот буквы, прожевали и выплюнули: «Ры-сы-фы-сы-сыр». Мама зажмуривается, водит над картой карандашом — и наугад отмечает точку. Там оказывается город Кострома.

— Это далеко от нас, мам?

— Далековато. Сначала надо доехать до Перми, а оттуда еще сутки на поезде.

Пока мама складывает в конверт исписанные листы и мой рисунок, я вожусь с линейкой и узнаю, что сутки равняются примерно четырем сантиметрам по прямой.

Там, где надо писать адрес получателя письма, мама пишет: «Кострома», а дальше — нашу улицу. Мы живем на улице Ленина, памятник которому стоит на площади и передает мне через бабушку ириски. «Это тебе от дедушки Ильича», — говорит бабушка, когда мы гуляем рядом с ним, и достает из кармана квадратички «Кис-кис». Если повезет, то ириска рассыпается во рту, но чаще всего приходится рассасывать, как карамельку.

— А в этой Костроме разве тоже есть такая улица? — Я начинаю волноваться за рисунок.

— Не знаю... Наверно, она везде есть.

Мама пишет номер нашего дома и номер нашей квартиры.

— А остальное на почте узнаем.

Она запечатывает письмо и идет ставить чайник, а я стараюсь представить себе Кострому, где по нашему адресу стоит такой же, как у нас, дом.

Ответа на письмо мы ждали как первого снега.

В начале октября бабушка, возвращаясь с работы, принесла домой конверт и заставила маму танцевать. Оказалось, что по нашей улице, в доме и квартире с нашими номерами живет какой-то дядя Коля маминого возраста. Он писал, что очень удивился, когда от нас пришло письмо. Дядя Коля даже прислал свою фотографию: худой парень в солдатской форме, похожий на ведущего моей любимой передачи «Спокойной ночи, малыши!». Только моложе. А еще он писал, что ему очень понравились Гена с Чебурашками, и просил отправить еще таких рисунков.

Мама с дядей Колей начали переписываться.

— А что, если тебе пишет какой-нибудь престарелый уголовник? Вы же не виделись! Мало ли мошенников сейчас развелось... — забеспокоилась бабушка, заметив как-то раз, что мама собирается отправить дяде Коле наши фотографии.

Мне тогда подумалось, что уголовник — это тот, кого поставили в угол за плохое поведение (как выяснилось позже, я не сильно ошиблась).

Мама сказала, что дядя Коля отправил ей еще в первых письмах номер телефона, и бабушка решила: надо звонить.

Мы пошли на почту. Там было четыре телефонные кабинки и несколько человек в очереди перед нами. В носу щипало от запаха шоколадного на вид сургуча, которым заклеивали бандероли и посылки. Наконец неприятная женщина прокричала:

— Кострома, кабина вторая, три минуты!

Мама пошла в кабинку разговаривать с дядей Колей, а мы с бабушкой уселись возле огромной батареи: там было тепло и не так сильно воняло сургучом.

Из кабинки мама вышла радостная, и мы с бабушкой поняли, что дядя Коля не уголовник.

А потом мама ходила разговаривать по телефону без нас. Ходила по вечерам — так получалось дешевле. И однажды, вернувшись после разговора, сказала, что они с дядей Колей решили встретиться. Между нашими городами, чтобы каждому было одинаково добираться, — в Кирове.

Когда мама уехала, мы с бабушкой стали вместе ходить на службу. Бабушка была вахтером в Доме культуры. Она сидела за столом и

выдавала ключи от кабинетов разным людям, которые там работали. Бабушку все знали и уважали, и поэтому я могла посещать все детские новогодние утренники и получать от переодетой в Деда Мороза Людмилы Николаевны, директора Дома культуры, по две шоколадные конфеты за одно и то же стихотворение, которое мы с бабушкой сочинили сами:

Я коза-дереза,
У меня кру-у-глые глаза!
Пусть же вам козлийнй год
Много счастья принесет!

В один из вечеров, когда мы с бабушкой уже собираемся домой, в Дом культуры забегает мама. Замерзшая, с красными щеками. За ней, в огромной меховой шапке, заходит такой же замерзший ведущий передачи «Спокойной ночи, малыши!». Только моложе.

— Это мой Коля! — улыбается мама.

— Ну идите домой, — говорит бабушка. — Только в магазин сначала зайдите, купите что-нибудь к столу.

Мы с мамой и дядей Колей идем в «Березку». Мама берет буханку белого хлеба, шпроты и пачку длинных спагетти — их можно есть даже сухими.

— А ты же вафли любишь? — говорит мне дядя Коля и просит продавщицу достать с полки упаковку лимонных вафель.

Расчувствовавшись, я прижимаюсь к дяде Коле и, вдохнув морозный запах его дубленки, почему-то говорю:

— Папа...

Мама оборачивается и смотрит на меня так, будто произошло что-то важное.

— Па-па-па-а, — на всякий случай быстро допеваю я. — Просто песенка такая.

И мы идем домой, любуясь, как в окнах трехэтажек уютно и радостно мигают гирлянды, а я думаю о том, какое хорошее слово «папа» — теплое и мягкое, как баранка, подмоченная в сладком чае.

Старый год заканчивается под прыгающие телевизионные передачи. Пока дядя Коля в новогодней мишуре настраивает антенну, мама бежит за кошкой: та опять стащила с елки «дождик» и пытается его сожрать.

Бабушка готовит вкусно. Я ем тушеную картошку с куриной ножкой и зеленым горошком, а наевшись, забираю с собой в постель мандарин.

Мама с дядей Колей устраиваются за столом, а бабушка — на диване. Они смотрят в телевизор, экран которого больше не прыгает, а потом звенят бокалами: пока где-то под столом кошку тошнит «дождиком», в нашем городе, на нашей улице, в нашей квартире наступил Новый год.

Взрослые радуются и не хотят ложиться спать. Бабушка доедает куриные ножки, а дядя Коля обнимает маму.

— Па-па-па-а, — пою я им и засыпаю с мандариновой долькой в руке.

Олег ЛУЗАНОВ

ПОРТОК

Р а с с к а з

Никогда бы Вовка не подошел к деду Портку близко по своей воле и уж тем более не стал бы с ним заговаривать. Побаивался. Да и деду до соседского пацана особого дела не было: бегают мимо, и ладно. А ведь случился-таки у них разговор. Да еще какой — очень многое прояснил. Во всяком случае, для Вовки.

Вовка Рокотов — школьник, окончил седьмой класс. После того как завершились занятия в школе, он напросился штурвальным к отцу, в бригаду комбайнеров. Семья у Вовки большая, не слишком обеспеченная, и лишняя копейка всегда к месту, вот паренек себе на новый костюм к школе и зарабатывал — вытянулся за год, из старого давно вырос. Учебный год оканчивал в брюках, которые едва щиколотки прикрывали. Не то чтобы товарищи дразнили, многие так же лодыжками светили, но хотелось выглядеть более... даже не модно, а прилично — не чучелом.

Не сказать, что от подростка в бригаде большая польза, но отнеслись к желанию потрудиться одобрительно.

— Пусть узнает, как хлеб достается, — вынес вердикт бригадир Федор Васильевич, солидный обстоятельный мужчина из бывших танкистов, но если судить по походке — истинный кавалерист: загребал дорожную пыль чуть искривленными ногами в неизменных кирзачах. Без шутки сказал, что-то свое кумекал, и записал в совхозную мехбригаду на время уборочной.

Вот Вовка и приспособился на комбайне позади отца по полю раскатывать — семейным экипажем. Громыхали шестернями и гибкими приводами над колыхавшимися на ветру зерновыми, оставляя за собой четкий след, будто корабль через волны плыл. Даже пыльное облако вокруг можно было представить клубами дыма из паровой трубы — весело, романтика. Иной раз бывало, что Рокотовы на трактор пересаживались, по ситуации, — тогда Вовкино место на прицепе. А задачи его — подать, поддержать, солому с жатки или валов снять, ну и сгонять куда-нибудь по поручению. Под хорошее настроение Рокотов-старший разрешал сыну самостоятельно поручить, сидя в кабине, — учил, передавал опыт.

Зарядили дожди. По раскисшему чернозему в поле не то что на комбайне, даже на тракторе делать нечего — только технику гробить, поэтому вся бригада вынужденно сидела под навесом на мехдворе. Мужики курили и байки травили. Вовка раньше уже курить пробовал, так что тоже папиросу по-тихому ухватил и пыхтел дымом, будто взрослый мужик, правда в стороне от всех, и горящую сигарку в кулаке все же припрятывал — мало ли, вдруг отец заметит. Рука у Рокотова-старшего что доска — жесткая, приложит — мало не покажется. Удача или нет, но отец ушел в сторону кузницы — железяку какую-то сварганить, пока в основной работе простой. Вроде бы можно расслабиться, понаглеть немного, однако Вовка все равно опасался: под навесом десятка полтора других взрослых сидели, тоже могли леца отпустить для профилактики, чтобы не торопился с детством прощаться. Побайвался Вовка, но тем не менее пыхал папиросой — так он сам себе взрослее казался.

Разговор у мужиков, с одного на другое, перешел на деда Портока. Механизаторы, лишь бы время занять, пока погода не наладится, начали вспоминать, что слышали, домысливать, чего не знали, и пересказывать деревенские слухи о малопонятном и загадочном старике. Деда, конечно же, многие знали лично — фигура известная, — и всяк норовил свое слово вставить. От безделья чем только не займешься, а тут благодатная тема, было о чем языком почесать. Вовка наострил уши: интересно же узнать новое про соседа. Дом старика стоял на той же улице, где Рокотовы жили, совсем недалеко.

Дед Порток хоть сам уже в возрасте, а в их деревне проживал недавно — приехал в старый дом своих родителей откуда-то издалека. Для начала нанял бригаду строителей, которые в избе сноровисто починили и поправили, где нужно, и живет теперь дедок в отремонтированном доме бирюком. Дед был чудной: в начальство не лез, новости ни с кем не обсуждал, если и работал, то больше на подсобке, помощником, или один куда-нибудь подряжался. Говорили, что у него имеется от государства хорошая пенсия и он мог бы вообще не работать, а дело себе берет, чтобы не закостенеть сидючи.

Про него чего только не рассказывали: и что он три войны прошел и настоящий герой, и что контуженый, и что в сумасшедшем доме долго лечился, и даже что почти глухой, потому и неразговорчивый... Много разных версий, какая из них правда — никто не знал, но в одном сходились: много лет назад его из деревни в армию призвали и с тех пор Порток дома не показывался, лишь теперь появился, пенсионером. Хмурый, необщительный. Дружбу заводить ни с кем не стремился. Повадки не крестьянские, видно, что в земле давно не ковырялся. Говорили, любит книжки и газеты читать, что для обычного селянина считалось дуростью: чего страницами без пользы шелестеть? Хозяйства дед не держал и, закончив свой наряд, не торопясь прогуливался по улице или, когда было время, ходил к лесу, к реке, а то и просто сидел на лавке у ворот и о чем-то своем думал, провожая идущих мимо цепким взглядом и молча кивая в ответ на приветствия.

— Кобыла его лягнула промеж глаз, не иначе, — судачили сельские мужики. — Даже на праздники не выпивает.

— Блаженный, — сочувствовали бабы, — без хозяйки мается.

Мишка Ушаков, который был в деревне знаменит тем, что сначала два года отслужил в армии, а не успел дембель отпраздновать — повторно убыл на два года: сидеть за кражу из сельпо, — теперь цыкал через зубы и, кривясь, делился с односельчанами:

— Вот чую, что бывалый он! Где сидел, не знаю, но точно парашу нюхал. Сторожкий он, опасливый. Был, был под хозяином, хотя не блатной. Можя, вертухай... — и пожимал плечами в сомнениях.

— Живет себе, и ладно. У нас к нему вопросов нет, — говорил участковый, вечный старший лейтенант Дим Димыч, когда его поначалу донимали вопросами о странном соседе.

Участковому на пенсию скоро, седой уже, а все капитана никак не получит. В деревне иногда вспоминали историю, когда сослуживцы, а затем и соседи при встрече весело поздравляли Дим Димыча с юбилеем, хотя возраст его на тот момент не подпадал под юбилейный; чуть позже выяснилось, что поздравления связаны с получением участковым от начальства десятого выговора подряд. О молчаливом старике Дим Димыч никакими сведениями с односельчанами не делился: не знал или команду такую получил. Отсутствие пояснений дало еще больше поводов к различным домыслам — что за тайны такие, которые даже милиция покрывает?

Из-за множества услышанных противоречивых и надуманных характеристик дед Портком для Вовки был фигурой таинственной. А как все загадочное и непонятное, вызывал, помимо повышенного интереса, еще и некоторую опаску: кто знает, чего от старика ожидать, вдруг накричит или стеганет, к примеру, хворостиной по спине. За что сосед мог ожечь прутом пацана, про то много додумывать не приходилось — причин сколько угодно. Вовка на месте не сидел: то в одно место залезет, то в другое прокрадется, а то через огород путь срежет и ягоду-другую с ветки прихватит...

— Кто знает, почему его Портком кличут? — спросил Василий Макеев, невысокий, пузатый и почти лысый дедок за пятьдесят лет, которого все в деревне за легкость характера называли просто Макей (более молодые могли добавить «дядька»). — Он же Кашарный, кажись.

Из присутствующих Макей по возрасту к Портку, пожалуй, был ближе всех, но сам Василий пришлый, откуда-то из Орловской области, женился недавно на местной вдове тетке Зине и живет теперь в примаках, так что смолоду дедкам познакомиться не довелось.

— Они ведь почему Портки, — поскреб щетину звеньевой Кузьма Сергеевич, сорокалетний мужик с заскорузлой от постоянного нахождения на ветру кожей лица. — Так-то да, Кашарные они. А Портком... Это все от его деда.

— Ну-ка, ну-ка! — Вся бригада наострилась слушать очередную байку.

Кто-то прикурил новую беломорину, кто-то разминал в пальцах «приму», а кто-то, наоборот, выбросил окурочок и разогнал рукой дым перед собой, чтобы не мешал видеть рассказчика. Вовка тоже притоптал свой чинарик и пересел ближе.

А звеньевой, увидев, что народ готов внимать, устроился поудобнее, погонял во рту потухшую папиросу, но заново раскуривать ее не стал — ловко отщелкнул метра на три точно в лужу и начал рассказ:

— История эта давняя. Еще мой дед совсем пацаном был, так оно в те времена случилось. Затеял тогда старый Кашарный сына женить...

— Это который старый? Нашему Портюку отец или дед? — уточнил Макей.

— Дед, думаю. Может, и прадед. Не знаю точно. Говорю же, мне мой дед рассказывал, а он тогда вот таким еще бегал, — звеньевой провел рукой в районе колена.

— Поди, до революции дело было, да? — прищуриваясь левым глазом от едкого дыма, вставил Семен, огненно-рыжий детина с наколотым на предплечье синим якорем с завивами канатов на фоне хвостатой фигуры, в которой при желании можно было опознать русалку. И тут же уточнил: — Я так прикидываю, лет семьдесят назад это случилось.

— Может, и семьдесят, а может, и больше, — отмахнулся звеньевой и продолжил: — Так вот. Жили в нашей деревне тогда небогато — да что там, худо жили, бедно, — и многие парни чуть не до самой свадьбы бегали летом без штанов...

— Как это? — разом спросили несколько слушателей.

Вовка хихикнул про себя: без штанов, смехота! Он напрягся, чтобы не прыснуть: втянул голову в плечи, надул щеки и одновременно растянул губы в улыбке, из-за чего лицо приобрело забавное выражение. И взрослые рядом тоже с трудом сдерживались. Кто-то все же хохотнул, кто-то просто заулыбался.

— Не, ну не совсем голыми, конечно. — Кузьма с укоризной нахмурился на паренька, но, поняв, что сам неточно выразился, пояснил: — Пацанята малые, понятно, голозадые, однако в рубашонках. Ну, которые побольше — это другой разговор. Носили порты, что от старших остались, — латка на латке. Рванье, одно слово. Срамота, а не одежда. Когда по месту, по двору крутануться, то и рванину не поддевали — в рубахе выскочили, и ладно. Вот и считай, что почти все без штанов. Приличные штаны надевались лишь на выход, по праздникам. Берегли, значит, потому как одежда дорого стоила. И обувь только по холоду натягивали. Так-то босые все больше.

Объяснение всех удовлетворило, и народ одобрительно закивал, зная, что их собственные деды-бабки тоже частенько имели одну пару сапог на двоих и в одежде не особый выбор.

— Дед говорил, — продолжал Кузьма, — что жениха и сватов обряжали по полной программе. Сватовство и смотрины — это и сейчас о-го-го какое событие, а в те времена и подавно. Женидьба, понимать

надо. И Портку по тому случаю новые штаны прикупили. Зевак у двора собралось — чуть не полдеревни. А когда уже совсем выезжать, молодой Кашарный...

— Как звали-то его? — неожиданно влез с вопросом Макей.

Звеньевой пожал плечом:

— Не помню. Дед говорил, да я как-то мимо ушей... Фамилию, ясное дело, помню, а так... Врать не хочу. Порток и Порток.

— У стариков можно поспросить, ежели интерес есть, — задумчиво скривил физиономию Семен, уже прикидывая, к кому из пожилых сельчан можно подойти за разъяснениями.

Звеньевой, соглашаясь, ткнул в его сторону пальцем.

Слушатели зашикали на Макея и Семена:

— Не сбивайте, что вы лезете!

Кузьма утихомирил шумящих поднятой ладонью и продолжил:

— Примерил, значит, наш жених штанцы. Новые — что ты, муха не сидела! И рубаха тоже новая, с пояском, — все честь по чести, жених все же, не абы куда. Однако на дорожку решил до ветру сходить.

— Это правильно, — подмигнул неугомонный Макей. — На дорожку — святое дело!

— Ага, — поддакнул, усмехаясь, Мишка, — чтобы потом от основного занятия не отвлекаться.

На весельчаков снова зашикали, а рассказчик, не обращая особого внимания на помеху, кивнул и выдал главное:

— Он, Кашарный-то молодой, штаны свои новые, чтобы не запачкать, снял и на гвоздик рядом повесил. А когда дела сделал, заторопился ехать, рубаху оправил — и все, забыл про портки. Не привык, или уж очень не терпелось, поди, молодуху свою увидеть. Так и пошел. А пофорсить перед соседями хотелось же, про то женишок соображал. Так вот, значит, он... такое дело... — Кузьма выдерживал паузы, как заправский актер, — чтобы поразить соседей... похвастать новыми штанами... на улице рубаху-то и задрал. А портов-то тютти...

Здесь звеньевой не поленился изобразить пантомиму: «Смотри, честной народ, на обнову, какая красивая! Ох! Ах! Где мои штанишки?» — отчего слушатели так и грохнули смехом. Многие хохотали, схватившись за живот, некоторые сползли с лавочек на землю... Вовка тоже смеялся от всей души, еле на лавке удержался: хохма, что и говорить, — жених принародно заголился. Смешно было не столько оттого, что парень оказался без штанов, а оттого, как это изобразил звеньевой. Дяде Кузе бы в самодеятельности в клубе выступать: и позу выбрал, и походку передал, и лицом показал сначала независимость и гордость, а потом растерянность и испуг — все в цвет. Да еще и второй раз повторил, чем вызвал новый взрыв хохота. А в конце, когда смех немного утих, звеньевой, довольный произведенным эффектом, подвел итог:

— Вот так Кашарный и стал зваться Порток. И всех других после их семье тоже стали кликать по предку — Портки.

Дождь зарядил надолго. Во всю ширь неба низко висели серые, набрякшие влагой облака — ни одного просвета. Темно-серое неторопливо клубящееся сменялось густо-синим медленно ползущим. И так сколько хватало взгляда. Небо прохудилось по-настоящему. Эффект был такой, словно оно местами расколосось. Непогода показывала все свои тайные заготовки: и отвесные струи, за которыми на десять шагов ничего не видно, и косо́й ливень, от которого и под навесом не спрятаться, и шквалы, когда дождь накатывал волнами, словно небо стало бушующим морем. Сырость, хмарь, мокре́нь — не понять, готов дождь закончиться или, напротив, настроен усилиться. Все сопровождалось вспышками молний: отдельными проблесками и несколькими кряду, и тут же раскатисто добавлял свой голос гром — ближе, дальше, коротко или протяжно... При постоянно меняющемся по силе и направлению ветре ливень куролесил, хвастал мощью, блажил; тучи почти касались крыш.

Работы не предвиделось, и бригаду распустили по домам. Вовка отца ждать не стал, натянул на голову старую спецовку и короткими перебежками поскакал по деревенской улице, стараясь не угодить в глубокую колею и не шлепнуться в лужу.

Возможно, в другое бы время Вовка и добежал быстрее до дома, но не в этот раз. Скорость совсем не та, что обычно: какой может быть бег по грязевой каше, которая так и норовит «обрадовать» холодными и склизкими объятиями. Парнишка как раз прижался к стене сарая, прячась от очередного шквала, — и вовремя. Совсем рядом молния вонзилась — как показалось Вовке, чуть ли не в него, — вспышка ослепительно-больно резанула по глазам. Мгновенно, без паузы, грохотнуло по ушам, да еще как! Такого выворачивающего наизнанку звука Вовке раньше слышать не приходилось. Наверное, так взрывается крупный снаряд, рвущий барабанные перепонки и огненной яростью выбрасывающий в небо тонны исковерканной земли. Вовка зажмурился, вжался в стену и закрыл руками уши. Но даже через шум грозы ему показалось, что он услышал слабый крик — короткий зов о помощи.

Когда он открыл глаза, тут же заметил во дворе коровника, за редкой загородкой, лежащего на земле человека. «Поскользнулся, сейчас встанет», — подумал школьник.

Дождило немилосердно, а человек все не вставал. Не раздумывая долго, Вовка в десяток прыжков подскочил к упавшему. Попробовал поднять, но безрезультатно. И тут он узнал деда Портка. Старик сам встать и не пытался, был очень бледен и смотрел рассредоточенным, блуждающим взглядом.

«Молнией его шарахнуло, что ли?» — предположил Вовка.

Он ухватил старика за фуфайку и рывками, напрягаясь и с горловым хрипом, потянул его из-под дождя под крышу близкого коровника. Несколько метров сопения и скольжения по грязи — и вот уже дождь не достает, можно передохнуть. А какой тут отдых, когда рядом еле живой

человек? Что делать в такой ситуации, Вовка толком не знал. Ясно было одно — нужно звать на помощь.

Парнишка огляделся — рядом других людей не видно, лишь несколько буренок разглядывали его из сумрака коровника, перевесив головы через загородки.

— Есть тут кто? — все же крикнул.

Но ответа не получил.

Вовка выглянул на улицу. Бежать за подмогой — но куда? Здесь ждать — так по этой погоде рядом никто не пройдет... Как быть? В голове было пусто. Однако сообразил нагрести сена, чтобы уложить Портка удобнее, голову ему чуть приподнять. На дворе бешено плясал дождь, а Вовка стоял возле старика и нервно переминался.

Прошло несколько минут, и дед наконец посмотрел на пацана. Вымученно, но осмысленно. Губы его зашевелились. Вовка наклонился ниже.

— Ноомао, обойся... — разобрал он слабый шепот.

«Нормально, обойдется», — понял парень и обрадовался. Значит, дед в сознании.

И действительно, бледность на лице старика уменьшилась. Портюк начал шевелиться, улегся удобнее, сам ослабил давящий воротник, а вскоре глубоко вздохнул и приподнялся, опираясь на локоть.

— Кажись, отпустило... — подмигнул дед своему спасителю. — Помоги подняться, что ль... Чурбачок какой принеси, присяду. Что я тут, как глиста какая, растянулся.

Старик уместился на чурбаке и закрыл глаза, откинувшись на загородку стойла, — устал от такого небольшого напряжения. В стойле испуганно таращила глаза пестрая корова. Может быть, чуяла, что совсем рядом чья-то душа чуть не покинула тело, вот и беспокоилась, тянулась широким мокрым носом к проходу, но не решалась выглянуть.

Вовка стоял у дверей и все поглядывал на улицу, хотя и так было понятно, что дождь продолжается. Изредка он взглядывал на отдыхающего деда, но окликнуть его не решался. Как к старику обратиться, Вовка не знал, не называть же его уличным прозвищем.

Пострадавший больше не был бледен, сидел уверенно и дышал ровно. Через некоторое время он сказал:

— Хорошо, что ты рядом оказался. Может, конечно, я и сам бы очухался, но в луже лежать как-то... Под крышей всяко лучше. А? Что думаешь?

Вовка только молча кивнул, соглашаясь.

— Ты как тут очутился, спаситель? — продолжал допытываться дед.

Тут уж не отмолчишься, вопрос прямой, и Вовка, чуть сбиваясь, рассказал, что помогает отцу, но сегодня с работы отпустили по причине дождя.

— Тебя ведь Вовкой кличут? — Старик почему-то усмехнулся.

— Вовкой, — подтвердил паренек. — Мы от вашего дома к околице чуть дальше...

— Да знаю я. Я тоже Вовка, — подмигнул дед и после паузы сказал: — Раньше был Вовкой. Сейчас-то Владимир Егорович.

Вовка снова молча кивнул, подтверждая, что усвоил. Он, вообще-то, ожидал, что разговорившийся старик скажет, мол, можешь называть меня «дед Вова», как это было принято в деревне, но тот остался при имени-отчестве, чем подтвердил слух, что он не «от земли» и живет по другим правилам. Так и подмывало начать расспрашивать, раз так удачно ситуация повернулась, но Вовка не знал, с чего начать.

Владимир Егорович заговорил сам:

— Крепко меня сегодня прихватило. Такого еще не было. Бывало, что торкнет чуть-чуть и отпустит, а вот так, чтобы завалиться, — это первый раз. Видать, сдает мой механизм. — И старик постучал большим пальцем себе в центр груди.

— Гроза сильная, молнии... — начал пояснять Вовка и указал на улицу, где дождь чуть утих, но все еще пузырил лужи.

— Да ладно, что я, под грозой не бывал? И не в такие попадал переделки. Нет, дружок, сдает машинка-то. Недолго мне уже...

Вовка с опаской взглянул в лицо собеседника. Но дед был спокоен: он просто оценивал ситуацию и давал ей характеристику.

— Сигнальчики давно были. Но не прислушивался. Перетерплю, отдохну — и снова огурцом. Однако вечного ничего нет, тут уж ничего не поделать.

— Да вы еще крепкий, — постарался подбодрить школьник ветерана.

— Крепкий, крепкий... Был крепкий. Такие дела делал! — Дед сжал кулак, мол, вот она — сила, и протянул: — Да-а, было времечко...

— А вы воевали? — решился Вовка.

— Всяко бывало, — неопределенно ответил старик.

Разговор не клеился. Вскоре Владимир Егорович окончательно пришел в себя. И дождь к этому времени почти стих.

* * *

— Пойдем-ка, сынок, потихонечку, пока не сильно льет, — подтолкнул старик Вовку.

Аккуратно добрались до дома деда Портюка. Осторожно шли, темп задавал хозяин, а Вовка шел рядом в роли опоры. На крыльце деду снова стало нехорошо, он побледнел. С Вовкиной поддержкой с трудом добрались до кровати... Обычная изба, разве что почти пустая, взгляду было не на чем задержаться: стол, два стула, на тумбочке в углу телевизор, у двери табурет, на котором стояло ведро. Застиранные занавески на окнах, потертая этажерка с полусотней книг и несколькими журналами, ближе к кухне древний платяной шкаф, но теплая одежда висела вдоль по стене на гвоздях... Очень скромно все.

— Я позову кого-нибудь, — сунулся на выход Вовка.

— Погоди, — остановил старик и указал на стул. — Побудь тут. Включи вон говорилку. Кино, может, какое покажет или мультики.

Вовка нажал кнопку на телевизоре и присел на ближайший стул. На экране сильно рябило, по изображению проскакивали широкие полосы, но картинка все же различалась. Показывали военную хронику. Со звуком, правда, почему-то не ладилось: больше треск, хрипы и лишь иногда пробивался голос диктора. Дед лежал, закрыв глаза, и растирал себе грудь. Сколько еще так сидеть, Вовка не знал. Да и что толку? Лучше бы сбежал за помощью.

Но когда кадры боев сменились записью Парада Победы, Владимир Егорович закашлялся.

— Слушай, — негромко и с остановками заговорил он. — Я долго это в себе носил, но чую, что время рассказать. А то могу не успеть. Может, оттого, что молчал, и сердце прихватывает. Она ведь давит, чужая тайна... Ты здесь, Вовка?

— Тут я.

Старик повернул голову и прищурился на телевизор:

— Вон видишь там? Жуков, Сталин, Берия...

— Конечно, вижу, — подтвердил Вовка, нетерпеливо ерзая на стуле: сейчас нужнее за врачом сбежать, чем телепередачи обсуждать. — Я это раньше уже смотрел, как знамена бросают.

— Я их всех вот как тебя видел.

От такого у Вовки перехватило дыхание и спазм подкатил к горлу. Сглотнуть бы или кашлянуть, но парнишка сдержался, пересел ближе к кровати и выжидательно уставился на старика — стало интересно.

— Служил я в органах, было дело, — негромко делился деревенский молчун. — Не скажу, что имел большой чин, но и не рядовым ходил. Вот этих, — Владимир Егорович чуть дернул подбородком, указывая на телевизор, — почти каждый день встречал. Разные дела делал. О том говорить не буду. Но одну историю тебе расскажу. Теперь уже можно.

— Какою? — хлопал глазами школьник.

— Как Берию прибрали.

— Его лично маршал Жуков арестовал. А потом его судили за предательство, — выдал Вовка как само собой разумеющееся.

Старик скривил щеку, цыкнул скептически и покачал головой:

— Никто его не судил.

— Нам рассказывали... — начал паренек.

— Это политика, — вздохнул Порток, — нельзя было по-другому говорить. Рассказывали, чтобы народу было понятно. А на самом деле не так случилось.

— А как?

Дед снова закашлялся, несколько раз вздохнул широко открытым ртом, полежал немного молча — собирался с мыслями или с силами — и почти прошептал:

— Убили его. Я и убил.

Вовка отшатнулся — вот так новость! А старик, похоже, решил рассказать свою историю до конца.

— Я тогда у Жукова служил в охране. У Георгия Константиныча. Крутой он был, могучий. Заваруха намечалась нешуточная, поэтому

готовились заранее. Сильно опасались, что Берия прознает. Маршал никому особо не доверял, лишь несколько человек были в курсе. Вот он мне и поручил вместе с ним ехать. Маршал с верными генералами должен был идти, да только он, старый лис, решил подстраховаться. Ты, говорит мне, тоже генеральскую форму надень. Скажу, что ты из Зауралья недавно переведен, потому и незнаком другим. Стой, говорит, сзади всех, чтобы все видеть и контролировать. И задача твоя одна: не дать Берии живым уйти. И если его кто поддержит — им тоже. Чуть заметишь, что не в нашу пользу дело, стреляй, сколько есть патронов. Любого вали, кто бы ни был. Ничто, мол, не должно помешать задаче выполнить. Даже, говорит, если Лаврентий мною закроется, пали насквозь, лишь бы его прикончить.

Вовка слушал затаив дыхание.

— Перетрухнули тогда, я тебе скажу, все. Такую кашу заварили... На что уж Хрущев калач тертый, и того колотило. А Георгий Константинович сопли не размазывал, сразу Берию прижал, лично, тот и не понял, что случилось. Лаврентий от Никиты главных слов ожидал, да и вообще, похоже, думал, что сначала говорильня будет. Развалясь сидел. А когда сообразил и хотел дернуться — уже поздно, Жуков навалился и другие тоже, спеленали и рот заткнули... Что ты головой киваешь, думаешь, я тебе из учебника пересказываю?

Владимир Егорович снисходительно посмотрел на юного слушателя. Вовка перестал кивать. Старик продолжил:

— Никто Берию судить и не собирался. Мы его, как только из кабинета вывели, сразу на ковер в приемной повалили. Вот тут я его и стрельнул, в сердце и потом в затылок. А после в этом же ковре и унесли. Просто всё. Пришли и сделали. Нас вместе с маршалом всего четверо было. Другие в кабинете оставались и тряслись. Никто никому не доверял — до последнего ждали предательства, на других косились. Хрущев хоть и считался за главного, но тоже зубами стучал: ведь и его могли так же, в одну минуту порешить. Это потом целый спектакль в газетах обрисовали...

Старик хотел еще что-то сказать, но силы его оставили, и он откинулся на подушку. Вовка подождал немного и, не заметив шевеления, решил все же бежать за помощью. Выскочил из дома и, оскальзываясь на раскисшей глине, поспешил к правлению.

* * *

Владимира Егоровича Кашарного увезли в районную больницу.

Вовка долго никому не пересказывал услышанную от старика историю: почему-то ему казалось, что все, что он узнал, — это большая тайна. Ведь как все раньше было ясно: решили, арестовали, допросили, судили и потом уж... По закону. А так получается, что пристрелили Берию из обычного страха, как бы он не опередил. Не вязались у Вовки концы с концами, непонятно ему было, как это — убить на всякий случай. Что ж

они там, не люди? И так крутил ситуацию, и по-другому поворачивал... Однако, когда пришло известие, что Кашарный в деревню уже не вернется, решил рассказать услышанное отцу.

Рокотов-старший выслушал сына, не перебивая, хотя Вовка в своем рассказе перескакивал с пятого на десятое, и затем, подумав, сказал:

— Какая теперь разница? Оно, конечно, в прежние времена разных дел натворили, и не всеми можно гордиться. Только кто ее, правду, точно знает... А если и знают, то разве расскажут, чтобы без вранья.

— А как же дед Кашарный — тоже врал? — Вовка не хотел называть старика, связанного теперь в его сознании с одним из ключевых моментов в истории страны, уличным прозвищем.

— Не знаю, — пожал плечами отец. — Теперь любой может всякого наговорить, когда переспросить не у кого. Тут на каждые два чужих крика клади три своих кукареку. Но и так могло быть.

Вовка не понял, верит ли отец рассказу Кашарного или склоняется к официальной версии, где все по закону: где Хрущев выступал обличителем предателя Родины, где Жуков арестовал и привез Берия в камеру, где был законный приговор и прочее, прочее, прочее...

И еще парнишка раздумывал о том, почему именно ему неразговорчивый и таинственный дед рассказал свою историю. Долго соображал. В конце концов успокоился тем, что это было как исповедь неверующего, чтобы перед смертью очистить-таки откровением душу на всякий случай. Дед ведь до последнего тянул, и это лишь случайность, что кто-то вообще в его последние часы оказался рядом.

Дом Кашарных через год полностью разобрали: никто в нем жить не собирался. И прозвище Порток в деревне больше никто не носил, потому что у Владимира Егоровича детей не было, братьев-сестер тоже не нашлось, а дальние родственники еще раньше куда-то потерялись. Некому оказалось наследство принимать.

Анна АРКАНИНА

ГДЕ МЕРЗНЕТ ЖИВАЯ ВОДА

* * *

Огибаешь местность — пустырь, кабак,
прорастаешь вглубь ледяной травой.
Понимаешь: вера твоя табак
под дождем осенним, густой листвою.

Все, что было, — в общем-то, не твое.
Все, что будет, — есть ли оно вообще?
Ты — трава, иллюзия, почтальон
на прогулке в белом своем плаще.

Носишь новости: вот вам пришло письмо.
А в письме неразборчиво что-то там.
Вроде даже приходит письмо само.
Да и плащ твой шастает тоже сам.

Был бы вывод, но вывода тоже нет,
да и фиг с ним — просто махнешь рукой.
Но в конце тоннеля включили свет —
невозможный, ласковый, золотой.

* * *

Леска памяти крутится, длится.
Подсекаешь — была не была.
Только окунь — блестящая птица,
чешуя от крыла до крыла.
Если выудишь — знай, все пропало,
все ушло, все заилилось так!
Все, что пело, плескалось, ласкало,
все, что помнишь зачем-то, дурак.

Воздух ртом бесполезно хватаешь
и глядишь неотрывно в закат.
Ничего не вернется, товарищ.
Ничего не простится, камрад.
Так смотри же в глаза окуненку —
там вселенской печали плотва.
Дайте рифму ребенку, котенку,
дайте вспомнить, зачем мне слова.

* * *

там где осень проходит где мерзнет живая вода
по черному краю серебряных зябнущих лужиц
я такая как все я сегодня такая одна
незнакомка река полудрема зевающих улиц

обернусь посмотреть обернулся ль скучающий клен
Лена Людочка Настя никто ему в общем не нужен
имена на стекле сколько их полустертых имен
только шарф меня знает в лицо и сжимает все туже

опереться на воздух и крикнуть ему не грусти
дождь не лечит от смерти но все наносное смывает
если осень приходит пора журавлей отпустить
и смотреть как светло им за гаснущим облачным краем

* * *

ничего не случится никто не проспится отсюда
ничего не останется прежним ни веры ни чуда
я смотрю на собаку ну что же ты плачешь собака
ну какого рожна ну какого бескрайнего мрака

там под снегом шевелятся травы глупы и безродны
и сгущаются реки в объятых смертельно холодных
я смотрю на собаку я тоже такая собака
как тут сука не выть как тут в темном углу не заплакать

мы еще повоюем мы насмерть стоим до рассвета
продержись полчаса не бросай своего человека
эта снежность дана нам на вырост — студеное поле
офигенное белое-белое поле такое

* * *

Что-то серое — может быть, осень,
и дымок голубой — первоцвет.
С нас потом обязательно спросят
в тихом месте, где плещется свет,

за погибшие травы, за песни
и за все, что случилось с тобой.
Как летел над водой буревестник,
над остывшей бесцельной водой.

Вот щенка беспокойного треплешь —
то за ухом, то мягкий живот.
Ты с тоской далеко не уедешь,
неустойчивый маленький плот.

Все, что видишь, — лишь серое в белом,
чем живешь — черный чай в тишине...
И чтоб дудочка, дудочка пела
обо всем, что напишется мне.

Константин ГОЛОДЯЕВ

О ЖЕНСКОМ ДВИЖЕНИИ 1930–1940-х ГОДОВ

*Восемьдесят лет назад в Новосибирске состоялся
Первый областной съезд женщин-стахановок*

Включение женщин в общественную жизнь и промышленное производство началось еще на заре советской власти и вызвало всплеск их социальной активности. В 20-е годы XX века домохозяйки еще составляли существенную часть женского населения СССР, но многие уже полноценно и осознанно вливались в «счастье свободного труда». С несознательной частью женщин тоже велась работа. В частности, в конце 1920-х годов в рабочих клубах Сибири проводились «политсуды над домохозяйками», занятыми домашними делами и не интересующимися жизнью страны.

В 1930-е в стране вообще и в Сибири в частности женское движение набирало обороты. Формы вовлечения женщин в общественно-полезную деятельность были разные. Например, жены работников собирались на совещания, обсуждали на них в том числе и производственные вопросы. В конце 1935 года супруги хозяйственников и инженерно-технических работников треста «Запсибзолото», а после и Кузбассугля, стали инициаторами нового общественного движения. Был организован совет жен ИТР и стахановцев, поставивший перед собой задачу «создания таких повседневных условий мужьям, чтобы всякого рода бытовые “мелочи” не мешали им качественно выполнять свои служебные задачи на производстве»*.

Масштаб нового общественного движения заметили в Москве. В мае 1936 года в Кремле состоялось Всесоюзное совещание жен хозяйственников и инженерно-технических работников тяжелой промышленности. На совещании присутствовали Сталин, Орджоникидзе и другие руководители государства.

Однако между заботами этих общественниц и большинства жен простых рабочих лежала пропасть. Выступавшая в Кремле председатель женсовета Кузнецкого металлургического комбината С. А. Бутенко вспоминает, как приехала из столицы жить в Сталинск (ныне Новокузнецк. — *Ред.*), куда ее муж был назначен директором Кузнецкого металлургического комбината: «Я в жизни не видела деревянных домов. Как это — в деревянном доме жить?!»

---

* Исаев В. И. Быт рабочих Сибири (1926—1937 гг.). Новосибирск: Наука, 1988. 240 с. С. 137.

Особенный размах и значимость женское движение приобрело в годы Великой Отечественной войны, когда женщины заменили на предприятиях мужей, ушедших на фронт. Помимо этого женсоветы помогали налаживать работу в госпиталях, оказывали помощь в организации подсобных хозяйств, собирали подарки бойцам на фронт.

На заводах формировались бригады из женщин, вставших на трудовую вахту за своих мужей-фронтовиков. Также началось движение трудовых комсомольско-молодежных «фронтовых бригад». Победителей звали «гвардейцами тыла». В Новосибирске это звание первой завоевала бригада Александры Калинкиной завода № 153 (завод им. Чкалова).

«...Первое время Шура Калинкина работала в одиночку. Затем стала довольна такой работой и решила организовать бригаду из четырех человек. Работа у них пошла лучше, и бригада начала выполнять норму на 400—500 процентов... Почин Шуры Калинкиной подхватила молодежь всего завода...»*. К концу года за особые успехи в повышении производительности труда лучшим комсомольско-молодежным бригадам присваивалось звание фронтовых.

Весной 1943 года женсовет Сибирского военного округа совместно с трудовыми коллективами новосибирских и эвакуированных театров собрал на постройку самолетов 2040 тыс. руб., что позволило передать в ВВС РККА 12 боевых машин. К окончанию второй военной зимы женщинам уже было чем гордиться и что рассказать друг другу. И вот в преддверии Международного женского дня — 1 марта 1943 г. — в Новосибирске состоялся Первый областной съезд женщин-стахановок Новосибирской области.

Зал театра оперы и балета был полон. Прошедшие накануне районные конференции женщин-стахановок делегировали на съезд 1500 участниц, включая 500 из самого Новосибирска. В президиум было избрано 56 человек, председательствовала народная артистка СССР Е. П. Корчагина-Александровская.

к/о Гособанка в Н. Сибирске

КВИТАНЦИЯ в приеме наличными Дата 6 марта 1943

Принято Хорошикова Н. Ф.

от кого т.к. счет № 350 055

на самолет и Сибирячка Ардэнты

наименование получателя

за что

СУММА руб. прописью четыре тысячи триста пять = 4 235 =

сумма цифрами

Контролер М. П. Операционист М. П.

Указанную в квитанции сумму принял

Кассир М. П. подпись М. П.

За взнос денег, произведенный непосредственно в кассу, минуя операционную часть, Госбанк не отвечает.

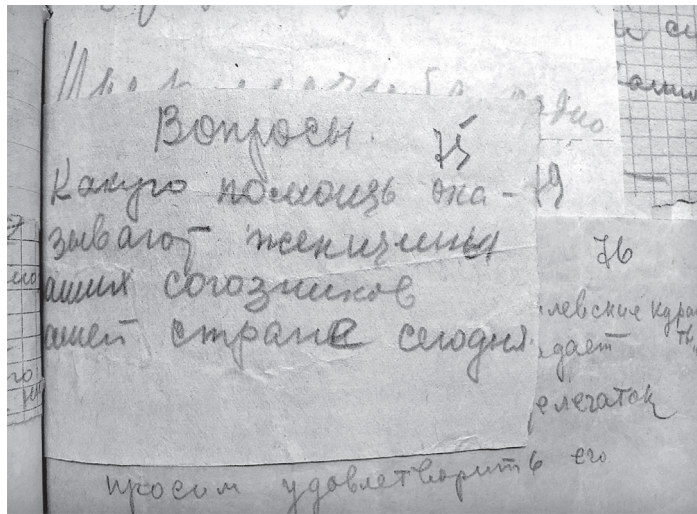
Эта квитанция должна быть три подписи: контролера, операциониста и кассира. Без указанных 3-х подписей и печати квитанция не действительна.

Заказ 3639*

Квитанция о сборе средств на самолет

* Талалова М. Л. «Всё выше, выше и выше» (НАПО им. Чкалова) // История промышленности Новосибирска. Том 2. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2004. С. 180—248.

Вопрос
в президиум

По обыкновению, из числа членов правительства СССР во главе с И. В. Сталиным был избран «заочный» почетный президиум.

В выступлении первого секретаря Новосибирского обкома партии М. В. Кулагина говорилось: «Тот, кто хорошо и самоотверженно сражается на фронте, работает в тылу, имеет полное право в это грозное время для нашей страны, для нашей родины задать совершенно законный вопрос мужчине и женщине: почему ты не равняешься по мне, почему ты работаешь хуже меня, почему ты иногда стоишь в стороне от активного участия в разгроме врага. Почему ты не отдаешь всех сил и средств, как это делаю я?»

Собравшиеся выслушали поздравления от пришедших на съезд пионеров и красноармейцев и приступили к прениям. В них выступило 32 делегата (при 200 записавшихся). Это были представители предприятий и районов, врачи, учителя, колхозницы, писатели. Во всех выступлениях красной нитью проходила одна мысль — отомстить за кровь русских людей ударной работой и сбором помощи Красной армии.

Уникальным было поэтическое слово «сказительницы Тогучинской» т. Рагожниковой:

*Мы живем все здесь с вами
Да во Сибирюшке,
Хлебородной да во сторонушке.
Сибирь наша мать-кормилица.
Героиня она у нас прехрабрая,
Пресильная да премогучая.
Богатства у Сибири несметные;
Полей, лесов конца-краю нет!
<...>
Дорогие товарищи женщины!
Мы возьмемся с вами рука об руку,
Мы окажем свой честный труд,
Этот несценный труд — сила великая.
Мы своим трудом поможем победить врага
Навсегда!**

* ГАНО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 209. Л. 69—71.

Не менее пламенными были речи артистки Е. П. Корчагиной-Александровской, писательницы А. Я. Бруштейн. Красивые, уважительные слова о женщине сказал артист Александринского театра К. В. Скоробогатов: «Я встретил женщин на различных участках в разных плоскостях работы. <...> Однажды я спросил одного командира очень крупного подразделения: скажите, а почему у вас этот пост поручен женщине, а не мужчине? Он мне очень коротко и лаконично сказал: потому что это надежнее. Товарищи, посмотрите, как это он сказал: потому что это надежнее».

Мать восьмерых фронтовиков С. Я. Игнатова еще не знала, что один из ее сыновей погиб в первые дни войны, и зачитала его письмо с фронта: «Теперь Аркадий тоже пишет: “Горю желанием душить проклятого врага”. <...> Я буду помогать чем смогу. Сейчас я вношу деньгами 300 рублей, вношу облигациями на 450 рублей. <...> Товарищи женщины, работницы и колхозницы, наша с вами задача — снабжать Красную Армию всем необходимым, дать хлеба, овощей, картофеля, мяса, молока...»

Тридцатидевятилетняя М. В. Октябрьская внесла предложение собрать средства на постройку танковой колонны «Сибирячка»: «Я внесла в Томское отделение Госбанка на постройку танка “Боевая подруга” все свои сбережения в сумме пятьдесят тысяч рублей и обратилась с просьбой к товарищу Сталину послать меня в бой водителем этого танка. К этому я вполне подготовлена: имею специальность шофера, отлично знаю пулемет, являюсь ворошиловским стрелком. Когда я сяду за руль танка, моя грозная машина будет сметать и крушить фашистскую нечисть, вероломно напавшую на нашу родину. Это будет самым счастливым днем моей жизни».

К сожалению, танк М. В. Октябрьской «Боевая подруга» дошел до Берлина без самой Марии Васильевны. Она скончалась от осколочного ранения в голову в марте 1944 года, став единственной женщиной — Героем Советского Союза, воевавшей в бронетанковых частях.

Мария Октябрьская на своем танке

Обязательство 146
Я, Мухомова Валентина Михайловна,
работница Верх.Алтайской М.М.С. Франциска
района - деловая женщина Стахановки
Новосибирской области обязуюсь внести
в фонд фронт. ав. эскадрильи
один рубль. Лыкова
1/III-43г.

Обязательство по взносу на самолет

В ходе обсуждений президиум засыпала вопросами. Женщины-делегаты интересовались всем — от возможности посетить театральные спектакли до настроений у женщин-союзников и их готовности оказывать помощь. Волновали собравшихся и материнские чувства немецких женщин: «Представим себе, что где-то София Яковлевна встречается с немецкой матерью, — говорила писательница А. Я. Бруштейн. — Она скажет: “Вот смотри: мои дети — это сыны Красной Армии, сыны самой великодушной армии в мире. И давай, посмотри, несчастная, как выглядят твои дети. Твои дети — негодяи, убийцы, твои дети упиваются человеческой кровью...”».

Среди резолюций, вынесенных делегатами съезда, были: о сборе средств на постройку боевой авиаэскадрильи, о написании писем воинам-сибирякам и тов. Сталину. Артель «Сибодержда» вызвалась шить одежду для летчика первого самолета, построенного на средства сибирячек.

Тут же, на съезде, на постройку эскадрильи было собрано 13 875 рублей облигациями займа и 42 350 рублей наличными. Квитанции и трогательные расписки, написанные карандашом на клочках бумаги, — от обязательств сдать столько-то литров коровьего молока или овцу до нескольких тысяч рублей — бережно хранятся в архиве Новосибирской области.

После окончания вечернего заседания на большой сцене оперного театра для делегатов Первого областного съезда женщин-стахановок состоялся праздничный концерт артистов Ленинградской филармонии и новосибирских театров.

Седьмого марта 1943 года газета «Советская Сибирь» опубликовала письмо съезда тов. Сталину, подготовленное А. Я. Бруштейн. В нем женщины объявили 8 марта фронтовым днем в тылу, днем усиленной помощи Красной армии, и обязались отметить свой праздник сверхударным трудом.

Трудовой энтузиазм советских граждан в поддержку фронта был всеобъемлющ и охватил не только отдельное женское общественное движение. Следом в Новосибирске прошло еще несколько крупных совещаний: Первый областной съезд молодых рабочих-стахановцев, Первая конференция жен фронтовиков.

Народные мемуары

Ирина ЛЕВИТ

АНГЛИЯ ПО-СИБИРСКИ, или ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АНГЛИИ, КОГДА ТАМ ПОЧТИ НЕ БЫЛО РУССКИХ, ТЕМ БОЛЕЕ СИБИРЯКОВ

Английские сказки

— Это что-то невероятное! Вчера нас принимал ваш мэр. Такой торжественный дядечка со здоровенной бляхой на толстенной золотой цепи чуть не до пупа. — Для наглядности я смыкаю пальцы в большое кольцо. Однако длины моих отнюдь не коротких пальцев не хватает, чтобы воспроизвести величину медальона. — Я думаю, если этим украшением кого-нибудь огреть по голове, смерть наступит мгновенно.

— Да, — соглашается Маша, — тяжелая вещь. Ей лет двести или триста, ее надевают в торжественных случаях правители города. Ваш визит к мэру — это торжественный случай. Он русских, то есть советских, отродясь не видел. А сибиряков даже представить не мог. Но глаза не таращил... сдержался.

— Не таращил, — подтверждаю я. — И вел себя исключительно достойно — сама вежливость и обходительность, такой солидный... величественный... Говорил о высоком доверии, которое ему оказали жители города, о еще более высокой ответственности, которую он чувствует...

— Так что ты обнаружила невероятного? — перебивает меня Маша.

— О-о-о! — Я предвкушаю эффект от дальнейшего рассказа. — В общем, мэр со своей бляхой выглядел почти как местный король. Мы даже разговаривали с ним вполголоса. А вечером нас пригласили на какое-то партийное мероприятие в лейбористский клуб. Слушай, это, оказывается, так забавно!.. — По советским понятиям, не просто забавно — совершенно невообразимо. Ни вноса-выноса знамен, ни докладов с речами, ни торжественного концерта на патриотическую тему... — Все песни поют, танцы танцуют, едят-выпивают... Не партийное мероприятие, а дружеская вечеринка!

— Здесь часто так бывает, — не удивляется Маша, — обсуждают свои дела в неформальной обстановке.

— Но не это главное! А главное... — Я выдерживаю выразительную паузу, прицеливаюсь и наношу точный информационный удар: — Бармен! Такой заводной мужик, коктейли мешал, приплясывая, и шутки шутил. И знаешь, кто этот мужик?

— Наш мэр, — спокойно констатирует Маша.

Я смотрю на нее изумленно. Я вспоминаю, как обалдели наши ребята, натолкнувшись на мэра. Если бы он не стал нам зазывно махать, мы не признали бы его вовсе — потертые джинсы, рубаха с распахнутым воротом, игривый шейный платок, улыбочка во все лицо, ловко разливающие спиртное руки...

Солидный мэр с золотым символом городской власти и веселый бармен, жонглирующий бутылками... То ли фантастика, то ли комедия... а скорее фантасмагория.

— Понимаешь, — объясняет мне Маша, — главу города у нас не назначают, как у вас, а выбирают. Это очень почетная должность, но... за нее мало платят. Наш мэр — человек небогатый, у него семья, и ее надо кормить... Он в свое время барменом работал. Вот и подрабатывает барменом в клубе. Ну не каждый вечер, но довольно часто...

Маша говорит «понимаешь», а я понимаю плохо. Я полна уверенности, что подобный замес невозможен в Англии, где принципы жизнеустройства и, соответственно, поведения незыблемы. Я полна убежденности, что британцы несокрушимо последовательны в соблюдении своих правил социальной иерархии и многолетних традиций. Я полна представлений, что англичане эгоистичные, чопорные и холодные. Это стереотипы, распространенные в моей стране.

— Ты сто раз слышала, что англичане эгоистичные, чопорные и холодные люди? — словно читает мои мысли Маша.

— Да, — не считаю я нужным деликатничать. В конце концов, Маша хоть и живет на этом острове, но все же русская.

— Ерунда! — уверенно заявляет она. — Английские сказки! — И вдруг улыбается как-то тепло и задумчиво: — Представь, что ты в России сидишь на скамейке и горько плачешь. К тебе ведь наверняка кто-то подойдет, начнет спрашивать, что случилось, давать советы, сочувствовать?..

— Наверняка, — подтверждаю я. — Хотя не факт, что чем-то конкретно поможет. Скорее сочувствием и советом все и закончится.

— А теперь представь, что ты в Англии сидишь на скамейке и горько плачешь.

— Плохо себе представляю.

— Включи воображение. Включила?.. Так вот, никто к тебе не подойдет. Более того, сделают вид, будто ничего не замечают! Но!.. Тебе достаточно тихо сказать: «Помогите, у меня случилась беда...» — и к тебе тут же кинутся на помощь.

Я таращу глаза. Я не верю. Я это даже вообразить не могу!

— Это совершенно объяснимо, — продолжает Маша. — Англичане — пусть не все, но большинство — настолько воспитанные и деликатные люди, что стараются никого не обременять собой и считают недопустимым непрошено лезть кому-то в душу. Но если их об этом попросят...

Поверь, они не отмахнутся. Но не потому, что они такие чувствительные, а потому, что так принято в приличном обществе. Англичане помещаны на приличиях.

— Тебе безумно повезло, — сказала приятельница Люда, зампредседателя новосибирского «Спутника». — В Англии вашу группу будет принимать не какое-нибудь Общество британо-советской дружбы, а Молодежный епархиальный союз.

— А почему повезло?

Возвращенная на советском ироничном отношении к религии и уважительном — к дружбе народов, я не понимала, чем церковники лучше друзей.

— Потому что наши группы ездят по обмену. Когда наши едут, все оплачивает принимающая сторона, а когда они приезжают к нам, все оплачиваем мы. Так вот, в капстранах, как правило, церковные общины — сытые жирные коты, а общества дружбы — голодные церковные мыши. Это значит, что в последнем случае наших туристов селят черт-те где, кормят черт-те чем... В общем, вынуждают по своей одежке протягивать наши ножки. А Молодежный епархиальный союз из Нориджа, по информации, весьма богатенький. У него даже есть свой дом в центре Лондона! — Люда закатила глаза и едва ли не облизнулась. — В Лондоне гостиницы дороговизне, поэтому наших туристов обычно запикивают в какие-нибудь хибары на окраине. Так что повезло тебе сказочно!

В правоте Людиных слов насчет обществ дружбы я убедилась три года спустя, в том самом морском круизе, когда нас из Гавра на двое суток привезли в Париж. Заселили нашу группу не на окраине, а в Латинском квартале, но в такую гостиницу, какую я видела только в сельской глубинке, — нечто тесное, обшарпанное и убогое. Как выяснилось, это была даже не гостиница, а общежитие для бедных арабских студентов. Ничего приличнее принимавшее нас Общество французо-советской дружбы предложить не могло.

В этот раз в Норидже нас поселили не в гостинице, а в огромном (по нашим тогдашним представлениям) доме главы Молодежного епархиального союза — румяного улыбчивого крепыша, который в свое время был моряком торгового флота, ныне обладал приличным церковным саном и при этом просил называть себя просто Ричардом.

Приехали мы поздним вечером и, поужинав (по плотности еды это скорее напоминало сытный обед), отправились спать, подивившись тому, что нам предложили укрыться... перинами. В то время мы не знали о существовании подобных одеял — легких, пушистых, теплых, придуманных, вероятно, для того, чтобы не тратиться на обогрев спален. Для нас, привыкших к копеечным советским коммунальным платежам, перинные одеяла оказались неравноценной заменой горячих батарей. Уже к середине ночи мы замерзли, как цуцки, а утром обнаружилось, что четверо самых нестойких простудились. «Ответственные товарищи», перед поездкой загружавшие нас всяческими наставлениями, и словом не обмолвились, что экономные британцы по ночам отключают радиаторы отопления даже зимой, а в пору октябрьской золотой осени, несмотря на ночные холода, и подавно.

Сразу после завтрака хозяин дома Ричард, куратор нашей группы Хиллари и переводчица Гейл, препроводив нас из столовой в гостиную, где были поданы чай и кофе, устроили меж собой некое подобие военного совета. Такого эффекта от первой британской ночи применительно к сибирякам они не ожидали. Через

пару дней, сообщив, что русские привезли в Норидж самых красивых девушек, местные газеты выдали сенсацию: гости — причем не просто из России, а из самой Сибири, где полгода зима и лютые морозы, — оказывается, очень нежные создания. Они боятся холода, им не помогают теплые одеяла, а потому руководство Молодежного епархиального союза приняло решение включать отопление по ночам.

Такую сенсационную статью мне показала Маша, добавив:

— Они выбьются из бюджета, ведь у нас платят за обогрев по счетчику.

— Зато теперь в доме красота! — не прониклась я сочувствием.

— Да, мой дом — моя крепость. В английском доме, где ты гость, можешь не опасаться ничего! В том числе и холода! — не без гордости завершила Маша.

Надо признать, что про крепость, где гостя не обидят, нам поведал на последнем инструктаже в Москве «ответственный товарищ» — правда, не гордо, а словно лимон жевал.

— И вообще, — загадочно произнесла Маша, — ты еще увидишь занятные штучки. Вот сегодня у вас по программе посещение самодеятельного театра...

Я скривила губы: посвятить целый вечер театральной любительщине?..

— ...очень даже славного театра, его у нас в городе любят. Самым занятым будет не постановка, кажется, очередной мюзикл, у нас это очень любят, а публика. Поверь, ты увидишь истинно английскую публику!

Разумеется, я была хрестоматийна в своих заплесневелых представлениях. Джентльмены в смокингах, дамы в вечерних туалетах... ну, пусть не так церемонно, это все-таки самодеятельный театр, однако непременно сдержанно, изысканно, в рамках строгих приличий.

Мы отправились в театр в лучших нарядах и... почувствовали себя людьми, явившимися в парадных одеждах на субботник.

* * *

Помещение, где играли спектакль, представляло собой смесь солидного Дворца культуры с сельским клубом: просторный, хорошо оформленный зал, большая, технически оснащенная сцена, обшарпанные деревянные кресла и... похожий на дешевую тряпку занавес. Гардероб отсутствовал по определению, верхнюю одежду зрители, когда садились, взгромождали на колени, закрывая красоты одеяний. Впрочем, «одеяния» имели только русские туристы, англичане на сей счет не замудрялись. Некоторые, похоже, явились насладиться пусть самодеятельным, но все же искусством в том, в чем выгуливали собачку или бегали в соседний магазин.

На фоне внешней обыденности выделялась одна парочка: дама неопределенных (однако явно немолодых) лет и того же возраста господин, который своим внешним видом мог затмить каких-нибудь трагифарсовых героев. До сих пор помню их отчетливо, причем снизу вверх.

На ней — ковбойские сапоги со шпорами, затем штук десять разноцветных юбок, надетых друг на друга на цыганский манер, следом застиранная майка, какую в СССР мужчины носили в качестве нижнего белья, и кокетливая шляпка с розочками, припиленная к ярко-оранжевым волосам.

На нем — не по погоде открытые сандалии на босу ногу, короткие, едва прикрывающие лодыжки брюки в яркую клетку, упрятанная под строгий черный пиджак белоснежная рубашка с буйным жабо и ярко-красный галстук-бабочка.

— Это что за попугай? — хихикнула я в ухо Маше.

— Очень важные персоны. Театральные критики, причем в большом авторитете, их печатают даже в Лондоне. Если они явились, значит, спектакль не какая-нибудь ерунда.

Вполне вероятно, спектакль впрямь был приличным. Павлинообразные критики, сидевшие в трех метрах от меня, периодически причмокивали губами, благосклонно кивали, добродушно посмеивались и активно хлопали. Однако же я, плохо знавшая английский язык и никогда прежде не видевшая действия под названием «мюзикл» (это не наша милая добрая оперетта, сработанная по классическим канонам, с полной ясностью в сюжете и непременно хорошим концом), не поняла ничего из фантазмагии, которая творилась на сцене. Хотя зачем нам сцена, когда имелась такая публика!

Подобное я видела только однажды, когда в шестнадцатилетнем возрасте ездила с экскурсией в Душанбе и посещала «культурное заведение» под названием Таджикский национальный театр. Там тоже что-то «игралось» на местном языке, с песнями и танцами, совершенно, на мой взгляд, неинтересное, но публика!.. С малолетства возвращенная на любви к театру и понимании правил поведения в храме искусства, я с изумлением и ужасом наблюдала, как во время спектакля мужики (а зрители почти сплошь состояли из мужиков) в засаленных халатах и тюбетейках шастали по залу, выходили и заходили назад, кричали, топали ногами, громко подпевали и в полный голос переговаривались друг с другом. Артисты не обращали на это никакого внимания, словно на сцене шла своя жизнь, а в зале — иная, очень похожая на восточный базар. «Это специфика национального театра», — пояснил сопровождавший нас молодой таджик, явно пожалевший, что привел русских подростков на столь странное мероприятие.

Театральная публика Нориджа отличалась от театральной публики Душанбе лишь присутствием значительного числа женщин и отсутствием халатов с тюбетейками. Во всем же остальном... Люди выходили из зала и заходили назад, кричали, топали ногами, громко подпевали и в полный голос переговаривались друг с другом. Артисты не были безучастными. Они реагировали на действия зрителей какими-то (явно не по пьесе) репликами, вызывая бурные ответные эмоции, и комфортно чувствовали себя в этом балагане.

— Ну как тебе публика? — с усмешкой спросила Маша.

Я растерянно пожала плечами, прикинув, что вопрос не столько в публике, сколько в самодеятельном театре. Вероятно, *самодеятельность* артистов предполагала и *самодеятельность* зрителей.

Через несколько дней, в Лондоне, нас вновь повели в театр, уже профессиональный и престижный, и вновь на мюзикл, причем на премьеру, о которой заранее раструбили по всей столице. Если самодеятельное искусство было бесплатным, то профессиональное — за хорошие деньги, которые смог себе позволить Молодежный епархиальный союз, закупивший билеты задолго до нашего приезда.

На сей раз мы обошлись без особых нарядов. Просто не успели приодеться — как помчались с утра по экскурсиям, так и домчались до спектакля. Впрочем, наши одежды опять остались без внимания. В отличие от «сельского клуба», этот театр, чье название я запомнила, был «настоящим», к каким мы привыкли у себя в стране, за исключением опять-таки гардероба. Но его отсутствие зрителей не напрягало. Они фланировали по фойе с пальто и куртками наперевес, умудряясь одновременно есть мороженое, пить из бутылок кока-колу и

хрумкать попкорн из огромных картонных стаканов. С мороженым, бутылками и попкорном публика преспокойно переместилась в зал, вызвав у нас немало удивление. Ну кто в советском театре позволял себе такое безобразие? Времена, когда это стало естественным в наших кинотеатрах, еще не наступили, а когда наступили — «смилоствивились» над классическими театрами. В самодеятельном театре Нориджа мы тоже никакой еды не заметили, но, вероятно, там просто не было буфета...

В советские времена мы не были приучены не только к еде в зрительном зале, но и к пению под фонограмму. Поэтому немало удивились, когда занавес раздвинулся и на сцене появился главный герой, ловко балансирующий на высоко натянутом канате и привольно распеваящий какую-то песню. Не знаю, как другим, а мне, окончившей музыкальную школу, понадобилось минуты три, чтобы сообразить: белокурый герой (не английский, а американский театральный актер, причем довольно популярный в жанре мюзикла) по канату передвигается взаправду, а поет понарошку — лишь раскрывает рот, позволяя песне литься из-под потолка. Но ладно бы это! Через несколько минут я поняла, что и канатоходец, и персонажи под фонограмму не только поют, но и говорят! Причем это не обман зрителей, а принятое всеми правило игры; по крайней мере, присутствующие в зале воспринимали представление с восторгом, поддерживая артистов гиканьем, топотом, выкриками, оглушительным смехом и подпеванием во весь голос! Из зала, правда, никто туда-сюда не шастал, но шумные эмоции сопровождались шуршанием конфетных фантиков, хрустом попкорна и бульканьем кока-колы.

— Н-да-а... — резюмировала главный специалист по иностранцам переводчица Ольга. — Недаром англичане считаются самыми жуткими футбольными болельщиками. — И тут же попыталась найти оправдание: — Когда люди с малолетства приучаются к жестким правилам, им нужна хоть какая-то отдушина. Например, посещение стадиона и мюзиклов.

— Или музея мадам Тюссо, — добавила я и сама же себя поправила: — Впрочем, тут их удовольствия лишили.

* * *

Я видела восторженно беснующихся англичан, но с трудом представляла себе англичан... публично плюющихся. Однако и это было правдой! По крайней мере, если верить зрителю лондонского музея мадам Тюссо, непременно объекта туристической экскурсионной программы.

Все экспонаты (прямо как живые!) там стояли группами в свободном доступе — фотографируйся, трогай, обнимай, хоть целуй. И только один был расположен отдельно, не в зале, а на лестничном пролете между этажами, в углу, за толстым стеклом. Это была фигура Адольфа Гитлера.

— Почему так? — спросили мы зрителя, и тот вздохнул:

— Нам надоело его реставрировать. Он стоял в нижнем зале, где собраны преступники, но других преступников никто не трогал, а в Гитлера все время плевали. Мы вешали табличку, просили не безобразничать, пытались присматривать, но в него все равно плевали и плевали, причем в основном англичане, весьма солидные люди, и мы были вынуждены регулярно отдавать фигуру на реставрацию. Это, знаете ли, дорого. Поэтому мы решили вынести ее из зала и поставить за стекло.

Смотритель, откинув голову, глянул на экспонат, словно прикидывая, надежно ли тот защищен от понятного, но недопустимого вандализма, и, выудив из кармана пиджака тряпочку, прошелся по пятнам, бледно размазанным по стеклу.

Я не ожидала столь своеобразного проявления британской ненависти к Гитлеру, зато не удивилась взволнованному кружению, которое наблюдалось вокруг живописной композиции, изображающей королевскую семью.

Центральное место здесь занимала не Елизавета II, а принц Чарльз и принцесса Диана в свадебных одеяниях. При этом Диана была на полшапочка, на четверть корпуса выдвинута вперед, словно обозначая особое, лидирующее положение, которое она на долгие годы займет в британском обществе.

Напомню: это был октябрь 1981 года, еще не минуло трех месяцев со дня пропиаренной на весь мир женитьбы наследника британского престола на барышне из едва ли не более родовой, нежели у самого принца, семьи графа Спенсера. Эта, по английским меркам, очень красивая барышня, и этот, как слепок похожий на собственную мать, отнюдь не красавец принц, и сама превращенная в грандиозное шоу свадьба были растиражированы в многочисленных публикациях, телерепортажах, открытках и сувенирах, а также оплетены людской молвой.

В целом молва была соткана из благожелательности и даже умиления, однако то тут, то там, словно прыщики на юном лице, проступали скепсис и сожаление.

— Вообще-то Диана молодец. Графская дочь заполучила королевского сына. — Княжеская дочь Маша кивнула на очередной набор открыток на очередном торговом прилавке. — Чарльзу за тридцать, и нация начала всерьез опасаться, что наследник престола не оставит после себя собственного законного наследника. Но теперь все будет по правилам. Диана, конечно же, была девственницей и вполне пригодна для рождения детей. Уж это явно проверено и запротokolировано.

— Проверено, что она девственница?! И запротokolировано?!

— Ну не знаю, что там с официальными бумагами, но проверено — это точно, и уж как-то там оформлено. А чего ты хочешь? — удивилась моей дремучести Маша. — Это же вопрос престола. Династии! Не рабочей, как в России, не когда папа — слесарь, мама — токарь и дети по их стопам на родной завод. Это королевство! Здесь все должно быть по правилам, по протоколу, как должно. Вот я сама, — Маша улыбнулась, — родись лет на сорок раньше, не вышла бы замуж ни за первого мужа... он обычный человек, болгарин... ни за второго мужа... он тоже обычный человек, англичанин, от него у меня фамилия Баркиншоу... Их бы и рядом не было, а были бы женихи с титулами из родовитых семейств... И я должна была бы соответствовать.

Маша передернула плечами, словно сбрасывая паутину.

— Диана, похоже, любит принца... И принц ее тоже... — предположила я.

Маша вновь передернула плечами.

— Похоже, Чарльз любит совсем другую женщину, и давно. По крайней мере, об этом шепчутся... Ее зовут Камилла, не красавица, но тоже знатная, однако жениться на ней Чарльзу не разрешили. Она была замужем, так что не подходит на роль невинной девы, невесты наследного принца. Не знаю, правдива ли эта история, но если правдива, мне кажется, что Диане-прелестнице не получится затмить Камиллу-разлучницу.

— Почему?

— Потому что если мужчина из двух женщин предпочитает ту, которая гораздо старше и гораздо менее красива, то это серьезно.

Тогда, в 1981-м, все еще было очень лучезарно — публикации и телерепортажи, открытки и сувениры... Широкомасштабный восторг, заглушающий заспинные шепотки.

Потом на протяжении ряда лет тоже были публикации и телерепортажи и все такое прочее, но отнюдь не восторженное, а сочувствующее и осуждающее. Прелестная леди Ди и отвратительный неблагодарный Чарльз. Такая женщина, мечта нации, а он!..

Почти все жалели Диану, и мало кто жалел Чарльза. Я же была из меньшинства.

Юная девушка Диана из знатной, но беднеющей семьи не могла не знать о Камилле, однако сделала вид, будто глуха, слепа и ничего не соображает. Любовь затмила? Я не раз рассматривала привезенные из Англии тщательно отрежиссированные открытки с изображением молодоженов и ни на одной не обнаруживала главного — искренней влюбленности. Удовлетворенное лицо Дианы, сдержанное — Чарльза... Так могли выглядеть партнеры, только что заключившие выгодный контракт и фотографирующиеся, дабы запечатлеть успешность и неизбежность своего сотрудничества. С той лишь разницей, что для одного это сотрудничество — выношенная мечта, а для другого — вынужденная необходимость. Конечно, у Чарльза тоже были сторонники и сочувствующие, но они терялись на фоне зазывающих театральных огней, ослепительно высвечивающих Диану.

Понимание этого пришло позже, а тогда, в музее мадам Тюссо, молодые советские туристы, для которых королевы и принцессы были скорее сказочными персонажами, с детским азартом фотографировались на фоне их фигур. И забавлялись, глядя, как их самих, пристроившихся к компании королевского семейства, фотографирует скульптура поджарого мужчины с лицом стареющего американского плейбоя. Мужчина, изогнутый причудливым зигзагом ловца за кадром и стоящий чуть поодаль, тоже был восковой фигурой.

— Это муж Маргарет, младшей сестры королевы... Он был фотографом, но с ним Маргарет уже развелась, — хихикнула наша смешливая переводчица Гейл. — О, Маргарет!.. Еще та штука! Долго крутила роман с разведенным капитаном, потом вот фотограф, а вообще... ведет себя совершенно не по-королевски. Курит сигары, водит знакомства с рокерами и так далее... Скандал семьи!

— В семье, даже королевской, не без уroda, — строго констатировала куратор нашей группы, совсем не смешливая Хиллари.

При этом сама Хиллари была еще та штука! Оставив мужа дома на хозяйстве, крутила роман с плюгавым, но милым мужичонкой, который незаметно, но стойко прилип к нашей группе в Лондоне, куда притащился за своей возлюбленной. Впрочем, личная жизнь Хиллари, равно как и принцессы Маргарет, были слабыми искорками в сравнении с тем пожаром, который впоследствии запылал вокруг личной жизни королевского семейства.

Но тогда, в 1981-м, все выглядело красивым, возвышенным, благостным... В соответствии с английскими традициями и неугасшей памятью о Британской империи.

— Я тебя научу маленькой хитрости, — сказала Маша. — Всего одна фраза, и ты сразу покоришь сердца всех англичан.

— Прямо-таки сразу всех? — с иронией уточнила я, представив, как раскрываю рот, выдуваю, словно мыльный пузырь, округлую фразочку и все набрасываются на меня с поцелуями.

— Вот прямо-таки сразу и прямо-таки всех! Ну... почти что, — весело пообещала Маша. — Значит, слушай. Ты делаешь серьезное, но слегка восторженное лицо и с придыханием произносишь: «До чего же здорово англичане побили французов при Трафальгаре! И какой потрясающий мужчина ваш адмирал Нельсон!» После этого наши высокомерно-наивные британцы готовы будут признать, что ты чуть ли не потомок короля Артура. Или как минимум — исключительно приличная барышня.

Я вытаращила глаза:

— Так просто?!

Маша расхохоталась:

— Именно так! Причем неважно, что Нельсон был одноглазым, а при Трафальгаре воевали не только французы, но и испанцы.

Самое занятное, что эта фраза срабатывала! Я делала серьезное, но при этом слегка восторженное лицо и с придыханием произносила... А потом наблюдала, как вокруг меня расцветали розы, разливались трелью райские птицы и даже... вытягиваясь во фрунт, отдавали честь.

Да-да, и такое было, причем не где-нибудь, а в Королевской военно-морской академии. Это знаменитое учебное учреждение, оранжерея военно-морской элиты Великобритании, не было местом, куда водили туристов, тем паче советских. Но для нас сделали исключение. Вернее, исключение сделали для Хиллари, у которой в академии обнаружилось близкое знакомство с кем-то из больших начальников.

Руководительницу нашей группы Марию столь неожиданный подарок вверх в очередной испуг. Как выяснилось позже, она истерзала нашего потаенного майора КГБ Сережу требованиями запретить поход, но тот по здравом размышлении принял решение идти на освоение новой территории. Заручившись столь мощной поддержкой, Мария все-таки сочла необходимым собрать нас для идеологической накачки и выдачи строгих руководящих указаний.

— Ребята! Посещение этого заведения не входило в нашу программу. Оно... — Возникла пауза, за которой все-таки последовало неохотно выведенное признание: — ...не было заранее согласовано. Поэтому невозможно сказать, что нас там ждет.

— Ну уж всяко не утопят и не расстреляют! — брякнул Эдик и тут же напорлся на тревожно-суровый взгляд командирши.

— Я думаю, инцидентов не случится. Иначе я бы не согласилась на такую экскурсию, — с нажимом произнесла Мария. — Однако, — она дернула головой в сторону Эдика, — шутки шутками, но не забывайте, что это учреждение военное, а британская армия — потенциальный противник Советского Союза и возможны любые провокации. Поэтому будьте бдительны! Не вступайте ни с кем в контакт. Не отрывайтесь от группы. И вообще...

Что означает «вообще», Мария, видимо, не додумала, но явно предполагала нечто опасное.

На обширную территорию военно-морской академии мы ступили, как группа парламентариев в зону противника (только белого флага не хватало), проследовав колонной через контрольно-пропускной пункт. Удивительно, что, в отличие, к примеру, от Британского музея, нам не попытались устроить дозор — просто внимательно вглядывались в наши лица, награждая каждого любезным кивком головы.

Что там наплела «морским академикам» наша деловито-блудливая Хиллари, осталось неизвестным, но большой начальник откомандировал к нашей группе представительного офицера. Он встретил нас за проходной КПП так, словно мы были посланниками Ее Величества королевы, которая, помимо прочего, занимала пост верховного главнокомандующего британскими вооруженными силами. Поскольку экскурсию он вел с исключительным знанием этого далекого от ратных трудов дела, возникло ощущение, будто доблестный офицер прежде, чем выбрать военно-морскую карьеру, мечтал о работе экскурсовода. Блестящий офицер не преминул сообщить, что военно-морская академия — очень закрытое военное заведение, но отказать очаровательной Хиллари его начальник не смог. Хиллари, чье очарование не проглядывалось даже в телескоп, в ответ торжествуя улыбалась. Мужичонка, прилипший к нашей кураторше и на глазах всей группы приносивший ей по утрам кофе в постель, поджимал губы.

Ничего особо примечательного в академии не было, ее посещение выветрилось бы из памяти довольно быстро, если бы не одно обстоятельство — наш визит состоялся 21 октября. Дата поистине знаковая и для учебного заведения, и в целом для Великобритании.

В этот день в 1805 году состоялась Трафальгарская битва, принесшая англичанам великую победу на море и великое горе — гибель адмирала Нельсона. Двадцать первого октября каждый год в академии праздновали памятную дату.

В моем личном архиве хранится сделанная профессиональным фотографом и подаренная каждому из нас открытка торжественно убранного зала, где через три часа после нашего визита должен был начаться традиционный праздничный банкет.

Этот зал нас просто потряс. Вживую такой красоты мы никогда не видели. Стены темного камня, расписной потолок, витые кресла, длинный периметр столов с белоснежными скатертями, фарфоровой посудой, хрустальными фужерами, серебряными приборами... Все изысканное, красивое, старинное — словно из исторического фильма про королевский двор.

С таким великолепием зал оформлялся только раз в год — в день победы при Трафальгаре. Только 21 октября из хранилища извлекались посуда, фужеры, приборы, изготовленные несколько веков назад. Подготовленный к торжественному ужину зал был безлюден в ожидании момента, когда распахнутся тяжелые резные двери и офицеры военно-морского флота Великобритании при полном параде, во главе с адмиралом, заполнят его пространство, рассредоточатся по четко обозначенным местам и, согласно ритуалу, для начала дважды поднимут бокалы — за королеву и за победу при Трафальгаре.

Посещение праздничного зала могло стать завершающим салютом ознакомительной программы, однако экскурсовод решил, что на финише следует предложить что-то умиротворяюще-духовное. С его точки зрения, самым подходящим было посещение часовни, расположенной во внутренних помещениях.

Нам это не показалось интересным, однако отказаться не посмел никто. Только у меня нашлась уважительная причина в виде новых сапог на высокой шпильке. Из-за них у меня регулярно «отваливались конечности», и при каждом удобном случае я пыталась усестыся, чтобы дать многострадальным ногам хотя бы краткий отдых. На этот раз, обнаружив по пути в часовню скамейку, я заявила, дескать, подожду всех здесь. После чего, получив благосклонное разрешение утратившей бдительность руководительницы группы, предалась блаженному отдыху.

Что было дальше, в течение многих лет на бис рассказывал рассекреченный майор КГБ Сережа.

— Зачем мы потащились в эту часовню? Какая-то комнатенка, соответствующе оформленная, ничего интересного, особенно после банкетного зала. Банкетный зал... о да!.. Это что-то! У наших девчонок очи заволкло, когда рассказали, какой здесь церемониал и какие отборные офицеры здесь празднуют! Причем без всяких жен и подруг. Исключение — женщины-офицеры. Но те тоже участвуют без мужей и приятелей. Тосты произносят исключительно в своем коллективе.

Так вот, Ирина решила от часовни отвертеться. Шепнула нашей командирше, дескать, ноги гудят, она на лавочке посидит, а та, дурында, согласилась. Хотя еще недавно трясась от страха, как бы в этом логове английской военщины чего не случилось. Ирина думала, что мы будем возвращаться тем же путем, а нас провели другим. Представляете, выходим мы за территорию, проходим охрану и обнаруживаем, что Ирины нет. Командирша хватается за сердце и начинает причитать: «Ох! Ах! Неужели она решила остаться в Англии?!» Нормально, да? То есть сразу остаться, попросить политического убежища, изменить родине, подвести под монастырь командиршу и угробить ее карьеру. Хорошо, что та в своей панике вспомнила, где оставила Ирину, а офицер-экскурсовод не успел далеко уйти. В результате он меня, Ольгу-переводчицу и Хиллари повел обратно через кордон. Сказать «повел» было бы слишком мягко. Мы неслись со скоростью гончих псов. Потому как, честно говоря, я сам перепугался. В то, что Ирина решила забаррикадироваться в академии, я не верил. Но всякая дурь в голову лезла. К примеру, она кинулась на поиски группы и потерялась. Кому до нее там дело? Все на торжество собираются. Или — чур меня! — ей без нашего пригляда и впрямь устроили провокацию с перспективой политического скандала. Вам смешно? А вот ничего смешного! Не забывайте, какая была политическая обстановка. Тут бы я сам пошел под монастырь и угробил карьеру.

В общем, пока бежали до нужного места, я чуть не поседел. А когда добежали... просто обалдел. Представьте, сидит наша барышня, вся из себя леди в шляпке с вуалеткой, а мимо нее эдакими гоголями шествуют офицеры при полном параде. И буквально каждый приостанавливается, расплывается в любезной улыбочке, кланяется и здоровается. А эта звездища в ответ глазками из-под вуалетки стреляет, ручкой взмахивает и щебечет по-английски: «Поздравляю с победой над французами при Трафальгаре! Ваш адмирал Нельсон — потрясающий!» После чего буквально каждый вытягивается в струну, щелкает каблуками и выдает шикарный комплимент.

Вот такой спектакль мы застаем. Причем потеряшка, завидев нас, без особой радости вопрошает: «А что, вы так быстро посмотрели часовню?» Быстро!.. Поистине, счастливые часов не наблюдают...

Сережин рассказ про мои приключения лишен особых прикрас. Именно так все и было — собирающиеся на банкет brave морские офицеры, приветствия, мои заученные фразы, вытягивание во фронт и ответные комплименты...

Вечером за чаем-кофе товарищи по путешествию со всех сторон обсуждали мой успех среди британских моряков. А кто-то рассказал анекдот, который вспоминают до сих пор. Бабушка говорит внучке: «Если ты, деточка, будешь хорошей девочкой, то, когда вырастешь, у тебя будет, как и у меня, очень большая и одна на всю жизнь любовь». Девочка завороченно спрашивает: «А кто это, бабушка, твоя любовь?» Бабушка мечтательно вздыхает: «Моряки!»

Галантность элитных офицеров британских военно-морских сил вписывалась в наставления Маши и мои собственные представления о традиционном английском воспитании. Но поведение мулата, работающего контролером в лондонском метро (а билеты там проверяли в основном именно «цветные», занятые на самой «низовой» работе), ввергло меня в изумление.

* * *

Это был исключительный красавец, которого не портила даже дешевая серая униформа. Почти двухметровый гигант с атлетической фигурой, четко выписанным шоколадным лицом и жестким кучерявым «шлемом» над высоким лбом был лишен «африканистости» и больше походил на запечатленного одним из вдохновенных скульпторов древнеримского военачальника, чья прабабка не устояла перед страстью чернокожего раба.

Арчи Тейт, Маша и я подошли к турникету. Арчи протянул билеты, и контролер что-то быстро проговорил нашему профессору.

— О! — отреагировала Маша, обращаясь ко мне. — Знаешь, что сказал этот парень? Он спросил: не покажется ли он бесцеремонным, если позволит сказать тебе комплимент?

— Так и спросил?! — поразилась я. — Именно в таких выражениях?!

— Именно в таких, — признался Арчи, который явно испытывал от этой ситуации неловкость.

— Пусть скажет, — разрешила я, после чего в дословном переводе Арчи услышала изысканнейшую тираду по поводу моих дамских прелестей.

— Потрясающе! — оценила я на английском языке. — Вы тоже очень красивый мужчина!

Контролер жутко смутился и, совершив какую-то манипуляцию с нашими билетами, отвесил полупоклон.

— Не суди его строго и не обижайся, — принялся оправдываться профессор. — Его поведение не очень прилично, но вряд ли он получил должное воспитание... В метро на этой работе у нас в основном заняты люди из... как бы это сказать... бедных слоев общества... Но я уверен, он это сделал из лучших побуждений...

— Арчи, никаких обид! — искренне заверила я. — Такого изыска я никогда в жизни не слышала.

Сегодня, спустя десятилетия, могу признать: по части комплиментов никому не удалось превзойти мулата из лондонского метро.

Что касается бедных и богатых слоев общества... на эту тему у меня есть отдельная история.

В 1982-м, через год после моей первой поездки в Англию, Молодежный епархиальный союз направил в Новосибирск ответную делегацию, в которой был и профессор Тейт. Разумеется, я пригласила Арчи к себе в гости.

— Я с удовольствием, — откликнулся Арчи, — но... есть одно обстоятельство... Со мной в группе есть юноша, его зовут Робин. Ему всего семнадцать, и я обещал его родителям, что буду его опекать. Нельзя ли пригласить и его? Если это, конечно, никого не затруднит, — не преминул добавить деликатный профессор.

— Без проблем! Я позову кое-кого из ребят, с которыми ездила к вам. Соберется хорошая компания.

Компания действительно собралась хорошая, все веселились, мой светский папа вовсю тамадил, хлебосольная мама потчевала всякими яствами... Накануне приема я предупредила маму, чтобы не вздумала подавать на стол трепетно любимую в нашей семье курицу.

— Почему? — удивилась мама.

— Подать гостю-англичанину на горячее курицу — самое дешевое мясо — признак неуважения. Это нам хорошо в Англии объяснили.

И напомнила маме историю про доцента Женью. В Норидже, в один из дней, когда нас «разобрали по домам», он был приглашен в состоятельную семью университетских преподавателей, где на торжественный обед выставили всего два блюда — лоханку капустного салата и тарелку с вареной курицей. Женья, по советским меркам солидный, материально обеспеченный человек, куриное мясо терпеть не мог. Из гостей он вернулся голодным и обиженным, потому как понял: так изысканно британские коллеги решили поиздеваться над советским доцентом кафедры истории КПСС.

В результате курицы на нашем столе не было, а капуста присутствовала — в качестве начинки мамино фирменного пирога. Именно этот пирог произвел неизгладимое впечатление на Робина.

Он ни слова не понимал по-русски, однако не был «выключен из общества». То сам Арчи, то интуристовская Ольга ему переводили, а Робин кивал, робко улыбался и благодарно взирал на мою маму, подкладывавшую худенькому, скромно одетому и смущающемуся мальчику всякие вкусности. С особым вождением (иначе не скажешь!) он принимал очередной кусок капустного пирога. Наш юный гость съел их штук пять.

Расходились в первом часу ночи. Робин, на прощание пожав руку моему папе, вдруг кинулся целовать руку маме и с искренним восторгом протарахтел какую-то фразу по-английски.

— Робин сказал, — перевел Арчи, — что он очень благодарен вам за гостеприимство, ему очень понравились ваш дом, вы сами и ваше угощение. У вас все было исключительно вкусно, а капустный пирог!.. Он ничего подобного и более вкусного в жизни не ел.

— Да! — радостно выкрикнул короткое русское слово Робин.

— Он говорит от души, — подтвердил Арчи. — Он искренний мальчик.

— Надо же! — удивился папа, для которого тема еды была свята. — Неужели он так плохо питается, что капустный пирог для него — нечто необыкновенное?

— Он хорошо питается, — улыбнулся Арчи. — Робин — сын одного из самых богатых людей Англии. Его папа может купить все существующие в мире капустные пироги, но, вероятно, пирог вашей жены бесценен.

Не знаю, насколько в Англии были распространены пироги с капустой, но в исполнении моей мамы они оказались необыкновенным лакомством для британского мальчика, выросшего в богатстве.

* * *

А для большинства советских людей моего поколения особым лакомством считались бананы, которые невозможно было, как сейчас, купить в любом супермаркете, но иногда удавалось «поймать» в Москве — полузеленые или, напротив, подгнившие. Но кто обращал внимание на подобные мелочи? Ухватил «по случаю», привез за тысячи километров в Сибирь и счастлив! Как мы радовались подмороженным апельсинам, туалетной бумаге или югославским сапогам на рыбьем меху! А у того, кто привередничал, ехидно спрашивали: «Может, тебе жареных бананов подать?» Вот смех-то!

— ...Жареные бананы?! — не поверила я, и муж Маши Баркиншоу (его имя выветрилось из памяти, но это был очень симпатичный мужчина) вежливо покивал: дескать, они самые, не сомневайтесь.

— Он любит смотреть кулинарные шоу, — пояснила Маша и хихикнула. — Все-таки его фамилия оканчивается на «шоу». В России таких шоу нет, есть только кулинарные книги, но они еще более дефицитные, чем сама кулинария. Ведь так?

— Так, — не стала отпираться я. — У нас нет подобных шоу, — внесла я поправку, ловко обогнув опасную тему продовольственного дефицита.

Маша тонко улыбнулась и что-то сказала по-английски. Муж вновь покивал, на сей раз в сторону кухни.

— Пойдем посмотрим, как он это делает, — предложила Маша. — Вроде бы довольно просто.

Это действительно оказалось просто. Любитель кулинарных шоу налил в сковородку немного растительного масла, хорошо разогрел, выложил очищенные от кожуры бананы и стал их переворачивать, словно сосиски. Из бананов засочился похожий на темно-золотистую патоку сок, и через несколько минут мистер Баркиншоу, в очередной раз покивав (на сей раз удовлетворенно), разложил горячие плоды на тарелки и полил образовавшимся сиропом.

— Теперь очень важный момент, — перевела Маша. — Сверху надо положить мороженое. Желательно очень хорошее и дорогое. И есть одновременно горячие бананы и холодное мороженое.

Мы начали есть.

— Вкусно? — Мистер Баркиншоу уставился на меня взглядом ребенка, освоившего нечто необыкновенное, например самостоятельное застегивание рубашки.

В ответ я изобразила восторг.

— Великолепно! — выдала по-английски и тихо, по-русски, для Маши, добавила: — Для меня слишком сладко.

— Для меня тоже, — так же тихо откликнулась Маша, подарив мужу лучезарную улыбку.

Не знаю, насколько Маша любила своего второго мужа, но, без сомнения, ценила человека, который был младше ее на восемь лет и смотрел на жену с обожанием. Первый раз она вышла замуж за болгарина по фамилии Манев, родила от него сына Александра. Об этом браке она вспоминала, словно отмахиваясь, а по поводу Александра вздыхала:

— Он почти твой ровесник, старше на три года. Жаль, что он сейчас в Париже, а то я бы вас познакомила, и кто знает... Вдруг бы вы друг другу понравились, ты вышла бы за него замуж и... Он хороший парень, честное слово!

— Конечно, — соглашалась я, — он наверняка замечательный парень, но ничего не поделаешь, коли он в Париже...

При этом подумала, что советской девушке выйти замуж за англичанина — целая проблема, настоящий кульбит в жизни, непредсказуемый по далеко идущим дурным последствиям.

— Правда, мы люди небогатые, — продолжала Маша. — У нас нет своего дома, квартира арендованная, нет капиталов. Мы живем на то, что заработаем. Вот и я держусь за университет, мне там платят зарплату, не бог ведь какую, но все же... У нас в Норидже безработица — одна из самых высоких в стране. Ты ведь об этом слышала?

* * *

Я слышала об этом не раз. В 1981 году официальная безработица в Норидже и во всем Норфолке (не самых затрапезных в королевстве городе и графстве) составляла десять процентов. Разумеется, во всем винили политику консерваторов и жуткой Тэтчер, опуская тот факт, что в целом в стране безработица была меньше, нежели в графстве и городе, где правили лейбористы.

Нам жаловались разные люди в разных местах, и мы искренне сочувствовали. Ведь для советского человека «левые» всегда были милее «правых». Правда, я почему-то периодически вспоминала своего папу, в первые годы советской власти на себе познавшего безработицу, долгое и унижительное ожидание на бирже труда, ставшего в конце 1930-х годов директором предприятия и продолжающего директорствовать в свои семьдесят с лишним лет. Когда папе задавали вопрос: «Что нужно для максимально успешной работы вашего предприятия?» — он, член КПСС с 1931 года, отвечал: «Хотя бы одного безработного за проходной».

Это было весьма смелое для советского директора заявление, однако до чего же папа был наивен! В Норидже безработным числился каждый десятый, но никакого столпотворения «за проходной» не наблюдалось, в чем мы убедились, побывав... в обычной больнице.

Что такое обычные государственные больницы, помнят все, кто жил при советской власти. Сейчас, на мой взгляд, большинство из них еще хуже. Так вот, нас привезли в эту самую «обычную», с интонациями извинения предупредив, что это не частная клиника, а бесплатное муниципальное учреждение, а посему воспримите увиденное со снисхождением.

Мы и восприняли... с изумлением! Перед нами предстало нечто, сильно напоминающее высококлассный санаторий. Что касается медицинского оснащения, то двое наших молодых врачей просто обалдели: они даже не представляли такого оборудования и такой технологии работы с пациентами.

Принимал и устраивал экскурсию главный врач, который время от времени смущенно уточнял: дескать, больница бесплатная, поэтому и проблем хватает...

— И какая у вас главная проблема? — поинтересовались наши молодые доктора.

— Такая же, как у вас. Насколько я в курсе... — деликатно уточнил их английский коллега. — Не хватает медсестер и санитарок.

— Как не хватает?! — воскликнули мы. — У вас же безработица!

— Да, — не стал спорить главврач, — безработица, однако в медсестры и санитарки все равно не идут. Работа тяжелая, а платят немного.

Мы понимали это с трудом. Большинство из нас полагало, что если у тебя нет работы и заработка, то нет ничего. Зато есть уголовная статья за тунеядство. Но она распространяется на бездельников, которые есть везде, а не на безработных, которых в СССР нет.

— Все-таки русские... которые советские... иногда очень наивные, — не укорила, а посочувствовала Маша. — За мою работу университет платит 400 фунтов в месяц. А безработному государство — 280...

Я пересчитала это в рубли по обменному курсу для советских туристов: за 1 рубль 29 копеек — 1 фунт стерлингов. Получалось, что английский безработный имеет в месяц около 360 рублей. Вдвое больше, чем зарабатывала я вместе с гонорами в областной газете.

Конечно, сегодня кто-нибудь иронично усмехнется по поводу обменного курса, однако за полученные 42 фунта я могла купить пусть крошечные, но бриллиантовые сережки, а хорошие зимние сапоги — нет.

Эти сапоги я помню до сих пор: из супермодной рыжей кожи, высокие, почти невесомые, на натуральном меху. Так как сапоги на натуральном меху в СССР купить было практически невозможно, густая, мягкая, словно отполированная цигейка произвела на меня потрясающее впечатление. Большинство советских женщин, даже приобретая популярные югославские и финские сапоги, довольствовались мехом искусственным, который зимой согревал ненамного лучше, чем простые шерстяные носки.

Те замечательные рыжие сапоги стоили дорого даже по британским меркам — 80 фунтов стерлингов, почти в два раза больше, чем мне позволили обменять. Но, машинально пересчитав фунты на родные деньги и получив 103 рубля, я не могла не сравнить их с купленными по большому благу импортными сапогами «со смехом» (так иронично называли искусственный мех), чья госцена составляла 85 рублей. Прямо скажем, невеликая разница.

— ...На пособие по безработице, разумеется, не пошikuешь, — сказала Маша. — Но жить вполне можно. При этом я сама оплачиваю квартиру, медстраховку, а безработный живет в квартире бесплатно или почти бесплатно и за лечение ничего не платит. Поэтому зачем ему надрываться, бинты менять или утки из-под больных выносить? Так что бедственное положение британских безработных — такой же миф, как вечный лондонский туман...

* * *

Многие наши тогдашние представления о мире были полны стереотипов. Волга впадает в Каспийское море... Дважды два — четыре... Империализм — высшая стадия капитализма... Лондон — город туманов...

— Никаких вечных туманов в Лондоне нет, — заверила Маша. — Бывают, но не постоянно и не так густо. А знаешь почему? Их побороли. Примерно так, как Мичурин завещал: «Не надо ждать милостей от природы, взять их — наша задача». Лондонцы помаялись, помыкались, а потом власти приняли решение запретить топить камины углем! Будешь в Лондоне, увидишь, что все крыши домов утыканы трубами, и раньше из этих труб прямо в лондонскую сырость постоянно валил дым. Лондонцы передвигались по городу чуть ли не на ощупь, кашляя и проклиная погоду. Теперь сырость есть, но прежнего дыма нет, все прозрели и перестали постоянно чихать. Хотя поначалу жутко возмущались! Как же, покушение на вековые традиции!..

Самое необычное покушение на традиции я обнаружила как бы мимоходом. Не помню, откуда и куда мы ехали, но автобус остановился около здания авангардной постройки из темного кирпича, с широкой стеклянной дверью, с крышей, состоящей из треугольников разной величины и высоты. Из здания раздавалась странная музыка — некое попури из джаза, рока и фуг Баха. Внутри здания тоже было что-то непонятное: смесь зала для дискотеки, музея современного искусства и... церкви.

— Да-да, это церковь! — подтвердили Хиллари и Гейл.

— Церковь?! — поразились мы, успевшие восхититься величественным, построенным несколько веков назад нориджским кафедральным собором и помнившие соответствующие древним традициям православные соборы.

— Веяние времени, — со вздохом пояснили члены Молодежного епархиального союза. — Молодые люди сильно охладели к религии. Считают, что это устарело и не играет серьезной роли. Приходится привлекать молодежь новшествами — модернистской архитектурой, современной музыкой... Когда решили открыть такую церковь, многие, особенно люди старшего возраста, были недовольны, дескать, нарушаются устоявшиеся каноны. Но... молодым понравилось, они стали сюда активнее ходить, так что все правильно. Лучше частично нарушить традиции, чем потерять их совсем.

И все же одно из самых ярких впечатлений на тему традиций и опровергнутых стереотипов я получила не на английском примере. Мы с Машей были приглашены в гости к профессору Тейту — в дом, которым Арчи очень гордился и за который выложил крупную сумму. А все потому, что дом был построен 160 лет назад. Прелести старинного жилища не отложились в моей памяти, равно как «смазались» прочие впечатления о визите, а причиной того стала... Бенедетта.

* * *

Ей было лет двадцать. Она приехала из Италии практиковаться в английском языке, выбрав весьма распространенный способ: нанялась в дом профессора Тейта помогать по хозяйству. Интеллигентный Арчи не держал девушку за прислугу, скорее за свою студентку, пригласил отобедать со всеми, сделав пояснение: Бенедетта — сицилианка.

Что для советского человека 1980-х олицетворяла Сицилия? Разумеется, мафию! О чем советская журналистка непременно должна была спросить жительницу этого острова? Естественно, о мафии! Я и спросила, возможно пролив бестактность, однако получила в ответ интригующую усмешку Арчи:

— Ты хочешь узнать о мафии? Бенедетта может поведать занятную историю. Когда мы с женой ее услышали, были озадачены.

Арчи что-то сказал Бенедетте по-английски, та кивнула с выражением лица, которому вполне соответствовало определение «пожалуйста, хотя не вижу тут ничего особенного», и заговорила. В переводе Арчи эта история выглядела так:

— Я живу в небольшом сицилийском городе в большой семье — у меня есть родители, братья и сестры, дяди и тети... В общем, обычная семья. Однажды я отправилась на базар, а когда вернулась, обнаружила, что у меня украли кошелек. Кошелек был старенький, да и денег в нем оставалось немного, но... в кошельке лежал талисман — подарок бабушки. Совсем не ценный в смысле стоимости, но для меня очень дорогой. Я страшно расстроилась и отправилась в полицию — родители настояли. Хотя понимала, что зацепок нет. Да и не станут искать — у полиции других забот полно, чтобы с моей ерундой связываться. Еще и обругают. В полиции меня не обругали, но обсмеяли. Дескать, растяпа да к тому же наивная. С таким же успехом можно было утопить кошелек в море, а потом просить о помощи водолазов. Я пошла в расстроенных чувствах домой и долго плакала — очень жалко было бабушкин подарок. Талисман ведь не безделица, это совершенно особая вещь.

Дня через три к нам домой заглянул сосед Роберто, и мама рассказала ему про мою беду. Роберто тоже меня обсмеял: нашла к кому идти — к полиции! А потом удивился: почему я не обратилась к нашему квартальному Джованни? Квартальный — это у нас, на Сицилии, «смотрящий» от мафии. Город поделен на кварталы, и в каждом есть человек, который за всем следит. Каждая семья, живущая в квартале, ежемесячно платит своему квартальному небольшую, но обязательную сумму. Я сказала, что неловко с такой мелкой проблемой обращаться к такому серьезному синьору, а Роберто возмутился: «Что значит — не-серьезная проблема? Ваша семья платит мафии? Платит! Вот пусть Джованни и помогает».

И я пошла к Джованни. Долго извинялась, объясняла, что кошелек не жалко и денег не жалко, тем более их было мало, но вот талисман бабушки... Если бы не талисман, я бы никогда не стала беспокоить да и сейчас не насмелилась, но полиция ничего делать не станет, а сосед Роберто посоветовал... Ну и так далее. Джованни довольно хмуро выслушал и велел мне отправляться назад. Я снова расстроилась и даже немного испугалась: все-таки уважаемый мафиозо, а тут я со своей ерундой.

Через пару дней Джованни явился к нам домой. Злющий-презлющий! Но... с моим кошельком, в котором лежал бабушкин талисман и небольшая сумма денег! Я обмерла, а Джованни принялся меня ругать. Дескать, если бы я не была такой душой, не поперлась в полицию, а пришла сразу к нему, то Джованни не пришлось бы из шкуры выворачиваться, чтобы найти пропажу. А самое главное, искренне считал Джованни, что я и моя семья его крепко обидели. Получается, ему, Джованни, не доверяют и он зря получает свои деньги, в том числе от нашей семьи. Хотя он правила чтит, свое дело знает и привык деньги отрабатывать. В общем, на первый раз он нам такую обиду простит, но на второй не простит ни за что!

— Это правда? — поразилась я, имеющая традиционное представление о мафии.

— Правда, — подтвердил Арчи. — Когда я услышал эту историю, сперва не поверил. Но Бенедетта девушка честная, ничего не сочинила, может даже тебе

этот талисман показать. Да и зачем ей сочинять? Просто везде свои традиции. И у сицилийской мафии тоже. Мы знаем только одну сторону и наивно полагаем, что и другая сторона точно такая же. — Он немного помолчал и добавил: — Знаешь, о чем говорили в нашем университете после встречи с вашей группой? О том, что русские сибиряки очень милые и доброжелательные, а большинство наших газет, которые описывают русских чуть ли не монстрами, врут. Или... распространяют придуманные кем-то сказки.

Русский акцент

— Я живу в Англии почти двадцать лет. Я жила в Болгарии, во Франции, но здесь мне нравится больше всего. Наверное, я бы хотела жить в России... Но... знаю, что не смогла бы там жить... — Маша вздыхает, разводит руками, словно извиняется. — Я не осуждаю коммунистов. Я очень далека от политики. Но когда люди живут много лет по определенным правилам, эти правила становятся их жизнью. Я поменять свои правила не смогу. Приноровилась жить здесь, порой в душе посмеиваюсь над англичанами, но я их понимаю и люблю. И знаю, что они тоже ко мне хорошо относятся, хотя иногда посмеиваются надо мной — очень, очень в глубине души, все-таки воспитанные люди! И всегда называют меня русской.

— Ты и есть русская. По характеру, — говорю я.

— Правда? — радуется Маша.

— Истинная правда. Даже удивительно.

— Порой мне снится, что я приезжаю в Россию. Но я никогда не вижу, что там со мной происходит. Просто приезжаю, а дальше — туман. Наверное, потому, что не представляю, как мне там будет.

— Тебе там будет хорошо в гостях. Но не более. Я думаю, ты русская для англичан, а в России... — Я подбираю наиболее точное определение, но находит его сама Маша:

— ... меня станут считать чужой.

Думаю, она была чужой и здесь — на этом отгородившемся морями от прочих земель высокородном острове, веками лелеявшем свое величие и упорно «просеивавшем» людей: свои, которые хороши одним этим, и чужие, кои, возможно, не так плохи, однако все равно чужие.

Возможно, определение «чужая» в данном контексте было слишком категоричным, правильнее в рамках традиционных приличий было бы сказать: «не своя».

Я это не то чтобы поняла, скорее почувствовала — по мимолетным взглядам, едва уловимым улыбкам, скупым жестам окружающих Машу людей. Маша выглядела как остров, вокруг которого плещутся человеческие волны, набегаая на берега и откатываясь назад, не нарушая невидимых четких границ.

Я не была уверена в правильности своих ощущений, но ясность внес Арчи, причем без всяких «подталкиваний», по собственной инициативе, в контексте разговора о русских, которых до Второй мировой войны было в Британии гораздо больше, а после того, как англичане отдали Сталину генерала Краснова с его войском (да, он сотрудничал с немцами, но англичанам сдался добровольно), многие уехали — кто в знак протеста, кто из страха.

— У нас в Норидже есть несколько человек, чьи родители покинули Россию после революции. Они родились в эмиграции, но прекрасно знают свой язык. Их дети тоже отлично знают русский язык. Но... они все — настоящие британцы. Общаясь с ними, никто не поймет, что это не так. А Маша... Она никогда не была в России, но говорит по-английски с русским акцентом. Если мне надо с ней договориться о каких-то тонкостях, нюансах, то проще это сделать на русском. Живет она тоже... с русским акцентом. Несколько не так, немного иначе... я не могу точно сформулировать. Я ее прекрасно понимаю, а многие другие... просто называют ее «русская Маша». Но это не мешает им хорошо к ней относиться.

— ...Ты думаешь, я не знаю, что не такая, как все? Ну не то чтобы совсем не такая, но не совсем такая? — задала Маша в принципе риторический вопрос. — Кстати, вдумайся в смысл этих фраз: «совсем не такая» и «не совсем такая»! Одинаковые слова, но переставь их местами — и получишь другой смысл!

— По крайней мере другой оттенок, другой смысловой акцент, — согласилась я.

— Вот-вот! Арчи, как настоящий знаток, это уловит, а остальные — нет, потому что по-английски я им это не объясню. И вообще далеко не все объясню. Ну, например, почему у меня такое хобби...

* * *

Мы как раз закончили ужин (тот самый, единственный в доме семьи Баркиншоу, с жареными бананами), и Маша, под добродушно-усмешливым взглядом своего мужа, повлекла меня в гостиную.

Она распахнула дверцы шкафа, в глубинах которого на вешалках висели платья и блузки многообразного и необычного, на мой тогдашний взгляд, покроя, с оборками и кантами, кокетками и шнуровками, с рисунками и без, необыкновенно сочных, но не кричащих расцветок. Эти одеяния были сшиты из тонких, дивных на ощупь тканей, которые я никогда не встречала и которые, казалось, были не тканями, а лепестками цветов. Что самое удивительное, все эти одеяния источали тончайший аромат сандала. Такой аромат не утратил индийский веер, купленный моей мамой лет двадцать назад, и хранили духи, изготовленные, если мне не изменяет память, фабрикой «Красная Москва» и приобретенные за смешные деньги — рубля за полтора.

— Ну как? — просияла Маша.

— Красиво! — оценила я, прикинув, что многое я в состоянии сшить сама, а такое вряд ли получится. Слишком замысловато, да и подобных материй не сыщешь.

Хотя одно смутило: пресловутая изнанка, тщательностью которой гордятся портнихи. С изнанки платья выглядели небрежно: словно их сшили на глаз, «на живую руку», не заботясь о ровности строчки и надлежащей обработке краев.

— Не придирайся к мелочам! — отмахнулась Маша. — Это индийские платья! У них такая особенность. Ничего не поделаешь. С изнанки — кустарщина, зато с лицевой стороны!.. прелесть! У нас на них только-только начинается мода. А в России еще нет?

— Нет, — вздохнула я.

В конце концов, черт с ней, с изнанкой! Можно и не разглядывать. Зато с «лица» — глазу радость!

— В Россию она тоже придет, — поспешила заверить Маша. — Сейчас в Россию мода приходит достаточно быстро, и за ней следят.

«Ну да, — подумала я, — мода, может, придет, но мой шкаф обойдет. Такое сам не сварганишь, а в свободной продаже не купишь. Мода на то и есть, чтобы только из-под прилавка выглядывать, причем исключительно по благу».

Я тогда не предполагала, что буквально через три года мода на индийские платья и блузки нагрянет в Россию, без бури и натиска, как это было с джинсами, вельветовыми штанами и накладными плечами, а спокойно и ненадолго. И я, благодаря Машиним дарам, тоже спокойно и тоже недолго похожу в первых модницах. Более того, я опережу моду на пару лет, и люди станут на меня оборачиваться, разглядывая невиданные доселе одежды.

— Это и есть мое хобби! — Маша, словно пианистка, пробежала пальцами по плечикам развешанного в шкафу добра.

— Ты коллекционируешь платья?

Маша засмеялась:

— Я их продаю! Покупаю оптом в Лондоне у своего поставщика — настоящего индийца! — а затем перепродаю. Но как я это делаю, о!.. Представь: в моей гостиной собираются женщины, человек десять-пятнадцать, мы пьем кофе, чай, едим пирожные, общаемся... И между беседами я показываю одежду, которую любая может примерить и продемонстрировать другим, ну и купить, естественно... И покупают! Причем очень охотно! Во-первых, я делаю совсем небольшую наценку, поэтому все это недорого. А во-вторых... атмосфера! Это в магазине тебе будут улыбаться и чуть ли не кланяться, но все равно формально, лишь бы товар с рук сбыть...

В 1981 году человек из СССР мог лишь теоретически представить, как в родном советском магазине ему кланяются. Наоборот, кланялись продавцам, и английские аристократы обзавидовались бы реверансам, какие милостиво, а чаще пренебрежительно принимали от покупателей тетки, приставленные к шмоткам или, к примеру, обычному мясу.

— ...У меня все по-домашнему, по-свойски... и даже где-то празднично... Когда у людей прекрасное настроение, они охотно покупают мои прекрасные платья. Я занялась этим пару лет назад, довольно случайно, но мне так понравилось!.. Это оказалось так увлекательно!.. Но — обидно...

— Обидно? — не поняла я.

В советском представлении то, чем занималась Маша, имело иное определение. Подобные люди назывались фарцовщиками, спекулянтами и у приличных — в интеллигентском понимании этого слова — людей вызывали чувство если не гнева, то презрения.

— Да, обидно. Почему я не увлеклась этим, когда была моложе? Я бы сегодня имела кучу денег! Потому что у меня есть к этому талант. Но вот как-то в голову раньше не приходило. Сегодня кое-что заработать удастся, но это исключительно хобби. В России из-за него меня бы посадили в тюрьму за спекуляцию! У вас ведь так называется мое хобби? У вас за спекуляцию могут посадить в тюрьму, хотя одна половина народа этим занимается, а другая половина у этой первой покупает.

— Ты сильно преувеличиваешь, — попыталась я заступиться за сограждан, но Маша посмотрела понимающе и улыбнулась сочувствующе:

— Я знаю. В России есть нефть и алмазы, ядерное оружие и космические ракеты, великолепный балет и потрясающий ансамбль песни и пляски Советской армии... Да-да, именно этот ансамбль! Ты не была на концерте этого ансамбля? Ну-у-у... ты много потеряла! Так вот, в России много чего есть, но в России совершенно не любят женщин!

— При чем здесь женщины? — опешила я.

— Как же? — удивилась в свою очередь Маша. — В России вечный дефицит красивой и модной одежды, которую так любят женщины! Это ужасно! — Она пригладила воротничок, поправила складки своего красивого платья. — Слава богу, есть люди, которые пытаются как-то решить эту проблему. А их за это называют спекулянтами и сажают в тюрьму!

— Они накручивают цену в разы! — произнесла я с презрением человека, считающего себя интеллигентом. — Какие-нибудь джинсы стоят больше двух моих месячных зарплат!

— Кошмар! — возмутилась Маша. — Нормальные коммерсанты так не поступают! Я такое себе не позволяю! Я... — неожиданно Маша прыснула, — в такую забавную историю попала нынешним летом! Поехала в Испанию. Там у меня домик, несколько лет назад очень удачно купила по дешевке. Разумеется, не на курорте, в обычной деревне, но деревушка славная, и люди там тоже славные... В общем, поехала... Через Ла-Манш по морю, а потом через Францию на автобусе. В автобусе моими соседками оказались две девушки лет двадцати. Мы познакомились, разговорились... и я им рассказала об индийских платьях. Как раз везла с собой несколько штук. Испанская деревня, конечно, не город, но и там женщины приодеться любят. Девушки очень заинтересовались. На ближайшей остановке я им платья показала, и они купили себе по обновке. А потом я заметила: автобус останавливается возле кафе, а девушки ничего не едят, лишь кофе берут. Один раз заметила, второй... Я не выдержала: «Вы чего голодаете? И так худенькие». Они смутились, какую-то ерунду начали нести... И тут я догадалась! Спросила: «Вы почти все деньги на платья потратили?» Оказалось, почти все. Оставшуюся дорогу я их кормила. Они, как приличные английские барышни, пытались отказываться, но я настояла! Так и доехали — девушки с платьями и сытые, а я с убытками!

На этих словах Маша расхохоталась — искренне, с удовольствием, как будто прокрутила исключительно выгодную сделку и еще награды удостоилась.

* * *

«Маша очень забавный коммерсант! Я таких никогда не видел. Это, наверное, потому, что она русская!..» — так сказал мне индеец Радж во время моей второй поездки в Англию, в 1984 году. С владельцем магазина индийской одежды в Лондоне Раджем меня познакомила Маша. Причем с соответствующим пояснением:

— Он мой поставщик, я с ним имею дело уже несколько лет, и его магазин находится на Бейкер-стрит.

— На той самой, куда Конан Дойл поселил Шерлока Холмса?

— Именно! Но не это самое интересное. Улица как улица, — отмахнулась Маша. — А вот Радж — человек особенный. Тебе будет интересно с ним познакомиться. И прежде всего знаешь почему? Потому, — Маша понизила голос, — что он коммунист. Я понятия не имею, состоит ли он в коммунистической

партии, но его герои — Карл Маркс и Владимир Ленин. Я об этом помалкиваю... не те времена... консерваторы с Маргарет Тэтчер коммунистов сильно не жалуют, а у Раджа в Индии большая семья, ее надо кормить... Но человек он замечательный!

Замечательный человек Радж оказался мужичком средних лет с ласковыми глазами и широченной улыбкой, который сразу после «Хэллоу!» заявил мне на ломаном, но терпимом русском языке:

— Я счастлив познакомиться с девушкой из Советского Союза, потому что я — коммунист! Мои герои — Карл Маркс и Ленин. Я специально стал учить русский язык. Это язык всех коммунистов, а я хочу, чтобы во всем мире был коммунизм!

— Может, начать с социализма? — поинтересовалась я, уже понимавшая, что всеобщего рая на земле никогда не будет.

— Нет! — отрезал Радж. — У социализма слишком много недостатков. Например, он запрещает частную торговлю. — Владелец магазина с любовью обвел взглядом стойки с многоцветным добром. — За это даже могут посадить в тюрьму! — Темное, словно прокопченное, лицо индийца явственно побледнело. — Я хочу, чтобы был коммунизм, потому что при коммунизме нет бедных. И любой человек сможет прийти ко мне в магазин и купить любую одежду! — просиял счастливой улыбкой торговец.

— При коммунизме не будет денег, — напомнила я.

— Да-а-а?... — озадачился Радж, которому такие последствия торжества лелеемой им общественной формации в голову не приходили, затем подумал и, заговорщицки подмигнув, выдал: — Коммунизм еще никто не построил, значит, кое-что можно доделать. Например, оставить деньги. Это будет правильно.

И поклонник Ленина с Марксом (интересно, немецкий язык он тоже учил или ограничился русским?) что-то затарахтел по-английски Маше, которая закивала и, бросив мне: «Подожди, поступила новая коллекция, я пойду гляну», исчезла в глубинах магазина.

Между тем Радж принялся угощать меня фантастическим кофе, разумеется, бесплатно. Вот тогда, с удовольствием наблюдая, как я блаженствую от превосходного напитка, Радж и произнес фразу про коммерческую необычность Маши.

— У меня с ней была забавная история... — принялся он развивать собственный тезис. — Вернее, историй было несколько, но они похожие. — Радж засмеялся. — Маша купила у меня партию платьев, заплатила и уехала. Я смотрю: заплатила за десять, а забрала одиннадцать. Думаю: ошиблась, что ли? Да и я недоглядел... Решил: подожду пару дней, а потом позвоню. Вечером она сама звонит и весело спрашивает: «Что, Радж, проторговался? Здорово я тебя обманула? Не печалься! Я уже перевела тебе деньги за лишнее платье!» В другой раз она заплатила меньше, чем договаривались. Я это тоже заметил, но из любопытства промолчал. Так она снова перезвонила, повеселилась, деньги вернула да еще подарочек прислала. В общем, Маша регулярно что-нибудь эдакое выкидывает. Очень ей интересно так извернуться, чтобы меня вокруг пальца обвести. А я подыгрываю — почему бы не подыграть такой замечательной женщине? Ведь она все равно все по-честному сделает и еще презентом отблагодарит. Вот я и говорю: она очень забавный коммерсант. У нас здесь таких нет. Она одна. Наверное, потому, что она русская.

На этих словах Маша выплыла из глубин магазина, обвешанная платьями, стряхнула их на прилавок и скомандовала, обращаясь ко мне:

— Выбери, что понравится! А потом пройди по магазину, может, еще что глянется!

Это Машино «выбери» мне было знакомо. В 1981 году она тоже широким жестом выворачивала внутренности своих шкафов, требуя, чтобы я сама себе определила подарки. Зная, какие гроши нам меняли в СССР, Маша не предлагала мне что-нибудь купить. Но и сейчас, как и тогда, я уперлась: «Премного благодарна, но мне ничего не надо!» (У нас, русских, собственная гордость!)

Однако между «тогда», в 1981-м, и «сейчас», в 1984-м, был 1982 год, когда в Новосибирск приезжал Арчи Тейт, и я изменила своим принципам.

* * *

Я встречала Арчи на железнодорожном вокзале (отчего-то английская делегация прибыла из Москвы в Новосибирск на поезде), и профессор Тейт, единственный из всей группы, появился на перроне не только с чемоданом, но и с объемистой сумкой.

— Это тебе, — он протянул сумку, — от Маши. Я тебя прошу все понять правильно... — Арчи виновато вздохнул. — Здесь какая-то одежда, обувь... в общем, Маша всякого разного насобираала... уверен, это вполне приличные вещи...

Я вытаращила глаза от изумления. У профессора Тейта было такое лицо, будто он привез что-то унижительное, например мешок с драными половыми тряпками.

— ...Я уверен, здесь все очень приличное... у Маши неплохой вкус... но... — принялся оправдываться Арчи. — Я пытался ей объяснить, что дарить приличной девушке сумку даже с очень приличными вещами — неприлично. Однако Маша... В общем, прошу тебя не обижаться... Она от чистого сердца! Она такая, какая есть, и не следует ее судить слишком строго.

Распаковав поклажу дома, я вновь вытаращила глаза. На сей раз от восторга. В сумке лежала дивная одежда, от индийских платьев до изысканного пеньюара, плюс три пары изумительных туфель знаменитой фирмы Bally — более удобной обуви в советское время у меня не было.

А еще лежало письмо, в котором Маша рассказывала о своем житье-бытье и о том, как заставляла Арчи захватить подарки, а он пытался увернуться. «Не обижайся на нашего милого профессора, — просила Маша, — он истинный англичанин и опасается, что ты воспримешь все как милостыню. Арчи многое знает про Россию, но некоторые вещи не в состоянии понять. Привезти в подарок красивые платья для него неприлично, а вручить какую-нибудь ерунду вроде набора открыток — в рамках этикета. В конце концов я привела ему ударный аргумент: мы — русские, для нас это нормально. Он поохал, но согласился».

К слову, от себя Арчи подарил не набор открыток, а полотенце с видами Великобритании.

Так вот, через два года после визита Арчи, в лондонском магазине индийца Раджа, Маша безапелляционно заявила, чтобы я выбрала себе наряды по вкусу. На этот раз я сильно упираться не стала, понимая: если откажусь, она искренне обидится. Не могла русская Маша отпустить советскую знакомую без подарка!

Но на этом дело не кончилось. Спустя несколько лет, в самом конце 1980-х, когда Британия перестала быть для Советского Союза в Европе врагом № 1, а Маргарет Тэтчер едва ли не задружилась с последним генеральным секретарем ЦК КПСС Михаилом Горбачевым, у меня дома раздался телефонный звонок.

Незнакомый мужской голос сообщил, что он студент из Иркутска, был с группой сокурсников в английском Норидже, где познакомился с Машей Баркиншоу. Узнав, что парень будет проездом в Новосибирске, она передала для меня маленький презент. Им оказались золотые сережки, которые честный посланник и доставил мне.

Еще через год ко мне домой пришли две девушки, опять-таки студентки, на сей раз из Новосибирска, и поведали историю, с их точки зрения совершенно необычную.

Девушек в составе небольшой группы отправили на месяц в какой-то (уже запамятовала, в какой) британский город на стажировку для совершенствования английского языка. Для более эффективного «погружения в среду», а также явно для экономии средств их поселили в семье, которая за это получала финансовую компенсацию, а заодно удовлетворяла любопытство. Это было то время, когда русские по Британии еще стадами не ходили, попадаясь в единичных, а потому особо привлекательных экземплярах. Встретили девушек с традиционной для англичан любезностью, но без свойственного русским размахом. Гости привезли щедрые подарки, которые были с удовольствием приняты, однако не были вознаграждены в ответ даже набором открыток, не говоря о полотенцах с видами Британии.

В один из дней студентов повезли в Лондон. Ознакомили с достопримечательностями и отпустили самостоятельно прогуляться, упомянув, что совсем рядом находится знаменитая Бейкер-стрит. Девушки туда отправились, однако не впечатлились — улица как улица, ничего особенного. Приедешь домой, скажешь: «О, где мы побывали!» — а поведать будет не о чем. Ну прогулялись по Бейкер-стрит, посидели там на лавочке...

Они действительно сели на лавочку рядом с какой-то магазинной витриной. На эти витрины девушки старались не засматриваться, дабы не расстраиваться: советская власть уже ослабила политическую хватку, но в последних конвульсиях еще крепко сжимала кошельки своих граждан. Для выезда за рубеж по-прежнему меняли сущие гроши.

И тут они услышали по-русски:

— Вы не из России?!

Около входа в магазин с самым восторженным видом стояла незнакомая дама.

— Мы из Советского Союза.

— Боже мой! — восхитилась дама. — Я услышала русскую речь! Как это замечательно!

— Мы из Сибири. Там есть такой город — Новосибирск, — пояснили студентки.

— Не может быть! — едва не задохнулась от счастья незнакомка, подскочила к девчонкам и уволокла их вглубь магазина.

Дальше все произошло, как в романе, — не детективном, как следовало бы ожидать от Бейкер-стрит, а фантастическом, ибо было совершенно неожиданно.

Эксцентричная женщина представилась Машей Баркиншоу, рассказала про меня, порасспрашивала девочку про их житье-бытье, познакомила с владельцем магазина индийцем Раджем, напоила кофе, накормила пирожными и — чудеса чудесные на просторах Британии! — подарила обеим по красивой блузке. Плюс вручила супермодную кофточку, которую следовало доставить мне.

Когда студентки поведали о приключении хозяевам приютившего их английского дома и продемонстрировали наряды, те поначалу растерялись от невероятности этой истории. Но под конец напряженного мыслительного процесса вынесли вердикт: поскольку щедрая дама — русская, то этим, видимо, все и объясняется.

— Вообще-то англичане не жадные. Просто они не умеют делать подарки без повода, только для того, чтобы порадовать, — сделали заключение девушки. — Но наши подарки принимали с удовольствием.

Я согласилась, хотя вспомнила один «выпадающий» пример.

* * *

В том же 1981 году, переехав из Нориджа в Лондон, в промежутке между двумя экскурсиями мы всей группой набрали на большой книжный магазин, где имелся отдел литературы на русском языке. Для читающих людей, которые добывали хорошие книги с еще большим трудом, нежели копченую колбасу, это стало серьезным испытанием. В русском отделе было на что посмотреть! И тяжело вздохнуть: литература была высокоценная не только в переносном, но и в прямом смысле. Почти десять фунтов (при обменных нам сорока двух) стоил роман Булгакова «Мастер и Маргарита». Я читала его в старом потрепанном журнале, вышедшем в 1960-х годах, и даже не предполагала, что это полузапрещенное произведение было издано совсем недавно в Ленинграде, причем на высоком полиграфическом уровне. В Советском Союзе эту книгу вряд ли можно было найти в продаже, а в Лондоне она свободно стояла на полке.

Мы, представители советской читающей молодежи, бродили меж стеллажей, сверкая завистливыми глазами и слатывая горькую слону: наши скромные финансы соответствовали выражению «видит око, да зуб неймет». И вдруг перед нами возникли мужчина и женщина, заговорившие на ломаном русском языке:

— Здравствуйте, господа! Насколько мы понимаем, вы из России. Есть ли среди вас литераторы?

— Есть, — растерялись господа и дружно вытолкнули вперед меня. — Она журналист.

— О! — обрадовались незнакомцы. — Замечательно! У нас есть для вас прекрасный подарок!

— Подарок?! — обомлела я, успевшая уяснить, что от англичан подарков не дождешься, а у этих двоих английская родословная была написана на лицах.

— Да-да! Подарок! Он вам понравится, только его с нами нет. Но если вы оставите свой адрес, сегодня вечером мы его завезем.

Обалдев от такого поворота и потеряв бдительность, я назвала адрес. А чуть позже поведала об этой встрече нашим кураторшам Гейл и Хиллари. Веселая Гейл рассмеялась (прямо сказка какая-то!), а серьезная Хиллари недоверчиво повела плечами (странная история). Однако, вернувшись вечером домой — не в гостиницу, а в настоящий дом, расположенный в двух шагах от Сити

и принадлежащий нориджскому Молодежному епархиальному союзу, — мы всей нашей группой обнаружили в холле ту самую странную парочку. Завидев меня, мужчина и женщина просияли так, словно это я намеревалась вручить им шикарный презент.

— Это вам, очень ценные и редкие книги. Вы будете довольны! — провозгласили они и исчезли прежде, чем я успела опомниться и промямлить «спасибо».

В переданном мне пакете лежал двухтомник издательства «Флегон». Чтобы вздрогнуть, мне не надо было эти книжки даже открывать. Хватило одного названия: «Вокруг Солженицына».

Человек, который спустя десятилетие вернулся в Россию едва ли не как мессия, в 1981 году официально считался чуть ли не врагом народа. Его имя следовало произносить с гневом, а любой отпечатанный лист с его фамилией надлежало изорвать, сжечь и развеять пепел над помойкой.

Не скрою: искушение запихнуть презент в чемодан прямо-таки вгрызлось в меня железными челюстями. Но я была корреспондентом областной партийной газеты, а не диссидентствующим героем и потому разжала «челюсти» твердой рукой. И этой самой рукой вручила за ужином книжки Гейл и Хиллари. Те обомлели, залепетали «какой дорогой подарок, мы очень признательны», а я со значением покосилась на товарищей по отдыху: дескать, вы видели, что мне вручили, а теперь посмотрите, что я с этим сделала.

Тем не менее пробежать глазами запрещенную литературу я успела. Беглого взгляда хватило, чтобы понять: в издании речь шла не о произведениях Солженицына, а о нем самом, и не только о нем (недаром в заглавии фигурировало слово «вокруг»). Причем в сатирическо-издевательском ключе, с матерными стишками и частушками, крупной карикатурой, изображающей Александра Исаевича в непотребной позе. Автор с фамилией, совпадающей с названием издательства, буквально топтался на герое своего произведения, хотя, возможно, я не уловила всех тонкостей — все же взгляд был беглым.

В нынешние времена, благодаря интернету, я внесла для себя определенную ясность. Оказывается, двухтомник тиражом всего в одну тысячу экземпляров продавался лишь один день, после чего был арестован и уничтожен по требованию А. И. Солженицына. Так что правы были те, кто подарил мне книги, — презент реально был очень ценным.

После возвращения из турпоездки я пожаловалась не кому-нибудь, а майору КГБ Сереже:

— Правильно, что я побоялась вывезти эти книжки. Но обидно ужасно!

— Подавись своей обидой, — посоветовал Сережа. — Эти двое идиотов или, кто их знает, провокаторов всучили тебе книженции на глазах всей группы. Ты хотела, чтобы кто-нибудь из них на тебя наступал?

— Например, ты? По долгу службы? — ехидно осведомилась я.

— Тогда твоей карьере были бы кранты. И, возможно, не только карьере, — проигнорировал мое ехидство майор КГБ. — Запрещенные книжки в страну ввозить — это как? Хорошо, у тебя ума хватило передарить подарочек тоже у всех на глазах. Но даже если бы никто не наступал, тебя бы замели на границе. Просветили бы твой чемодан и... Помнишь, как трясли Булгакова?

Я помнила. Это было потрясающее зрелище!

Одна из наших девушек разорилась и купила в Англии «Мастера и Маргариту». На границе — советской, естественно, — ее тормознули.

Попросили открыть чемодан и вытащили том Булгакова. Сначала его внимательно рассматривали, вертели и щупали. Раза три читали название издательства. Слово «Лениздат» одновременно успокаивало и вызывало недоумение. Похоже, таможенники тоже не предполагали о существовании такой книги. Потом один куда-то позвонил, и через пару минут появился его коллега с крайне серьезным лицом и длинными, как у пианиста Ван Клиберна, пальцами. Этими пальцами он стал вытворять нечто виртуозно-вдохновенное, замысловатыми виражами пробегая по внешней и внутренней сторонам книги, выгибая и складывая, словно крылья, обложку, перебирая, как опытный бухгалтер купюры, страницы... Наблюдая со стороны, невозможно было не восхититься красотой движений. На то, чтобы обследовать книгу до, кажется, миллиметра, мастеру потребовалась пара минут, после чего он кивнул головой и молча протянул книгу владельцу.

— Ты все сделала правильно, — похвалил Сережа. — Я про этот опус навел справки. Фигня. Ради такой дешевки не стоило рисковать.

* * *

...Покидая в 1982 году хлебосольный дом моих родителей, обычно сдержанный профессор Тейт расчувствовался.

— Мне давно не было так хорошо в гостях, — сказал он без привычной интеллигентной любезности, но с совершенно искренней грустью. — Если бы сейчас с нами оказалась Маша... она была бы по-настоящему счастлива! Она не завистливый человек, но она так завидовала, что я еду в Россию, к тебе... Ее многие не понимают. Как можно тосковать о том, чего никогда не видел? А я ее понимаю: ностальгия — очень русская черта.

Мы провожали Арчи и Робина до гостиницы всей компанией. Было около часа ночи, общественный транспорт уже спал, а такси, в отличие от нынешних времен, можно было заказать по телефону с такой же вероятностью, как космическую ракету. Мы шли по ночному городу, который, также в отличие от нынешних времен, был почти пуст, ни людей, ни машин, и вдруг увидели припозднившийся пустой автобус. Мы так отчаянно замахали руками, что водитель притормозил и высунулся в окно.

— Пожалуйста, подвезите нас до гостиницы! Идти далеко, мы устали, а с нами двое англичан! — принялась я уговаривать.

— Англичане? Настоящие? — шофер, который, как и многие советские люди той поры, испытывал особый интерес к иностранцам, был заинтригован. — А не врешь?

— Ноу! Ноу! Бритиш! Мы самые настоящие англичане! — подхватил Арчи, нарочито усугубляя свой не слишком большой акцент.

— Ладно, залезайте! — скомандовал шофер и распахнул двери.

Водитель автобуса оказался не только любопытным, но и веселым человеком. Потому что минуты через три вдруг воззвал через микрофон:

— Вы что, молодежь, притихли? Ну-ка, покажем англичанам, как мы умеем петь!

И первым затянул то, что во всем мире считалось чуть ли не русским гимном, — «Подмосковные вечера».

Наша дружная компания подхватила, а громче всех — воспитанный в сдержанности и соблюдении приличий истинный британец Арчи Тейт. Сын одного

из богатейших людей Англии Робин, никогда не едавший ничего вкуснее капустных пирогов моей мамы и не знающий ни слова по-русски, радостно подмурлыкивал своему наставнику.

Водитель автобуса довез нас до гостиницы, категорически отказавшись взять деньги за проезд. А Арчи сказал:

— Если я кому-нибудь дома признаюсь, что ехал в автобусе, как в такси, причем бесплатно, и глубокой ночью горланил русские песни, мне ни за что не поверят! Да я бы сам не поверил! Я вообще не пел лет сто! — Он помолчал и добавил: — Только Маша сочтет это нормальным. И позавидует, что ее не было с нами.

* * *

В начале 1990-х годов раздался телефонный звонок из Нориджа.

— Ира! Такое счастье! Ты представляешь, я еду в Россию! Моя мечта сбывается! — ликовала Маша. — Я не доберусь до Сибири, это очень далеко, но ты сможешь выбраться в Москву или Петербург?

— Смогу! — обрадовалась я, отринув расстояние в более чем три тысячи километров, отделяющее Новосибирск от столиц.

— Тогда я тебе перезвоню, сообщу точные даты! Ты не представляешь, как я счастлива!

Недели через две Маша перезвонила вновь и прорыдала в трубку:

— Я никуда не поеду. Я упала и сломала шейку бедра. Меня ждет сложная операция. Я не знаю, что будет дальше. Мне ведь немало лет... Боже, неужели я никогда не увижу Россию?..

Несколько заключительных слов

Еще в середине восьмидесятых Арчи Тейт покинул свой старинный дом в Норидже, переселившись в Бирмингем, где получил должность профессора университета. После чего вдруг исчез из моей жизни. В 2017 году моя сокурсница Людмила, давно переселившаяся в Англию, попыталась узнать о судьбе Арчи. Но в Бирмингемском университете давно закрылись и факультет, и кафедра, где преподавали русский язык и литературу, и никто ничего не знал о профессоре Тейте.

Как-то необъяснимо выпала из моей жизни и Маша Баркиншоу, урожденная светлейшая княжна Ливен. В том же 2017 году я попыталась позвонить по номеру телефона, который сохранился с 1980-х годов, но телефон оказался недоступен. Печальный звонок о невозможности приехать в Россию оказался последним мгновением нашего общения.

В Англии давно перестали воспринимать русских как диковинку, а сибиряков — как экзотику. Наши сограждане обжили Британию, словно пчелы улей. Границы есть, но нет препятствий.

А я вспоминаю старых друзей. Что с ними стало? И живы ли они? Не знаю... Но мои воспоминания столь отчетливы, что я готова повторить: все сказанное здесь — истинная правда.

Дмитрий ЕРМАКОВ

ОТ ЗЕМЛИ. ВАСИЛИЙ ШУКШИН

Мой Шукшин

Где-то я слышал, что писать о ком-то знаменитом в стиле «я и...» — неправильно, плохо... А почему? Что плохого в том, что я расскажу, как впервые прочитал Шукшина, или увидел на экране, или услышал его имя, какое это на меня произвело впечатление, какие вызвало воспоминания и мысли?.. Ведь это было только со мной... По большому счету, было с тысячами или даже с миллионами, но именно так, именно в этом месте, именно в это время — только со мной. Почему я не могу об этом рассказать? Кто может мне запретить? Другое дело, будет ли это интересно кому-то, кроме меня...

Приведу один, самый запомнившийся мне случай, связанный с именем Шукшина. Впрочем, это подтверждает, что имя я уже слышал и оно меня интересовало...

Помню, на старой квартире, в деревянном доме, сижу в кухне у печки, а мой брат Николай (средний из нас троих) рассказывает:

— К Шукшину у пивнухи подходит один. «Ты, — говорит, — в Воркуте не сидел?» «Нет», — отвечает. «А такого-то не знал?» Тут Шукшин челюсть вперед выставил и говорит: «Я таких, как ты, мразь, пятнадцать лет из парашки поил. Пошел отсюда!»

Так я это вижу и слышу через моего брата. Потом много лет я не понимал, откуда он этот эпизод знает? Где читал, в какой передаче видел?.. И только совсем недавно узнал, что в 1981 году в журнале «Наш современник» выходила повесть Игнатия Пономарева «Василий Шукшин». Недавно ее перепечатал журнал «Сибирь». Я прочитал, узнал эпизод и вспомнил случай из жизни. Это даже интересно — получается, мой брат, бродяга-романтик, простой работяга, только что вернувшийся из Сибири, с БАМа, читал в 1981 году «Наш современник»? И, скорее всего, прочитал эту повесть из-за вынесенного в заголовок имени Василия Шукшина...

Потом в мою жизнь пришли рассказы и фильмы Шукшина «Печки-лавочки» и «Калина красная». Затем — «Я пришел дать вам волю»: чтение и перечитывание. Позже чтение и перечитывание остального — рассказов, повестей, пьес. Так приходил ко мне Шукшин...

А отец, о котором думаю все больше и чаще?.. Никогда не слышал я от него имени Шукшина, но, читая рассказы, часто вспоминаю отца. Было в нем что-то от «чудика», от «Стеньки Разина», а в целом — от страдающей русской души мужика, который мог сделать любую работу, имел на все свое мнение, выпивал... Разве не о таких мужиках писал Шукшин?

Еще мой отец, как и Шукшин, очень любил романс «Гори, гори, моя звезда». Также Шукшин близок мне тем, что дружил с писателем Василием Беловым, бывал на его родине, в деревне Тимонихе. Он мне родной, как Белов, как мои братья, как отец... Так его и чувствую — родным, злым, слезливо-нервным (но не слабым), беспомощно открытым, жаждущим справедливости, ищущим веры, добрым, своим...

Впервые я прочитал рассказы Шукшина в четырнадцать лет. Взял в школьной библиотеке какой-то из его сборников. Врезались в память «Космос, нервная система и шмат сала», «Сапожки», «Крепкий мужик», «Мой зять украл машину дров», «Мастер», «Алеша Бесконвойный», «Микроскоп»... Рассказ «Верую» я не мог понять по молодости лет. Но он беспокоил меня своей напряженностью, и я запомнил из него многие фразы. Тем более что связано это было и с именем Есенина, которого я в том возрасте тоже открывал для себя...

Тогда же или позже меня не мог не заинтересовать рассказ «Митька Ермаков рассказывает». Ведь именно так — Митька — называл меня отец. Что я мог в четырнадцать лет понять, например, в рассказе «Сапожки»? А ведь все понял. Даже последнюю фразу: «Ну, иди...» Со стыдливостью некоторой, но понял.

Или «Алеша Бесконвойный»...

Бесконвойный

Хотел заново перечитать этот рассказ и «разобрать», а не могу. Это какая-то магия. Алеша Бесконвойный — деревенское прозвище Кости. Нигде не говорится, откуда появилось такое прозвище, оно отсылает к конвою, а он — «бесконвойный». В один пасмурный позднеоктябрьский денек колю дровишки, топлю баню, предвкушаю... А ведь не просто про себя читаю рассказ, но уже живу в нем.

Заметил слово, которое Василий Макарович, видимо, позаимствовал у Василия Белова, из «Привычного дела», — «чеснок» — про детишек: «У него пятеро ребятишек, из них только старший добрался до десятого класса, остальной чеснок сидел где-то еще во втором, в третьем, в пятом...» Теперь не поймешь, получилось это неосознанно или сознательно — заметят, ну и пусть... Действительно, «пусть» — вот я заметил и только спасибо скажу за возможность вспомнить и Василия Ивановича... Или вот понимаю, что нельзя в одном предложении однокоренные слова употреблять, а у Шукшина не то что в одном, а друг за другом однокоренные: «Потом в верхнем правом углу дома, где всегда гудело, загудело — ветер налачился». Ну и пусть, зато я слышу этот ветер, это непрерывное гудение... Мне хорошо, я предвкушаю парилку, и немного тревожно — не нарушил бы кто это радостное одиночество.

...Мой отец не парился, нельзя ему было (больное сердце). Мы ходили с ним в баню без парилки. Зато он любил свободу охоты и дикого леса. И пьяная свобода его не миновала... Многих не миновала.

А у шукшинского Кости-Алеши — баня... Готовит баню человек, парится, вспоминает заветные моменты жизни... Ему хорошо... И хорошо, что после бани, едва отдохнул, возвращаются простые деревенские заботы: загнать и накормить «боровушку», еще что-то... «Баня кончилась. Суббота еще не кончилась, но баня уже кончилась». Что тут еще скажешь?..

Как я после парилки — перевел дух, отдохнул... и подумал: откуда Шукшин все это знает, часто ли в бане парился, готовил ли баню?.. Отца он не знал, отчим погиб на фронте... Может, с дедом... Или взрослым бывал с мужиками в бане. Но это все не то. Откуда он, например, знает про обломанный сучок на клене рядом с баней, что на нем тряпка сушится, которой он в бане полы драил?!.

У Белова он в бане парился... Но это другой опыт. А так, чтоб от утреннего дождичка и до вечера, подробно, — может, единственный раз в жизни — только в этом рассказе — и побывал. Да, да. Лишь мысленно он смог так попариться, в реальности не было ни времени, ни места. Однако какая цепкая память, какое внимание к деталям — по частичкам, по разговорам, по своему незначительному опыту так написал, что я для себя узнал, как запарить веник, как сначала погреться, потом пробежаться этим веником, чуть касаясь горячими листьями кожи, от пяток до головы... Я полюбил баню благодаря рассказу Шукшина. Он убедил меня.

Конечно, рассказ не о том, как мужик в баню ходил. Он о свободе, о том, что надо хоть в субботу, хоть в бане быть свободным. Или в лесу... Да где угодно, но у человека должны быть время и место для праздника души! Это рассказ о том, что душа человеческая неприкосновенна.

Дайте человеку на несколько часов свободу, праздник, не стойте над душой — и он сделает любую работу. Русский мужик, он все умеет, все может — он бесконвойный.

Простая душа (необходимость Чудика)

«Звали его — Василий Егорыч Князев. Было ему тридцать девять лет от роду. Он работал киномехаником в селе. Обожал сыщиков и собак. В детстве мечтал быть шпионом». Так заканчивается рассказ, герой которого — чудаковенный дурачок. Чудик, что стало именем нарицательным. Говорят: «шукшинские чудики»...

Начинается рассказ словами: «Жена называла его — Чудик. Иногда ласково». Иногда ласково... И замуж ведь пошла за него... Значит, все-таки любила... Предположу, что и жена брата (такого же чудика) тоже любила своего чудика. Но двух чудиков в доме терпеть — это перебор.

В основу рассказа легла командировка Шукшина на родину, на Алтай. Много из описанного реально случилось с ним — потерянная пятидесятирублевка, приземление самолета на картофельном поле...

Написан рассказ нарочито просто: «Чудик обладал одной особенностью: с ним постоянно что-нибудь случалось. Он не хотел этого, страдал, но то и дело влипал в какие-нибудь истории — мелкие, впрочем, но досадные. Вот эпизоды одной его поездки...» И так далее в том же стиле. Ни тебе красивого пейзажа, ни тяжких раздумий...

Не считать же тяжкими раздумьями это: «Да почему же я такой есть-то? — вслух горько рассуждал Чудик. — Что теперь делать?..» Это после того,

как постеснялся зайти в магазин и сказать, что пятьдесят рублей, о которых только что весело говорил, потерял он сам. Хотя разве это не тяжкие раздумья, высказанные простыми словами?

Этот Чудик ведь и правда делает глупости — шумит в квартире, а приехав в гости к брату, разрисовывает детскую коляску (это уж «совсем!»)...

То ли дело «ответственные работники», на которых насмотрелась жена брата — буфетчица «в управлении». Они в простоте слова не скажут, держать себя умеют солидно.

Каждый из нас вспомнит такого — он сегодня одно солидно или ехидно говорит, завтра другое. Словечки непонятные, но тоже «солидные» вставляет, многозначительно улыбается (ухмыляется)... Становится стыдно — ведь и я, как Чудик, старался «солидному» подражать, «умно» рассуждать, многозначительно улыбаться. Пока не понял, что надо быть собой, а этот «солидный» — на самом деле пустой.

Чудик вовсе не дурачок. Он простодушный, доверчивый, не злопамятный, добрый. Не за эту ли доброту выходят замуж за чудиков, детей от них рожают? Уж потом понасмотрятся на «солидных»...

Наш Иванушка-дурачок, главный положительный герой наших сказок, — тот же Чудик. В простоте своей он и оказывается самым умным, находчивым и смелым, и царевна достается ему.

Как получается, что и обидно за шукшинского Чудика, и досадуешь на него («ты, парень, совсем-то не будь простаком, нельзя уж так-то!»), и радуешься вместе с ним?

Домой Чудик приехал, когда шел рясный парной дождик. Чудик вышел из автобуса, снял новые ботинки, побежал по теплой мокрой земле — в одной руке чемодан, в другой ботинки. Подпрыгивал и пел громко:

— Тополя-а-а, тополя-а...

С одного края небо уже очистилось, голубело, и близко где-то было солнышко. И дождик редел, шлепал крупными каплями в лужи; в них вздувались и лопались пузыри.

Единственный пейзаж в этом простом рассказе. Тут вспоминаю себя в детстве: бегали под теплым дождиком по разъезженной деревенской грязи босиком, по щиколотки в теплой парной грязи... И пузыри вздувались и лопались.

Спасибо чудикам. Как нужны, необходимы люди, сохранившие в себе детство. Но страшно: вдруг же обидится эта простая душа. От Чудика до Стеньки Разина — один шаг. А у Стеньки одна дорога — по колени в крови, на плаху. Об этом тоже предупредил нас Шукшин.

Он пришел дать нам волю

Наверное, в жизни каждого человека был момент первого соприкосновения с творчеством, узнавания Василия Шукшина. Для кого-то это были его первые роли в кино («Два Федора», «Золотой эшелон»), ранние режиссерские работы («Из Лебяжьего сообщают», «Живет такой парень»). Кто-то сразу открыл Шукшина как писателя.

Помню, как, учась в девятом классе, впервые взял в библиотеке сборник рассказов Шукшина. Взял не случайно, слышал имя, может, какие-то фильмы

видел, но осознал, что такое Шукшин, именно по сборнику. Помню потрясение от прочтения в возрасте четырнадцати-пятнадцати лет.

Затем вышли на экран его фильмы. Сначала «Печки-лавочки». Потом «Калина красная» — вершина творчества Василия Шукшина как режиссера, сценариста, актера. Удивляет многогранность его таланта. Он ведь еще и театральные пьесы писал, и романы.

Потрясающей силы роман о Степане Разине «Я пришел дать вам волю». Фильм по нему Шукшин мечтал снять, начал подготовительную работу, но не успел осуществить замысел.

Недостаточно оценен роман Василия Макаровича «Любавины». Начатый еще до поступления автора во ВГИК, он стал «ученическим классом» и «мастерской писателя», в нем сделаны завязки многих его рассказов, сюжетов. Вместе с тем это самостоятельное, большое, высокохудожественное, доведенное до завершения упорным трудом произведение.

Когда говоришь, думаешь о таких людях, как Шукшин, возникают мысли: «Чем он берет за душу? Что в нем за тайна (сила), почему мы читаем и пересматриваем его книги, смотрим и пересматриваем фильмы?»

Видимо, дело в том, что такие творческие люди проговаривают, показывают то, что касается всех и каждого из нас. То, что является нашей сутью. Они говорят это так, как мы бы в душе хотели сказать сами. Эти люди — выразители нашего национального характера.

Лучшие из них, такие как Шукшин, не просто показывают, а берут на себя наши тяготы, наши беды. Не зря свои воспоминания о Шукшине Василий Иванович Белов назвал «Тяжесть креста». Именно тяжкий крест на себя добровольно взвалил Шукшин и потащил. Его давно с нами нет, а кажется, что и сегодня он тащит этот крест общих тягот. Сегодня нам живется хотя бы немного легче потому, что Василий Шукшин у нас есть... Он уже никуда из России, русского народа, русской культуры не уйдет. Навсегда с нами (нам бы этого не забывать!).

Шукшин родом из алтайского села, его отец участвовал в 1920-х годах в антисоветском восстании. После подавления восстания рядовых участников простили, но в 1930-е годы он был арестован и расстрелян (по другой версии — осужден за вредительство). Отчим, которого всегда тепло вспоминал Василий Макарович, погиб на войне.

Василий Белов писал в воспоминаниях: «Судьбы наши до смешного похожи. Велика ли разница — его отец репрессирован, мой погиб под Смоленском...»

Дальше и Белову, и Шукшину надо было выучиться, вырваться из деревни, пробиться среди житейски более успешных городских сверстников. Они ведь оба даже десятилетку после армии в вечерних школах оканчивали, по стройкам и заводам поработали. Действительно, очень похожи их судьбы.

Схожи судьбы миллионов русских деревенских ребят, чья судьба выдвигала с родной земли в города. Многие из них уезжали на комсомольские стройки, пропадали — спивались по заводским общагам или попадали в тюрьму, как герой Шукшина Егор Прокудин.

Шукшин и Белов, будто за всех этих ребят, не пропали, не спились, выжили и рассказали правду о русском человеке.

Есть у Шукшина сказка «До третьих петухов». Она была напечатана в журнале «Наш современник» после смерти Василия Макаровича. Дело там

происходит в библиотеке. Ночью книжные герои оживают. Герой русских сказок Иванушка-дурачок отправляется к мудрецу за справкой о том, что он умный. С полки за ним наблюдает Илья Муромец. Каждый раз, когда Иванушку хотят обмануть — то Баба-яга с дочерью, то Змей Горыныч, то черти, — Илья кричит ему: «Ванька, смотри!»

Это как наказ от Василия Макаровича: не верить нечисти. «Ванька, смотри! — предупреждает нас Шукшин своим творчеством, всей своей жизнью. — Не верь ворами и лжемудрецам...» Не только предупреждает, но и показывает, что нам грозит, где нас могут обмануть и как этому противостоять.

Как будто он сам за всех русских Иванушек-дурачков добывал «справку о том, что он умный», будто бы за всех русских Егоров Прокудиных принял на себя их горе, а потом и пулю от бандита Губошлепа.

Последний — вариант «мудреца», у которого Ванька справку выпрашивал. Он предлагает: «Ты мне, Ваня, спляши, а я тебе справочку дам». Ваня плачет, но пляшет. «Эх, дорого ты мне, справочка, даешься!» — приговаривает. В это время черти монастырь захватывают... Правдивая сказка!

Эти «мудрецы» и «губошлепы» деревенских Иванов и Егоров ни умными, ни ворами не считают. Егор Прокудин Любе говорит: «Никем не могу быть, только вором!» Но Люба чувствует сердцем, что он не вор, а просто несчастный, добрый и честный деревенский мужик, которого жестоко закрутила жизнь-судьба. Губошлеп его тоже вором не считает, он так и говорит после убийства: «Он человеком никогда не был, он мужик, а мужиков на Руси много». Но если для Любы, для ее брата и родителей «мужик» — высшее звание, то для Губошлепа это как бы не человек... И для «мудреца», у которого Иван справку просил, тоже...

Противостоять таким персонажам и учит нас Шукшин. Он показывает, что в этом противостоянии можно не обозлиться, не потерять душу живую (вспомните эпизод с матерью Егора), что на своей земле мы непобедимы. Там — в городах и за границах — нас обманут, обведут вокруг пальца. А на нашей земле что они могут, эти бесы?.. Губошлеп Егора убил от бессилия, страха и зависти. Потому что понял, что на земле его власть над Егором Прокудиным кончается.

Но это не значит, что эта нечисть уходит от возмездия. Брат Любы Петр ее настигает... Понятно, что его ждет тюрьма, но зло наказано, а человеком можно и в тюрьме оставаться. Петра Байкалова, который воевал и в немецком плену побывал, тюрьма не сломаёт уж точно...

Очень много сказал своим творчеством и фильмом «Калина красная» Василий Шукшин. Пусть не успел он снять фильм о Степане Разине — Разин уже есть в рассказах и в «Калине...» как символ свободы, воли-вольной. «Я пришел дать вам волю...» Вот и надо русским людям суметь эту волю взять, а при этом себя и других, как реальный Разин, не погубить. Этому нас тоже учит Шукшин.

Шукшинский Разин. О романе «Я пришел дать вам волю», неснятом фильме и Егоре Прокудине

«Я пришел дать вам волю» — роман стремительный, как просверк казачьей сабли на ударе. Чувствуется сценарная основа (роман и правда писался после сценария): зримые картины, «выхваченные» и «приближенные» колоритные лица... В главном герое — Степане Разине — чувствуется Шукшин. Краткие,

напряженные диалоги, динамичное действие говорят о том, что изначально это писалось для кино. Повредило ли роману, бог весть. Во всяком случае, сделало это произведение не похожим ни на какое другое.

До Шукшина в русской литературе о Разине было написано два романа: «Разин Степан» Алексея Чапыгина (1927 год) и «Степан Разин» Степана Злобина (1951 год). Романы добротные, подробно рассказывающие о жизненном и военном пути Разина. Истинная классика русской и советской литературы. Еще поэма Василия Каменского. У Пушкина есть «Песни о Стеньке Разине» — три песни на три известных сюжета, которые он, скорее всего, услышал в рассказах няни Арины Родионовны.

Первый сюжет — «поклон» Разина Волге несчастной персидской княжной:

...Как вскочил тут грозен Стенька Разин,
Подхватил персидскую царевну,
В волны бросил красную девицу,
Волге-матушке ею поклонился.

Второй сюжет — «дарение шубы» астраханскому воеводе. Третий — о морском походе в Персию.

Два первых сюжета использованы Шукшиным не просто как яркие эпизоды, а для развития сюжета романа. О морском походе упомянуто мельком. С возвращения из этого похода начинается роман. Какой соблазн для «киношника» — показать восточный колорит, морское сражение. Но Шукшину не нужны красивые картинки ради картинки

Вот картина казаков, переплывающих Дон, стоя на конях, занимала его. В романе об этом написано скупое, как о факте, а в сценарии описаны выплывающие из тумана пики, фигуры людей, лошади. Можно только представить, как завораживающе это выглядело бы и художественно работало бы на идею в кино. Или возьмем плывущие по Волге плоты с виселицами — страшная картина разгрома крестьянского восстания по причине ухода казаков с поля боя — личная трагедия Степана, итог его восстания.

Но фильма нет, а эти картины мы знаем по скупым строкам романа и воспоминаниям коллег Шукшина (он много говорил о будущем фильме).

Конечно, Шукшин читал романы Чапыгина и Злобина, поэму Каменского и стихи Пушкина, знакомился с историческими исследованиями. Бывал он в архивах и музеях — видел и читал все, что мог найти по разинской теме. Материала хватило бы на эпопею. А он создал короткий роман, отобрав или подогнав, додумав (без этого невозможно художественное произведение) то, что работает на него, Шукшина, идею.

Сюжетная линия произведения проведена еще в сценарии, но «думы» Степана появились уже в романе. В фильме про «думы» не расскажешь. Возможна их трансляция закадровым голосом, но это сильно тормозит действие. Шукшин вслед за сценарием написал роман потому, что ему хотелось показать фигуру и характер Степана наиболее полно. Хотя есть более прозаическая версия: роман написан для того, чтобы легче было пробить сценарий и фильм.

Шукшин отсекает детство и юность Степана, гибель старшего брата и начинает со столкновения в Астрахани по возвращении из похода «за зипунами» в

Персию. То есть с начала превращения казацкого похода и разбоев в крестьянскую войну.

В романе есть поход в Персию, детство и казнь брата, но ретроспективно, в памяти того Разина, который решил «дать волю». Это уже мысли и воспоминания казацкого (и шире — народного) вожака. Автор показывает не просто жизненный и боевой путь своего героя. Оформляется главная идея, вынесенная в заглавие (не «Конец Разина» — первоначальное название сценария, а «Я пришел дать вам волю»), идея борьбы с государством.

Все эти воспоминания в фильме передать было бы гораздо труднее, чем в романе.

Итак, идея романа и фильма — восстание человека против государственной машины. Восстание безнадежное. Да и правильна ли идея? Не случайно Василий Белов предлагал, чтобы царь в финале фильма сказал уже пойманному и привезенному в Москву Разину: «Садись на трон и попробуй править так, чтобы всем хорошо было, никого не обидеть...»

Видимо, государство необходимо для организации жизни общества. Доказательство этому и разинское восстание, в котором восставшие проявили меньшую жестокость, чем государство, восстание подавившее.

Все равно в народе, в его глубине, из которой вышел Василий Шукшин, тлеет заветная мечта о свободе, о воле вольной, воплотившейся в атамане и разбойнике Стеньке Разине. Не случайно едва ли не в детстве Шукшина захватила на всю жизнь эта личность. Вспомним рассказ «Стенька Разин» (о нем в другой главе); Пашку Колокольникова в фильме «Живет такой парень», напевающего «и за борт ее бросает»; Егора Прокудина, о котором старший Байкалов говорит: «Ишь, Стенька Разин выискался»... Разин и Есенин, пожалуй, самые заветные для Василия Шукшина фигуры в русской истории и литературе.

Каким был бы фильм, мы не знаем. Роман — интересная шукшинская интерпретация Разина.

Однако Егор Прокудин в «Калине красной» и есть шукшинский Разин. Он представляет собой даже более глубокий, более народный взгляд на народного бунтаря. В романе и несостоявшемся фильме Разин кается только глубоко внутри себя и все время ищет себе оправдания. На людях он остается казаком и вожаком до конца, до смерти на плахе. Егор Прокудин — это раскаявшийся разбойник, тоже традиционный в народной поэтике образ.

Таким образом, историческая судьба Степана Разина (а значит, сюжет романа и фильма) не давала Шукшину возможности до конца раскрыть тему его собственного, шукшинского, Разина.

Раскаявшийся разбойник (вспомните некрасовского Кудеяра; песню о нем в исполнении Шаляпина, рыдая, слушал Шукшин), вот кто такой Егор Прокудин — шукшинский Разин.

Романным Разиным и киношным Прокудиным Шукшин сказал нам всем: человек может и должен быть свободен. Для этого надо только почувствовать себя свободным. Свободным не от совести и стыда, а от власти, пленяющей не только тело, но и душу человека. Но за эту свободу надо быть готовым погибнуть. Как Степан Разин, как Егор Прокудин, как сам Василий Шукшин...

Душа болит (разговор с Шукшиным)

Бывает, хочется с человеком поговорить. Интересен он тебе, и хочется что-то спросить или даже поспорить. Ладно, если человек рядом — назначили время и место, встретились, поговорили. Если далеко — есть телефон или электронная почта. Хотя ни то ни другое не заменит радости живого общения. Но что, если хочется поговорить с тем, кого уже нет? Как бы хотел я поговорить с отцом, с братом...

Но, как говаривал Шукшин, — к делу (почему-то мне думается, что он так говаривал). Вот с ним-то я хотел бы поговорить сегодня. Есть у него статья «Вопросы самому себе», написанная после выхода на экраны фильма «Ваш сын и брат». Фильм старый, добрый, в чем-то наивный. Я бы не стал спрашивать его о фильме, я бы поговорил с ним о вопросах, которые он в статье себе (и мне) задает, о его наблюдениях и замечаниях. Но все, что мог, Шукшин уже сказал. Я не буду придумывать за него ответы на мои вопросы или его возражения на мои утверждения (хотя, мне кажется, представляю, что он мог бы сказать).

Вот Шукшин пишет: «Если экономист, знаток социальных явлений, с цифрами в руках докажет, что отток населения из деревни — процесс неизбежный, то он никогда не докажет, что он — безболезненный, лишенный драматизма».

О драматизме этого процесса писал сам Шукшин, Василий Белов и многие другие писатели. Массовый уход населения из деревень (зачастую не по своей воле) начался еще в 1930-х годах. На фабрики, прочие «городские» работы из села уходили и раньше. Еще Лев Толстой в своем «Воззвании» в 1889 году ставил риторический вопрос: «Может быть, так и должно быть, чтобы все больше и больше пустели деревни и наполнялись людьми города с их трактирами, борделями, ночлежными домами, больницами и воспитательными домами...»

Но Шукшин писал об оттоке деревенского населения в 1960—70-е годы. В чем особый драматизм и болезненность того, что в то время молодежь повалила из деревень в города? «Может быть, так и должно быть?..»

Отличие в том, что дореволюционные крестьяне в массе своей, подзаработав в городах, возвращались в деревню. Они верили, что дом их там, где их семьи, их род. Сильна была «власть земли». На заработанные деньги они лошадку в хозяйство прикупали, избу новую ставили. Тогда как в 1960-е на селе сильнее оказалась «власть асфальта». «Кажется, эти новые-то дороги наделали да автобусы пустили, чтобы побыстрее все уехали», — говорил один знакомый мне деревенский старик. Получив наконец паспорта, ринулись получать и все остальное, чего в деревенской своей жизни были лишены.

Казалось бы, посмотреть мир, получить образование — для молодого человека нормальное желание. Рубцов писал:

Когда ж повзрослеет в столице,
Посмотрит на жизнь за границей,
Тогда он оценит Николу,
Где кончил начальную школу.

Но многим, взглянувшем на городскую жизнь, уже некуда было вернуться. Пока в городе учился, деревеньку его родную признали «неперспективной», мать с отцом переехали на «центральную усадьбу». Чем «центральная усадьба» роднее города, где есть комнатешка в общежитии, а там, глядишь, и квартиру от завода выделяют?

Не дожил Шукшин до недолгого периода сельского благополучия в 1980-е годы. С богатыми колхозами, зажиточными колхозниками, фермами, работать на которых оставались целыми классами. Многие из оставшихся тогда работать на фермах девчонок сегодня говорят: «Вот дура была!» — и своих дочерей в город спроваживают. Чем-то смогли их тогда в деревне удержать? Сегодня сельское хозяйство в основном на тех пятидесятилетних людях и держится. На ком будет держаться через десять лет? На роботах? Да, Василий Макарович, появились в самых богатых, как теперь говорят, «успешных» колхозах и роботы. Но ведь чем больше роботов, тем меньше людей.

Но налицо и обратный процесс — возвращение в родные «неперспективные» деревеньки тех, что уехали в 1960—70-е годы. Возвращаются, плачут над сгнившими дедовскими избушками, обживают заново «лоскут отеческой земли». Некоторые насовсем в деревню уезжают. Правда, больше тех, кто живет в деревне в теплое время, огородной физзарядкой занимается, а зимует в городских квартирах. Но возвращаются они доживать. Доживающая деревня — не живая деревня. Заезжают и городские дети, внуки, звучит музыка, слышны веселые голоса, пахнет шашлыками. Но это иллюзия жизни. Деревня жива тогда, когда там пашут землю, доят коров, женятся и рожают детей, а не только обрабатывают свои огородики да ходят за грибами.

Кроме того, «возвращаются» чаще в деревни, до которых на рейсовом автобусе либо машине легко добраться можно. Поэтому для летнего жительства чаще не бывшую свою, а ту, что поудобнее расположена, деревеньку выбирают. В родную, которой, может, уже официально и нет, только поплакать ездят. Сколько написано о том, как вернулся «горожанин» в родную деревню, а ее нет, поплакал и... что дальше?

«Больно, когда на деревню вечерами наваливается нехорошая тишина: ни гармонь “никого не ищет”, ни песен не слышно... Не горят за рекой костры рыбаков, не бухают на заре торопливые выстрелы в островах и на озерах. Разъехались стрелки и певуны. Тревожно», — писал Шукшин в «Вопросах самому себе». Я застал такие деревни еще в детстве, в начале 1980-х. Я, городской, в деревню на каникулы приезжал, а в соседних домах еще жили мальчишки — мои ровесники. Была и молодежь двадцати-тридцати лет... В соседней большой деревне был клуб, в котором по выходным проходили танцы и случались драки. Но уже на моих глазах обезлюдела соседняя деревенька, превратившись в груды развалин, а молодежь поголовно мечтала о городской жизни. Теперь в той деревне, в которую я на каникулы ездил, уже никто не живет... В соседнем селе, где был клуб, кто-то еще живет, дачники туда ездят. А в другой большой деревне, куда мы когда-то «в магазин» бегали, уже никого. По данным Росстата, с 2002 по 2010 год деревень в России стало меньше на восемь с половиной тысяч. Еще около 20 000 деревень существуют только на бумаге, в действительности там никто не живет.

Там, где было, как Шукшин пишет, тревожно, ныне пусто и горько... А вот выстрелы бухают. В приватизированных (взятых в аренду лет на пятьдесят) бывшими и нынешними чиновниками и всемирно известными режиссерами охотничьих угодьях.

Это ведь только вблизи городов, вдоль больших дорог, да там, где есть дельный председатель колхоза (СХПК или ООО по-нынешнему) либо удачливый фермер (по сути, тот же председатель), вроде бы неплохо живут — пашут, доят, зарабатывают. Но все равно уезжают. Если пашут в основном местные мужики

(или приехавшие в успешный пригородный район из других районов области, где не осталось сельхозпредприятий и жить стало совсем невмоготу), то на фермах зачастую уже не только скотниками, но и доярками работают таджики или узбеки. Ребята из Средней Азии неплохо работают, но у них своя родина — туда они большую часть зарплаты отправляют, туда возвращаются. И не горько им оттого, что уехали из села, в котором они трудятся в местном СХПК, все выпускники прошлого года. Сколько вернется тех выпускников? Когда они вернуться? И к чему?

«Если уж ушел, то хоть помни, что оставил!» — восклицал в своей статье Василий Макарович. Ныне оставляют большей частью не лесные деревеньки (в тех давно не живут), а еще вполне живые поселки, где имеются Дом культуры, школа, телефон, телевизор и интернет почти в каждом доме. Рядом с панельными «городскими» коробками еще стоят настоящие избы, а за поселком — поля, луга, лес, речка или озеро, а вот за тем леском та самая «неперспективная» деревенька, где умирает дедовский дом с огородиком — «дача» сельского жителя из панельной коробки. Что бы там ни было — это родина. Другой не будет. В городе будет много чего: учеба в институте, ночные клубы, потом работа и семья и для нынешней молодой семьи, скорее всего, съемная квартира, многолетний хомут — ипотека. Леса и поля в городе нет. А как захочется, то туда — в лес и поле — приедет такой новоиспеченный горожанин, может, даже вполне успешный, в какое-нибудь начальство выбившийся, может, даже построит там дом и будет жить, а на работу в город ездить (так многие уже делают из тех, что побогаче), а все уже не то... Поля из-за забора да из окна быстрого автомобиля не увидишь, и в лес некогда выбраться... Выберешься по грибы — опять все не то... И только заболит непонятно отчего душа. Как в одном из рассказов Шукшина: «Душа болит? Хорошо, что болит, значит, она живая...»

...Грань между городом и деревней никогда не должна до конца стереться. Никакой это не агрогородок — деревня — даже в светлом будущем. Впрочем, если в это понятие «агрогородок» входит электричество, машины, водопровод, техникум и театр в райцентре, телефон и учреждения бытового обслуживания, пусть будет агрогородок. Но если в это понятие отнести легкость, с какой горожанин может поменять место работы и жительства, не надо агрогородка. Крестьянство должно быть потомственным. Некая патриархальность, когда она предполагает свежесть духовную и физическую, должна сохраняться в деревне. Позволительно будет спросить: а куда девать известный идиотизм, оберегая «некую патриархальность»? А никуда. Его не будет. Его нет. Духовная потребность в деревне никогда не была меньше, ниже, чем в городе. Там нет мещанства. Если молодежь тянется в город, то ведь не оттого, что в деревне есть нечего. Там меньше знают, меньше видели — да. Меньше всего объяснялась там истинная ценность искусства, литературы — да. Но это значит только, что это все надо делать — объяснять, рассказывать, учить. Причем учить, не разрушая в крестьянине его извечную любовь к земле. А кто разрушает? Разрушали... Парнишка из крестьянской семьи, кончая десятилетку, уже готов был быть ученым, конструктором, «большим» человеком и меньше всего готовился стать крестьянином. Да и теперь... И теперь, если он почему-либо остался в деревне, он чувствует себя обделенным. Тут старались в меру сил и кино, и литература, и школа.

Вот какую большую цитату из статьи Шукшина привел. Уж не знаю, как эти бывшие села и деревни называть — «поселки городского типа» или «агрогородки», но их много понастроили в 1980-е. Они и сегодня живут.

И все в них есть — и изрядно обветшавшие дома культуры, и школы. Нынешняя сельская молодежь знает и видит не меньше, чем их городские сверстники. Ценность искусства и литературы хорошие сельские учителя объясняют так же, как и городские. Однако с привитием «извечной любви к земле» дело обстоит хуже: несмотря на все блага цивилизации, в сельском хозяйстве работать скоро будет некому.

У нас ведь теперь, Василий Макарович, дело с защитой прав детей обстоит так, что их, например, уже нельзя привлечь в помощь колхозу на уборке картофеля. Да и не нужна такая помощь, где хозяйство на ногах крепко стоит. Там работает такая техника, что в 1970-е годы и не снилась. Нынче не только сельские девчата, но и их матери не знают, как корову доить, потому что не держат своих коров. Невыгодно. Молоко сдавать некуда. Молочные продукты легче купить в магазине, чем корову держать. Тогда как на производственных фермах работают доярки предпенсионного возраста, узбеки да роботы. Машину навоза для своего огорода тоже легче у хозяйства купить. «Крестьянство должно быть потомственным» — это верно. Но этих потомственных почти не осталось. Потомки крестьян есть, но «власть земли» утеряна. Сельские жители есть, но в массе своей они уже не крестьяне...

Это я, конечно, высказался слишком категорично. Сам себе и возражу: встречаются на сельхозпредприятиях молодые специалисты, молодые механизаторы и даже молодые доярки (мечтающие уехать в город и там выскочить замуж). И хватка крестьянская в мужиках осталась, и характер. Эта крестьянская хватка и характер и в городской жизни остаются, и даже по-новому, по-городскому себя реализуют. Хуже то, что эти хватка и характер уже не на родной земле применение находят.

Земля ждет, и она дождетсЯ детей своих, дождетсЯ сыновнего и дочернего отношения к себе. Почему я уверен в этом? Потому что иначе этим сыновьям и дочерям не прожить и не выжить. Потому что «города с их тракторами, борделями, ночлежными домами, больницами и воспитательными домами» переполнены, потому что детей становится страшно выпускать на улицы этих городов. Так пусть сначала вернутся они на огороды свои — лишь бы к земле, а земля, как добрая мать, подскажет, что делать да как жить дальше.

Поняло бы еще государство, что надо этому возвращению к земле помочь. Прежде всего поддержать тех, кто еще живет и трудится на селе. Иногда создается впечатление, что у нас государство относится к сельским труженикам, как Губошлеп из «Калины красной» к Егору Прокудину: «Он мужик. А мужиков на Руси много...»

Но оставим разговор о «государстве» для другого раза. Зато к «деятелям культуры» обращусь: хватит уже, насмотрелись мы «ментов», «понтов», «бешеных» и «меченых». Дайте в кино и в литературе образ нынешней живой России, которая пашет и сеет, радуется и плачет. Не переживайте: «рейтинги» будут и премии вас не обойдут. Только сделайте свою работу живо, честно и талантливо. А если не можете — так мы лучше с живущим в нашей душе Шукшиным поговорим. Хватит местным «культурным деятелям» устраивать по сельским клубам «фабрики звезд», где девочек учат себя вести «как в телевизоре»: сделай, как скажу, и будешь «звездой».

Дайте людям возможность спокойно жить и работать на своей земле. Праздники они сами себе устроят. Дайте только мужику продыху, а лучше не мешайте. Он продышится и куда надо пойдет.

Хотел с Шукшиным поговорить... А стал бы он-то говорить со мной? Много еще нам нужно жить, думать, страдать, чтобы услышать все, что он нам уже сказал, как он заранее ответил на наши вопросы.

Душа болит. Хорошо, что болит.

Рубцов и Шукшин — невстреча

Встречались ли Николай Рубцов и Василий Шукшин? Похоже, что нет. Хотя наверняка слышали друг о друге, читали друг друга, публиковались в одних и тех же журналах. Да и общий друг у них был хороший — Василий Белов. В вологодской квартире и в Тимонихе оба у него бывали. Оба любили Есенина. У обоих есть «молодые» стихи «под Есенина». «И разыгрались же кони в поле» у Шукшина, «Деревенские ночи» у Рубцова.

Настроение, может, и разное, но влияние Есенина ощутимо в обоих стихотворениях. Более у Рубцова не будет подражаний Есенину и никакому другому поэту. Повзрослев, Шукшин вовсе перестанет писать стихи. Но любовь к Есенину, потрясенность его судьбой останется с ними навсегда. В «Калине...» Шукшин читает стихотворение Есенина и «по-есенински» обнимает березку. Рубцов в стихотворении «Сергей Есенин» пишет:

...Это муза не прошлого дня.
С ней люблю, негодую и плачу.
Много значит она для меня,
Если сам я хоть что-нибудь значу.

Но это, так сказать, поэтические пересечения, пересечения во времени, но не в жизни.

Весной 1966 года Рубцов по приглашению друзей по Литинституту поехал на Алтай. Еще в Москве он сочинил экспромт:

Наше дело — правое,
Наши карты — козыри,
Наша смерть, наверное, —
На Телецком озере!

До Телецкого озера Рубцов не доехал, но в течение нескольких месяцев, что пробыл на Алтае по командировке журнала «Октябрь», много где пожил и побывал: в Барнауле, в Красногорском, в Горно-Алтайске. У Шукшина в марте 1963-го в этом же журнале состоялась первая серьезная публикация (до этого в журнале «Смена» в 1958 году публиковался рассказ «Двое на телеге»).

Дорога в Красногорское лежала через Сростки. Неужели Рубцов не заехал к Шукшину?

С этим вопросом я обратился к Леониду Вересову, который знает о Рубцове «все и немного больше».

— Точно не могу сказать. Вроде бы он заходил в дом Шукшина или только хотел зайти. Но Шукшина там не было в то время.

Шукшин, только в 1965-м решивший проблему проживания в Москве (получил крохотную кооперативную квартирку), дописывал и издавал роман

«Любавины», в 1966-м писал сценарий и снимал фильм «Ваш сын и брат»... Так они и не встретились...

Вопрос, ведал ли Рубцов о том, что Сростки — родина Шукшина? Знал ли, что поедет через Сростки? Алтайские друзья могли об этом и не сказать...

Тем более что стихотворение «Шумит Катунь», написанное тогда, позже посвящается Виктору Астафьеву. Оно появляется в книге «Душа хранит» в 1969 году. Как раз в это время Астафьев переезжает в Вологду. Если бы Рубцов знал о том, что Шукшин рос на Катунь, логичнее было бы посвятить это произведение ему. С другой стороны, они не были лично знакомы. В общем, вопросы остаются. А мы имеем то, что имеем: прекрасное стихотворение Николая Рубцова, посвященное сибиряку (но не алтайцу) Виктору Астафьеву.

Указан в самом стихотворении и месяц написания — июнь... Стихотворение строгое, стихотворение — взгляд в историю. Не случайно в книге «Душа хранит» оно стоит сразу после «Видений на холме». В одном стихотворении «тупой башмак скуластого Батяня» затмит «пустынный свет на звездных берегах», в другом «Чингисхана сумрачная тень / Над целым миром солнце затмевала». Рубцов неоднократно говорил о том, что хочет написать поэму о Чингисхане. Это стихотворение звучит как вступление к такой поэме.

Чуть раньше, в мае, он написал стихотворение о другой алтайской реке — Бии (ездили туда на рыбалку) — «Весна на берегу Бии». А в конце лета или в начале осени — стихотворение «В сибирской деревне».

Так они и не увиделись. Как следует из документов, еще одна встреча случилась бы неизбежно, если бы не смерть Николая Рубцова в «крещенские морозы» 1971 года. Вот что написал мне Леонид Вересов: «Есть интереснейший документ конца 1970 года за подписью Александра Романова о выделении путевки в дом творчества Дубулты на март 1971 года Н. Рубцову. Основание — личное заявление в Дом творчества писателей им. Яна Райниса г. Дубулты (Латвия) Н. М. Рубцова. Это лучший на тот момент всесоюзный Дом творчества писателей на Рижском взморье. <...> Эта поездка Рубцова в Дом творчества могла быть знаковой еще и потому, что в это время должен был приехать в новый корпус Дома творчества и Василий Макарович Шукшин»*.

Тут уж не жизнь, а сама смерть развела их. Но пути Господни неисповедимы.

Всё же встречались

Однако сама жизнь вносит поправки. Я получил сообщение в социальной сети «ВКонтакте» о том, что Василий Шукшин и Николай Рубцов были знакомы и встречались. Об одной из таких встреч поведал актер Сергей Никоненко. Потом и сам вспомнил: именно он рассказывал об этом, по-актерски мастерски, на творческой встрече в Вологодской областной библиотеке. Но почему-то я забыл...

Актерские байки не слишком надежный источник информации, но сейчас, перечитав еще и интервью (эту историю он рассказывал многократно зрителям и журналистам), я уверен, что так и было. Им было сложно не встретиться в

* Документ приведен в книге Леонида Вересова «Страницы жизни и творчества поэта Н. М. Рубцова» (2013), в разделе «Документы».

начале 1960-х (и очень сложно встретиться в конце 1960-х). Встречались, но, видимо, близко не сошлись.

Привожу рассказ Сергея Никоненко (кстати, блестяще сыгравшего Чудика в «Странных людях» в 1969 году):

Сейчас я вспоминаю свою молодость, какое это было удивительное, почти нереальное время. Можно было запросто оказаться за одним столом с будущими классиками. Со мной случилась такая история. Я снялся в киноэпопее у Сергея Бондарчука «Война и мир», сыграл молодого офицера, который прогнал Пьера Безухова с артиллерийской батареей. Снялся, заработал денег и вернулся в Москву. Первым, кого я встретил, был Вася Шукшин. Пошли мы с ним пообедать, выпили, само собой. Вася мне говорит: поехали в общежитие Литинститута, там будет читать свои стихи хороший поэт Коля Рубцов. А мне все равно: Коля Рубцов или Ляпкин-Тяпкин, эту фамилию я раньше не слышал. Но если Шукшин говорит, что хороший поэт, — надо ехать. Взяли еще бутылочку, чтобы поэта угостить, и в такси. В общежитии Литинститута собралась небольшая компания, я им в лицах рассказываю, как снимался у Бондарчука. За разговором мы эту бутылочку очень быстро уговорили. Тогда царским жестом я достаю из кармана «красненькую» — 10 рублей — и спрашиваю: мужики, кто пойдет за водкой? Вызывается брюнет, такой курчавенький, с чуть раскосыми глазами, высокими скулами... Говорит: «Сейчас все будет». Действительно, пять минут не прошло, а он уже добыл две бутылки водки. И пошел пир горой... Прошло лет двадцать. И вот однажды я встречаю писателя из Мурманска Бориса Романова.

«Помнишь, как ты к нам в общагу с Шукшиным приходил? — спрашивает он меня. — Коля Рубцов еще свои стихи читал. Ты тогда червонец достал, и мы все онемели. Бешеные деньги! А помнишь, кого ты за водкой послал? Это был Александр Вампилов!» Мне сейчас даже трудно поверить, что полвека назад в маленькой комнатке общежития Литинститута как-то вечером сидели за одним столом поэт Николай Рубцов, писатель Василий Шукшин, драматург Александр Вампилов и ваш покорный слуга. И пили водку.

Вот такая история... Исходя из этой истории понятно, что выпивали вместе, было... Но настоящей встречи не случилось, души не совпали, хотя мысли (или, скорее, думы), боль душевная были у них одной природы. И в судьбах их, как в судьбах Шукшина и Белова, было много общего: безотцовщина, военное детство, село, служба на флоте — у Рубцова на Северном, у Шукшина на Черноморском. Аттестаты о среднем образовании получали после срочной службы, в вечерней школе, оба поступили в институты с изрядным жизненным багажом за душой. Рубцов — типичнейший шукшинский чудик, то разбрасывающий деньги в ресторане, то выпивающий с портретами классиков литературы.

Если бы они сблизились, это бы неизбежно отразилось на творчестве. Однако ни Шукшин не говорил о Рубцове, ни Рубцов не упоминал его (в разговорах с Василием Беловым, например). Они были не больше чем знакомыми, приятелями... Внешняя сторона их жизни (в период 1960—70-х годов) была очень различна. Если в 1963 году они еще могли встретиться в общежитии Литинститута, то в 1965 году уже никак. По темпоритму они были абсолютно различны. Шукшин с его сумасшедшей скоростью жизни, многосторонностью, активностью — съемки, десятки рассказов в год, романы, сценарии, встречи, разговоры... И Рубцов — одиноко живущий в Вологде, выпивающий, казалось бы неторопливый. Это все чисто внешнее — внутри Рубцова шла такая же напряженная работа ума и духа.

Застань Рубцов Шукшина в Сростках (если только, повторюсь, он знал, что Шукшин живет там и действительно заходил к нему домой) — могла состояться дружба. Доживи Рубцов до марта 1971 года — встретились бы в Дубултах и тоже могли подружиться.

Однако в русской литературе они всегда рядом, в «русском космосе» — звезды в одном ряду с Беловым, с Вампиловым.

В местах прекрасных и строгих

Кто подсказал Шукшину Белозерск и окрестности как место съемок «Калины красной»? Почему Белозерск? Этого я так нигде и не узнал.

Киноповесть он написал, как всегда, стремительно, пока лежал в больнице с обострением язвенной болезни. И когда ему предложили прежде, чем приступить к съемкам фильма о Степане Разине, снять фильм о современности, сценарий уже был готов. Так же стремительно, в течение неполного 1973 года, фильм был снят.

Знал ли Шукшин о Белозерске? Возможно, кто-то подсказал ему, что в тех местах можно снять сцены про лагерь, ну и городок неподалеку.

Первая строка киноповести сообщает: «История эта началась в исправительно-трудовом лагере, севернее города Н., в местах прекрасных и строгих». Слова «места прекрасные и строгие» исчерпывающе описывают Белозерье. Русь изначальная и Россия лагерная соседствуют в этих местах. Когда он писал вышеприведенные строки, думал ли уже о Белозерье или потом так удачно все совпало?..

Мне доводилось бывать там. Много раз в самом Белозерске и однажды в деревне Карл Либкнехт на берегу Новозера, где рядом на острове Огненном находится страшный «Вологодский пятак» — ныне пожизненная зона (во времена Шукшина не было такой меры наказания). Я приехал туда со знакомым — сыном бывшего начальника зоны, при котором и проходили съемки «Калины...». Отца уже не было в живых. Мать приятеля, тоже в то время работавшая в зоне, охотно вспоминала Шукшина и съемки. Я уже немного помню из того, что она рассказывала, — давно было, лет около двадцати назад.

Шукшин, кажется, и жил у них, в этом самом доме.

— У нас долго хранился кусок пленки, которую Василий Макарович подарил на память.

— Какой пленки?

— Бракованной. Он, когда уезжал, сказал: «Ну, что бы вам оставить на память». Взял ножницы и отрезал кусок пленки. Пленка долго лежала, хранилась, только недавно пропала куда-то.

Характерный шукшинский поступок: «Что вам оставить на память?»

Потом я пошел к озеру. Видел и остров, точнее, два острова рядом — Огненный и Сладкий. У Александра Яшина есть рассказ «Сладкий остров», о том времени, когда там еще не было зоны, был только разрушенный, оскверненный монастырь. На Огненном когда-то был монастырь, а на Сладком — проходили воскресные ярмарки (отсюда и название).

Посмотрел я издали на стены в спиралях колючей проволоки, мостки от острова к берегу, по которым шел в своих знаменитых сапогах Шукшин-Прокудин. Перешел небольшую речку, впадающую в озеро, и поднялся на заросший высокими старыми елями холм. И не сразу заметил где заросший

холмик, где яму... Крестов не было, только деревянные пирамидки без имен, полусгнившие, упавшие, покосившиеся. Тюремное кладбище. Да — места прекрасные и строгие. Горькие, как та калина.

Смотришь фильм, и вот они — эти вышки, проволока, мостки; вот пролетает по шекснинскому водохранилищу «Заря» мимо торчащей, как перст божий, посреди водной глади колокольни; вот Белозерск — канал, улицы...

Много раз поднимался я на белозерский крепостной вал. И Шукшин поднимался на него, видел внутри стен большой, с огромным голубым куполом и четырьмя поменьше, храм (почти невидимый снаружи), а по другую сторону стен: распахнутую гладь озера, разбегающиеся улочки, церкви, колокольни. Не случайно он собирался снимать здесь отдельные эпизоды «Разина» («Я пришел дать вам волю»). Что тут скажешь — Русь корневая.

Белозерск — город поэтический. Из белозерских краев Сергей Викулов — поэт и редактор журнала «Наш современник», в котором печатался и Шукшин. Шла ли у них речь о том, что съемки будут в родных местах Викулова? Не исключено. Может, он даже и подсказал что-то. Сергей Орлов — прекрасный поэт, его стихотворение «Его зарыли в шар земной» (1944 г.) Шукшин вполне мог знать. Он мог и смотреть фильм «Жаворонок» (1964 г.), одним из авторов сценария которого также был Орлов. Василий Шукшин уже не мог знать стихи прекрасного поэта Леонида Беляева и тем более погибшего в девятнадцать лет в 1992 году гениального поэта Алексея Шадринова. Но они знали, что здесь снимал свою «Калину красную» Шукшин.

В деревне Садовой (на момент съемок деревня называлась Мериново), где проходила большая часть съемок, я не бывал. Но был на той переправе, где сняты последние, роковые кадры картины.

Было время золотой осени, красота, у дороги или чуть дальше, в поле, росли березы. Казалось, именно тут все и случилось, эти березы он обнимал, а под этими лег, приняв пулю. А вот переправа, на которой нагнал и покарал бандитов Петр Байкалов... Ничего особенного: прибрежные березки, вода, ветер... Строгая красота... Россия... Шукшин...

Шукшин и смерть

Трудно смириться со смертью Василия Шукшина в возрасте сорока пяти лет. Как мало он прожил... Если в некоторых случаях умом понимаешь: пусть человек недолго пожил, но главное в своей жизни совершил, — то в случае с Шукшиным это далеко не так. Все ждали от него (да и он от себя этого ждал, хотя, кажется, предчувствовал смерть) фильма о Разине и новой художественной прозы. Но не случилось.

Может, отсюда даже не намеки, а утверждения, что Шукшина убили. Даже называют фамилии или намекают на конкретных людей — исполнителей преступления.

Мое мнение по этому поводу такое: если у кого-то есть доказательства и обоснованные подозрения, требуйте нового расследования, эксгумации и так далее. Но бездоказательно обвинять пусть даже неприятных вам людей нельзя.

Насколько знаю, все настаивающие на версии убийства не были в момент смерти Шукшина на теплоходе «Дунай». Их «доказательства» основываются на том, что сказал или не сказал последний видевший Шукшина живым Георгий Бурков и другие люди.

Я понимаю нежелание мириться с ранней смертью нашего героя, понимаю, что Шукшин, с его характером, имел массу недоброжелателей. Но... зададим себе вопрос: «Кто мог так ненавидеть Шукшина, что пошел на его убийство?» Все эти мутные личности, на которых кивают защитники версии убийства, скорее кормились подле Шукшина, надеясь сняться в эпизоде фильма, получить место в съемочной группе. Второй вопрос: кто мог осуществить убийство якобы с использованием «инфарктного газа»? Только спецслужба. И только советская. Говорят, в руководстве страны боялись, что фильм о Разине поднимет народ на протесты. Вы это серьезно? Во-первых, можно было просто не дать снять фильм (а роман уже был написан и опубликован!). Во-вторых, вспомните середину 70-х годов прошлого века. Какие там народные протесты...

К сожалению, и для естественной смерти Василия Макаровича Шукшина причин было достаточно. Не надо быть медиком, чтобы понять, что он вел, мягко говоря, нездоровый образ жизни. Уже в начале 1960-х он пил очень много растворимого (баночного) кофе. Это вспоминают почти все, кто знал его в быту.

Кстати, когда мы, «простые люди из провинции», узнали о растворимом кофе? Я, например, в середине 1980-х. Банка из-под индийского кофе, привезенная из Москвы, долго стояла у нас в кухне. В Москве, в среде творческой интеллигенции, пить растворимый кофе считалось в порядке вещей.

Сложились вместе употребление в огромных количествах растворимого кофе; сигареты круглые сутки (за ночь, когда писал, выкуривал до двух пачек); постоянные недосыпы, нервные стрессы; тяжелейший писательский и режиссерский труд. По количеству написанного с Василием Шукшиным мог, пожалуй, соперничать только ранний Чехов, тоже не долгожитель. Последние шесть лет своей жизни Шукшин не пил спиртного. Но и без спиртного вышеперечисленного хватало, чтобы утверждать, что жил и работал он на износ — от больницы до больницы: то язва, то воспаление легких.

Сравним его фото 1961 года (например, кадры из фильма «Мишка, Серега и я» — крепкий, здоровый, сильный молодой мужчина) и фотографии 1973—1974 годов (о таких людях говорят: «в чем душа держится»). Еще чувствуется во взгляде, в желваках его внутренняя духовная сила. А физическая, увы... Только двенадцать лет прошло. Да, он ладен, крепок, энергичен, как требуется для роли Лопухина из фильма «Они сражались за Родину». Однако дается все это Шукшину уже с большим трудом. Напряжения съемок на Дону осенью 1974 года он не выдержал. Душа оставила изработанное тело...

Это мои личные мысли по поводу смерти Шукшина. Но и сам Василий Макарович много думал о таинстве смерти. Это проходит красной нитью через его произведения, включая «Как помирал старик», «Заревой дождь», «Сураз», «Залетный», «Калина красная» и многие другие. Он размышлял о смерти как итоге жизни. Значит, и о жизни...

Но его рассказ «Жил человек» говорит обо всем этом лучше, чем я смогу здесь написать.

От земли

Каждый писатель похож на свою родину. Внешне, и характером, и жизнью. Он как бы вбирает в себя характерные черты своих земляков, окружающей природы, пропускает их через себя и отражает в творчестве. У каждого настоящего писателя есть заветные слова о своей родине — рассказы, стихи.

Взять хотя бы писателя Василия Белова. Он невысок, коренаст и плотен, с чисто русским лицом, основателен, улыбается нечасто, но светло. И его родная Тимониha (даже названием своим, мягким, вековечно корневым, неуловимо похожая на Василия Белова) — «за тремя волоками», с основательными, на века строенными домами, с простором и тишиной. Заветный край крестьянского лада. Горький край русского разлада.

...Мне кажется, что я слышу, как растет на полях трава, я ощущаю каждую травинку, с маху сдергиваю пропотелые сапоги и босиком выбегаю на рыжий песчаный берег, снова стою над рекой и бросаю лесные шишки в синюю тугую воду, в эту прохладную русалочью постель, и смотрю, как расходятся и умирают водяные круги.

Тихая моя родина, ты все так же не даешь мне стареть и врачуешь душу своей зеленой тишиной! Но будет ли предел тишине!..

Или Александр Яшин. Высокий, прямой, с орлиным профилем. Он и правда похож на древнего орла, из тех, которые, возможно, жили тогда, когда Северные Увалы были настоящими горами, на высоких берегах реки Юг, где обустроил свое гнездо сам Яшин — избушку на Бобришном Угоре. И характер у него орлиный. Вспомните его стихотворение «Орел».

Это корневая крестьянская Русь, и это же начало пути к Ледовитому океану, по рекам к Урал-Камню. Но это же и путь на юг, к Волге, по которой бурлаком прошел его дед и на которой сам он воевал в 1943-м.

Положение на грани глубокого прошлого и будущего, на границе крестьянской пашни и пути в неизведанное отразилось на характере и творчестве Яшина. Он очень хорошо выразил зависимость поэта, писателя от его родины:

...Нехоженными кажутся леса,
Бездонными — озерные затоны,
Неслыханными — птичьи голоса,
Невиданными — каменные склоны.

Здесь, словно в сказке, каждая тропа
Вас к роднику выводит непременно.
Здесь каждая деревня так любя,
Как будто в ней красоты всей вселенной...

Белов и Яшин свой вечный покой нашли на родной земле: один — на деревенском кладбище, рядом с могилой матери, другой — на высоком Бобришном Угоре, среди сосен...

Автор деревенской прозы Федор Абрамов тоже лег на угоре, рядом со своим домом на берегу Пинеги, откуда как будто открывается, распахивается вся Русь. Разве он не отразил в своих романах и повестях характер своей родины, своих земляков: внешне спокойный, но кипящий внутри, готовый вспыхнуть за «свою веру», как Аввакум.

Николай Рубцов в стихотворении, посвященном Василию Белову, написал:

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои...

Его мать похоронена в городе, а пишет он о селе Никольском (Николе), приютившем его и еще сотню сирот... В этом тоже судьба. В Николе прошло его детство, сюда всю жизнь рвалась душа...

...О, сельские виды! О, дивное счастье родиться
В лугах, словно ангел, под куполом синих небес...

И именно там, в Николе, это чувствуется особенно. Однако ощущается и бездомность, и неустроенность. Поэтому в его стихах фигурируют Ленинград (Петербург), Москва и, конечно, Вологда.

За Вологду, землю родную,
Я снова стакан подниму!
И снова тебя поцелую,
И снова отправлюсь во мглу...
И пусть будет дождичек литься...
Пусть все это длится и длится!

А у Шукшина малая родина — Алтай. Смотришь на виды, щедро снятые и показанные нам в фильме «Печки-лавочки», и понимаешь, что только оттуда мог выйти этот русский мужик с восточными скулами, взрывным характером и безграничной любовью к этой земле и ее людям.

...И прекрасна моя родина — Алтай: как бываю там, так вроде поднимаюсь несколько к небесам. Горы, горы, а простор такой, что душу ломит. Какая-то редкая, первозданная красота. Описывать ее бесполезно, ею и надышаться-то нельзя: все мало, все смотрел бы и дышал бы этим простором. И не пугали меня никогда эти горы, хоть наверху на них — голо, снег... Мне милее пашня, но не ровная долина, а с увалами, с гривами, с откосами. Но и горы, и снег этот на вершинах, когда внизу зелено, — никогда чуждыми не были, а только еще милей и теплей здесь, внизу...

Да, всем им пришлось уйти со своих «малых родин», всем пришлось пробиваться в городах. И все они пробились!

Шукшина долго не отпускали Сростки. Абрамов с маху уехал в Ленинград и поступил в университет. Рубцов поехал из своего сельского детдома в Рижскую мореходку, не поступил (сказали: «Дистрофиков не берем»), но сначала умотал в «лесной техникум» в недалекую Тотьму, потом в Архангельск и дальше по миру, с заездами и в село Никольское... Белов с трудом, не с первого раза, ушел из деревни, помыкался в городах и поселках, но после армии с поста секретаря Грязовецкого райкома ВЛКСМ уезжает в Москву, поступает в Литинститут и приезжает в Вологду уже известным писателем.

Вася Шукшин (тогда еще по фамилии матери — Попов), однофамилец Александра Попова, известного нам ныне как Александр Яшин, тоже после окончания семилетки в 1943-м году едет в недалекий Бийск и поступает в автомобильный техникум. Но не смог окончить. Проучился полтора года и вернулся в Сростки. Можно представить, что по этому поводу говорили соседи, как переживала его мама.

Уже в 1946-м, уже Шукшиным, но еще с ударением на букву «у» (в 16 лет он получил паспорт на отцовскую фамилию), едет через всю страну, поступает

рабочим в какую-то ремонтную контору в Подмоскowie, работает слесарем. В 1949 году призывается на флот... Не дослужил, в 1953-м комиссовали, язва... Спустя семь лет вернулся обратно в родное село. Опять повод для пере-судов, мол, пошлялся и вернулся ни с чем.

Однако это был уже не тот подросток, что первый раз покинул отчий дом. За годы службы он сумел подготовиться и весной 1953 года сдал экстерном экзамен на аттестат о среднем образовании. Осенью этого года он уже работал в школе сельской молодежи, преподавал русский язык, литературу, историю и выполнял обязанности директора школы. Это достижение, вызванное не только нехваткой кадров, но и личными качествами Василия Шукшина. За неполный год он стал не только учителем и директором, но и делегатом районной комсомольской конференции. В районной газете выходят его статьи «Учиться никогда не поздно» и «Больше учащихся вечерних школ». Казалось бы, тут ему и за-держаться. Мир посмотрел, вернулся — где родился, там и пригодился. Время расти по комсомольско-партийной линии, авторитет у земляков зарабатывать. Но Василий Макарович Шукшин в двадцать пять лет вновь уезжает из Сросток в Москву и поступает во ВГИК... Не мог он еще раз вернуться на малую роди-ну ни с чем. Он вернулся победителем. Хотя еще долго недоумевали — кто же он? Учился вроде на режиссера, а в кино снимается как артист, а еще, говорят, в журналы пишет.

И только вырвался (сколько сил и нервов стоило получение прописки в Москве!), как малая родина обратно манит. И чем дальше, тем больше. Недаром Рубцов ценил свою Николу, Абрамов — Верколу, Белов — Тимонику, а Шукшин — Сростки.

Виктор Астафьев уже в серьезном возрасте, прожив в Вологде десять лет, возвращается в родную Овсянку. Не заменят ему вологодские леса сибирскую тайгу, а речка Кубена — Енисей. Но, повторюсь, чтобы оценить, надо было почти потерять.

Шукшин все пристальнее присматривается к тому, как организовал свою жизнь и работу Василий Белов.

Василий Иванович живет в Вологде и имеет дом в родной деревне. А ведь когда-то Белов уезжал из Тимоники с желанием никогда не возвращаться. Белов мог уехать на месяц в Тимонику и вернуться в Вологду с написанной повестью «Привычное дело». Мог просто уехать, чтобы отдохнуть от города. В Вологде он жил, здесь его ценили, печатали в местных газетах. Вологодский обком пар-тии вообще привечал писателей. Недаром после окончания Литинститута при-езжает в Вологду и получает квартиру Ольга Фокина. Здесь на долгое вре-мя обретает дом Виктор Астафьев. Становится Вологда домом и для Николая Рубцова.

Шукшин бывал у Белова в гостях в Вологде и Тимонихе. Даже просил по-добрать в Тимонихе или поблизости домик. Но по-настоящему, настойчиво зва-ла к себе родина, мать, сестра, земляки... Конечно, он знал, что «нет пророка в своем отечестве», что для многих земляков он «Васька», что кто-то завидует его славе. Пусть. Он бы сумел это пережить...

Он мог бы уехать насовсем, купить дом (и купил для матери), сесть за стол и спокойно писать. Ведь где только ему не приходилось писать — в гостини-цах, между съемками, на кухне, в тесном кабинете в своей маленькой квартире. Но для этого надо было бросить кино.

Он не раз говорил, что вот снимет «Разина», бросит кино и будет только писать. Смог бы так? Не знаю.

Может, подарил ему Господь то, о чем он просил в записи в рабочей тетради: «Когда буду помирать, если буду в сознании, в последний момент успею подумать о матери, о детях и о родине, которая живет во мне. Дороже у меня ничего нет».

Материнское сердце

«А вот мать моя... Дважды была замужем, дважды осталась вдовой. Первый раз овдовела в 22 года, второй раз в 31 год, весной 1942-го. Много сил, собственно, всю жизнь отдала детям. Теперь думает, что сын ее вышел в люди, большой человек в городе. Пусть так думает. Я у нее учился писать рассказы». Так писал Василий Шукшин о своей матери Марии Сергеевне.

Василий Белов тоже писал, что «Лад» — это то, что рассказала ему мама Анфиса Ивановна.

И тот, и другой сознательно преувеличивают роль матерей в их литературном развитии. Но в том, что их матери положили свои жизни ради детей, — не преувеличивают ничуть...

Не роди Мария Сергеевна Шукшина в 1929 году сына — не было бы писателя Шукшина.

Не остановись вовремя, когда, поддавшись слабости, пыталась отравиться угарным газом вместе с детьми, четырехлетним Васей и двухлетней Наташей (был такой эпизод после ареста и расстрела мужа в 1933 году), — не было бы писателя Шукшина.

Не «пластайся» потом всю жизнь, чтобы вывести детей в люди, — не было бы писателя Шукшина.

Не продай корову и не отдай деньги сыну на билет в Москву — не было бы писателя Шукшина.

Не верь она в то, что сына ждет большое будущее, — не было бы писателя Шукшина.

Не люби она сына больше жизни — не было бы писателя Шукшина...

А еще ей было дано пережить сына на пять лет, стать первой собирательницей и хранительницей его музея.

И Василий Макарович отвечал матери редкой сыновней любовью.

Василий Белов в воспоминаниях приводит такой эпизод: как-то приехали они с Шукшиным в Тимонику. Василий Белов сказал что-то своей маме Анфисе Ивановне, как показалось Шукшину, не слишком уважительным тоном. В это трудно поверить, потому что Белов к матери относился как редкий сын, это отмечали люди, это чувствуется в его произведениях. Чего стоит то, что мать пятерых малолетних детей Анфиса Ивановна Белова в 1942 году, после гибели на фронте мужа, купила (как писал в своей поэме Белов, «за полпуда ржи сыромолотной») гармонию — играй, Вася. И Вася играл... Может, потому все дети выжили, выросли и в люди вышли, что в голодной, глухой вологодской деревеньке, в которой погибли все ушедшие на фронт мужики, десятилетний Вася Белов играл на гармошке. Так вот, Шукшин, услышав что-то, как ему показалось,

неуважительное в словах друга, сказал: «Зря ты так с матерью. Помягче бы надо. Потом жалеть будешь». Белов на всю жизнь те слова запомнил.

Письма самого Шукшина полны самых теплых слов о матери. Запечатлел он маму в кино и строках — есть эпизод в «Печках-лавочках», циклы почти автобиографических рассказов «Сны матери» и документальных рассказов «Детские годы Ивана Попова». Перечитайте, например, рассказ «Далекие зимние вечера».

Вот последние его строки:

...После ужина Ванька стоит перед матерью и спит, свесив голову. Материны теплые руки поворачивают Ваньку: полоска клеенчатого сантиметра обвивает Ванькину грудь, шею — ему шьется новая рубаша. Сантиметр холодный — Ванька ежится. Потом Ванька лезет на полати и, едва коснувшись подушки, засыпает. Наташка тоже спит. В одной руке у нее зажат пельмень. В самый последний момент Ванька слышит стрекот швейной машинки — завтра он пойдет в школу в новой рубаше.

Все это он написал о себе, о сестре (которую тоже очень любил и всю свою жизнь помогал ей и племянникам), о маме.

Вообще слово «мать» для Шукшина свято. «Материнское сердце» — так называется один из его рассказов о беззаветной, пусть «неправильной», но святой любви матери к бестолковому сыну. И как образ всех матерей — старуха Куделиха из «Калины красной». Говорят, бабушка, которую он снял в роли матери Егора Прокудина, до смерти хранила фотографию Шукшина из журнала и говорила: «Приезжал сынок-то мой, приезжал... Не признался только...»

Матери Василия Шукшина, Марии Сергеевне, не позволили похоронить сына на родине. Так и лежат — он в Москве, она на Алтае. Василий Белов упокоился, по завещанию, рядом с матушкой на тихом и безлюдном деревенском погосте.

Низкий поклон Марии Сергеевне за сына. Он отдал себя, свой талант, свою любовь к матери всем нам. Пусть здесь будет одно письмо матери сыну от 15 апреля 1955 года, без пояснений.

Добрый день, сынок милый. Наверно замер в этот месяц, дитенок? Я немного задержала, ну, милый, немного пережить трудности, ничего не сделаешь. Это немного напутали на нашей почте, а то все шло регулярно. Ну, теперь опять направится. Вот числа, да в общем числа 25 опять получишь 200 рублей. Милый мой, замер наверно. Ну вот сегодня послала 200 рублей. Это сынок 15 апреля перевод телеграфом. Как по-доброму, надо получить числа 17, а не позднее. Ох ты господи, милые мои. Эту обеспечила полностью, думаю. Ну, милый мой, опять темно стает. Сейчас, сынок, я совсем одна осталась, кассира сократили. Хуже одной, тяжело очень даже. Ну, ничего, привыкну. Да, сынок, поздравляю с праздником Пасхой, хотя и вы не верите, но я верю. До свиданья, дитенок, дай бог здоровья. Я возмещала эти 300 рублей, ты должен об этом знать. Как, милый мой, здоровье сейчас, наверно подморился. Ой, прямо все сердце изболело. Скорей бы один остался на учении. Эта кончит, все будет одному доставаться. Тогда-то ты будешь сыт, дитенок мой. Темно стало. Ну вот, дома все хорошо, не беспокойся. Ну, целую. Мама. (Подлинник письма хранится в мемориальном музее-заповеднике В. М. Шукшина. — Д. Е.)

В жизнь вечную

Не дали похоронить на Алтае, в Сростках... Но в Москве похоронили на Новодевичьем кладбище, одном из самых престижных. Такое чиновничье признание Шукшина. Но на похоронах случилось, казалось бы, невозможное — народ отобрал у чиновников «право на Шукшина». Прощание стало всенародным. Говорят, в Волгограде, узнав о смерти любимого актера и писателя, люди устроили стихийное прощание с ним в аэропорту, чем задержали вылет самолета с телом. Даже если на самом деле было не совсем так, сами слухи есть подтверждение любви и уважения к писателю, режиссеру и актеру.

«Весть о внезапной шукшинской смерти застала меня в деревне. Жена по телефону сообщила об этом ужасном событии. Не очень хорошо запомнил я все последующие дни и часы. От горя из памяти выпали важные разговоры и встречи со значительными людьми. Не стало самого верного друга, и многое вообще потеряло значение!..» — писал много лет спустя после смерти и похорон Шукшина его верный друг Василий Белов в повести «Тяжесть креста». В этой же повести есть слова: «В Доме кино кинематографические бонзы хватали нарукавные повязки и суетливо сменялись у гроба нашего друга. Кто-то что-то делал, кто-то что-то говорил... Гроб завален был красными гроздьями. На Новодевичье приехало так много народу, что я с трудом сквозь густую толпу пробрался ближе к Макарычу. В давке пришлось пролезать под гробом... У Заболоцкого написано обо всем этом лучше, я же и сейчас не могу спокойно рассказать об этих похоронах...»

Уважаемый Шукшиным и Беловым Виктор Платонович Некрасов, автор романа «В окопах Сталинграда» и других замечательных произведений, в эмиграции во Франции вспоминал: «Похороны Шукшина вылились в некую демонстрацию. Очередь желающих проститься растянулась на несколько кварталов. Прилежащие улицы пришлось закрыть для движения. Люди прощались с любимым человеком. Я слышал, что вдова его получила несколько тысяч телеграмм. И это за книги. За правду...»

Таких свидетельств можно привести сотни... Многие откликнулись стихами, песнями (в том числе В. Высоцкий). Но я приведу здесь два стихотворения очень разных поэтов...

Андрей Вознесенский

Смерть Шукшина

*Хоронила Москва Шукшина,
хоронила художника, то есть
хоронила Москва мужика
и активную совесть.*

*Он лежал под цветами на треть,
недоступный отныне.
Он свою удивленную смерть
предсказал всенародно в картине.*

*В каждом городе он лежал
на отвесных российских простынках.*

Называлось не кинозал —
просто каждый пришел и простился.

Он сегодняшним дням — как двойник.
Когда зябко курил он чинарик,
так же зябла, подняв воротник,
вся страна в поездах и на нарах.

Он хозяйственно понимал
край как дом — где березы и хвойники.
Занавесить бы черным Байкал,
словно зеркало в доме покойника.

Ольга Фокина

Сибирь в осеннем золоте.
В Москве — шум шин.
В Москве, в Сибири, в Вологде
Дрожит и рвется в проводе:
«Шукишин... Шукишин...»
Под всхлипы трубки брошенной
Теряю твердь.
Да как она... да что ж она,
Ослепла, смерть?!
Что долго вокруг да около
Кружила — врет!
Взяла такого сокола,
Сразила влет!
Достала тайным ножиком!
(...Как те — в кино,
Где жил и умер тоже он
Не так давно...)
Ему ничто — припавшему
К теплу земли.
Но что же мы, но как же мы
Не сберегли,
Свидетели и зрители,
Нас сотни сот!
Не думали, не видели,
На что идет
Взваливший наши тяжести
На свой хребет...
Поклажистый?
Поклажистей —
Другого —
Нет.

Так уходил Василий Шукишин в жизнь вечную. И остался в вечности...

ИЗДАНО В СИБИРИ

ТОМСК

Епископ Григорий (Дурич). За порог / Перевод с сербского: Михаил Сердюк. — Томск: Изд-во «Гусеница», 2021. — 152 с.

Епископ Дюссельдорфский и Германский Григорий (Дурич), несомненно, входит в круг признанных боснийско-герцеговинских писателей. Балканские издатели отмечают, что своей прозой он продолжает лучшие традиции повествователей на сербском языке — от Петра Кочича до Иво Андрича, Мешы Селимовича и Зуко Джумхура. В сборнике рассказов «За порог», написанном в бытность автора епископом Захолмско-Герцеговинским и Приморским, он большей частью обращается к судьбам обычных «маленьких людей» своей вотчины конца бурного XX века.

Плавно и ненавязчиво повествуя о судьбах своих современников — об их несчастьях, недоразумениях и заблуждениях, о болезнях и бедах, трудах и скитаниях, — писатель умело выделяет самые светлые мгновения их жизни и обнаруживает самые ценные черты их характера. У российского читателя, несомненно, вызовут интерес и рассказы, прямо или косвенно затрагивающие события новой и новейшей истории многострадальной земли Боснии и Герцеговины. А своими доверительными рассуждениями о, казалось бы, далеких от духовности вещах — о мяче, о смехе, о поездках, о тревогах и беспокойствах, о море — владыка словно оживляет картину забытых или покинутых просторов своего родного края, опустошенного братоубийственной войной.

И красной нитью сквозь рассказы епископа Григория проходит мысль, когда-то высказанная великим Иво Андричем: «Самая высокая вершина, которую человеку дано перейти, — это порог его собственного дома».

Кубурович Зорица. Лекарство из персиковых листьев / Перевод с сербского: Михаил Сердюк. — Томск: Изд-во «Гусеница», 2021. — 176 с.

Это самая первая книга сербской писательницы Зорицы Кубурович, увидевшая свет в 1987 году. У себя на родине пережила уже 13 переизданий, переведена на польский язык.

На обложке белградского издания 2014 года написано, что это «книга о взрослении, на вечных истинах которой уже выросло несколько поколений, — руководство по взрослению для умных, любопытных, искренних девочек и мальчиков».

В странах бывшей Югославии эта добрая сказка уже давно стала классикой детской литературы, хотя ее с большой (и даже скорее большей) охотой читают и взрослые — гимназисты-старшеклассники, студенты и люди в возрасте.

Томский писатель Владимир Костин, лауреат Всероссийской литературной премии им. В. М. Шукшина, отозвался о книге так:

...Это книга сказок — таких сказок, которые предназначены и детям, и взрослым, подобно литературным сказкам немецких романтиков, Андерсена или Уайлда. Сказок, связанных с народной традицией не напрямую, но сосуществующих с ней в общем пафосе любви к Бытию, к Природе и ее чудесным, вертоградным переливам. Таким сказкам чужды «страшилки» фольклора как таковые, они чутки к историческому и моральному опыту новейшего времени. Они сочиняются для очищения и возвышения души читателя — может быть, забывшего, что в его жизни было детство со всеми его «вдруг».

Любенович Боян. Письма из Сербии / Перевод с сербского: Михаил Сердюк. — Томск: Изд-во «Гусеница», 2021. — 336 с.

«Прежде чем оказаться в некоей чужой стране, человеку первым делом стоило бы расспросить обо всех ее особенностях, чтобы не впасть в тяжёлые и непредвиденные неприятности. Если бы я это знал перед тем, как прибыть в Сербию, жизнь моя была бы значительно легче и проще». Так начинается одно из писем, которые непрерывно пишет своим родным некий неназванный иностранец, описывая свои впечатления от жизни в сегодняшней Сербии.

Когда мы желаем поближе познакомиться с какой-нибудь страной, мы прежде всего стремимся узнать не столько об особенностях ее экономики и политической системы, сколько о привычках, обычаях и эмоциональных реакциях ее народа. Ведь у людей, населяющих другие страны, несмотря на индивидуальность каждого, определенно есть некие общие национальные черты, как привлекательные, так и не очень, — они-то и вызывают наш неподдельный интерес.

Поэтому юмористические зарисовки о немцах, французах, англичанах и прочих нациях издавна востребованы читателями всех стран мира и, можно сказать, даже стали самостоятельным жанром. И читатели, разумеется, вовсе не ожидают от авторов таких книг серьезного научного подхода, а просто наслаждаются сочным языком и тонким юмором своих талантливых «гидов».

Но книга сербского сатирика Бояна Любеновича выбивается из рамок такого легкомысленно-развлекательного жанра, притягивая читателя не только авторской наблюдательностью и великолепным слогом, но и смелым образным осмыслением самых разных явлений из жизни страны и народа: здесь и политика, и этнография, и спорт, и культура, и любовь... В этих письмах условного иностранца обнаруживается взгляд человека здравомыслящего и остроумного, способного тонко подметить те или иные особенности вещей и явлений, над какими-то добродушно посмеяться, а иные и безжалостно высмеять. Российский читатель, помимо похожих событий новейшей истории, обязательно разглядит в этих письмах и еще кое-что знакомое: наблюдательность Чехова, язвительность Аверченко, грустную иронию Зоценко, обличительную резкость Ильфа и Петрова, негодующую горечь Салтыкова-Щедрина...

Сто с лишним «писем» Бояна Любеновича создают реалистичный портрет братской страны славянского мира, написанный неповторимыми красками резкой, сильной сатиры и доброго, щедрого юмора.

КЕМЕРОВО

Королев Андрей. Провожатый: рассказы. — Кемерово: Кузбасский центр искусств, 2022. — 180 с.

Сборник рассказов «Провожатый» — третья изданная книга прозаика Андрея Королева. В нее вошли 14 рассказов из трех циклов: «Гонки на троллейбусах», «Апокалипсо» и «Одиночество Неймара». Самый ранний датирован 1991 годом, самый поздний — 2021-м. А объединяет их не только тема встреч и расставаний, но и некое общее чувство осознания красоты и хрупкости любви, чувство горечи прощания и ценности прощения.

Сычева Юлия. Темные источники: стихи. — Кемерово: Кузбасский центр искусств, 2022. — 76 с.

В книгу «Темные источники» Юлии Сычевой вошли стихи разных лет, негромкие, камерные. Главная тема — женская дневниковая лирика с прорывающимися нотками ностальгии по детству, печали по ушедшим близким.

Бельмасов Алексей. Я живу на окраине Солнца: сборник стихотворений. — Кемерово: Принта, 2022. — 196 с.

В этой книге звезды пахнут сиренью, вода бессмертна, а в один прекрасный день кто-то просто гасит свет в чьей-то жизни. То, о чем так сложно писали со времен Сенеки, о чем спорили (и продолжают спорить) представители различных религий, занимало и Алексея Бельмасова. Город, жизнь, любовь, творчество — все это, конечно, тоже есть в книге, но автора мучил главный вопрос: чего ради? Чего ради, если все это когда-то закончится, оборвется внезапно на полуслове, если даже не знаешь сегодня, закончишь ли ты завтра эту строку?

Сливина Юлия. Неестественный отбор: стихи. — Кемерово: Кузбасский центр искусств, 2022. — 82 с.

Сборник стихотворений для всех и ни для кого в отдельности. О каждом — и ни о ком вообще. Для чего сегодня пишется поэтический текст? Не для человека, но во имя человека. Человека во всей его неправильности, со всем его стремлением (и невозможностью) летать, со всей его потребностью падать все ниже, чтобы потом подняться. Во имя человечности. Во имя добра (с кулаками) и света (в конце туннеля).

Бурмистров Борис. Расчехленное перо. — Кемерово: Вектор-принт, 2022. — 244 с.

Книга содержит публицистические статьи, опубликованные в региональных и центральных журналах начиная с 90-х годов. Споры, размышления о времени, о событиях в литературной жизни России, Кузбасса. Нелегкий, порой мучительный путь Б. Бурмистрова к правде характерен для поисков настоящей русской литературы. Во второй части книги — рецензии и отзывы о творчестве и жизненном пути Б. Бурмистрова.

Бурмистров Борис. Обретение: молитвенные строки: стихи. — Кемерово: Кузбасский центр искусств, 2022. — 92 с.

Обречь — значит найти и не растерять по дороге жизни то самое главное, самое ценное, что должно быть у человека, — любовь к миру, любовь к Богу. Обретение этой любви — высший смысл человеческой жизни. Обречь — не просто получить... Но отыскать во тьме Божий свет.

Инна КИМ

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

*Художник из Новокузнецка
Александр Гаврилов*

Александр Михайлович Гаврилов — график, живописец. Родился в 1955 году в городе Сталинске (нынешний Новокузнецк). Окончил Ярославское художественное училище, Омский педагогический институт. С 1981 года является участником городских, областных, межрегиональных, всероссийских, международных выставок. Произведения художника находятся в собраниях Томского областного художественного музея, Новокузнецкого художественного музея, Кемеровского областного музея изобразительного искусства, Уфимского республиканского художественного музея, а также в частных коллекциях любителей живописи в России и за рубежом.

Гавриловская усмешка

Гавриловская усмешка — над изображением, зрителем, собой, — она везде. Например, в похожем на врубелевского сидящего демона Минотавре, который грустно, но все-таки усмехается. Он и правда смешной, большеносый, с неопасными «няшными» рожками. Только сразу видно, что гавриловский Минотавр бесконечно устал от чересчур прытких тесеев!

Та же усмешка и в лукавой Еве, лениво грызущей яблочные тушки среди стрекоз и бабочек в тени библейского древа под богатырский храп послушного, как агнец, любимого Адама. И в нежных, дерзких, насмешливых линиях, становящихся красотой таких разных прекрасных женских тел. И в причудливом, живом, золотом избытии аппетитных «Ненатюрмортов», которые сам автор, улыбаясь, называет «плодофилией» — почти маниакальной любовью к плодам земли и воображения.

Здесь любая груша еще и женщина (мягкость, изгибы, рождающие желание ее съесть!), и жертва (нож как палач!), и даже сам художник.

— Что бы я ни изображал — груши, обнаженку, персонажей из Библии и мифов, пейзажи, зверушек, — это всегда в какой-то мере автопортреты, выражение моих мыслей, чувств, состояний, — признается художник.

По словам Александра, больше всего его самого в Минотавре и в Шуке:

— Она вся в блеснах, исцарапана, изорвана — а плывет!

И многочисленные гавриловские «Ненатюрморты», в которых груши, бананы, бутылки, даже вилки выглядят почти пугающе очеловеченными, — тоже он.

— Все, к чему мы прикасаемся, становится носителем нашей энергии, — объясняет художник. — Одно время я собирал вилки. Куплю, развешу — не

то, мертвы. А вот жеваные, с энергетикой — сами просятся в картину. Ножи, бутылки — троганные, раскрывавшиеся в тепле ладоней, помнящие ощущение губ — сами рождают образы.

Так, прозрачные бутылочные горлышки превращаются в хрупкие, беззащитные шеи. А нож, испачканный сладкой кровью взрезанной им груши, и сама груша становятся метафорой палача и его жертвы, зла и добра.

Родом из СССР

Александр Михайлович Гаврилов родился и вырос в СССР. А тогда если учили рисовать шарики-кубики, то со всеми положенными светотенями, а если — мягкую, нежную, круглую женскую «нюшку», то со всеми ямочками, бархатными шероховатостями и главной разделительной линией, указывающей на тайное тайных.

— Только с одним талантом можно всю жизнь просидеть, — считает художник. — Еще в детстве у меня были хорошие учителя, хорошие друзья — все «в художники пошли». Если это есть в тебе — добираться до сути вещей, куда-нибудь выберешься.

Окончившего учебу в художественном училище и педагогическом институте Александра в начале 1980-х распределили в художественную школу, расположенную в родном городе Новокузнецке. И за шесть лет он прошел путь до ее директора. Но в директорском кресле художнику оказалось неуютно. Он сбежал в Художественный фонд, а вскоре вступил в Союз художников.

— В общем-то хорошее, уверенное было время, — улыбается Александр. — И вдруг наступили девяностые, появилось ощущение, что всех бросили, кинули. Как щенков — плывите куда хотите и как хотите лапками гребите. А под горой сидит «серый волк»: надо работать, выставляться, что-то продавать, жить.

Тогдашние новосибирские музыканты из волны русского рока брали за концерты тушенку, шпроты, сгущенку. Интересно, у новокузнецких художников такое было — картины за еду? Наверное, тоже было. А кто посмелее — начал бизнесом заниматься.

Около 30 лет назад Александр Гаврилов набрал свой первый взрослый класс — желающих обучиться рисунку, композиции, гармонии цвета. К нему ходила очень интересная молодежь. Потом появилась галерея, где главной целью было не продавать, а собирать, сохранять, показывать. Увы, просуществовала она недолго.

— Открыть бы частную школу на Ильинке — там хорошо, есть простор, по которому сюда попадаешь из города, и есть ветер, небо, солнце, — мечтает художник. — Мне нравится набирать людей, делиться с ними тем, что имею. Если педагог сам не рисует, что он даст? Но я ведь тоже что-то беру от своих учеников — общение, эмоции.

Любимая женщина художника Гаврилова

— Проще или сложнее жить с человеком, устроенным похожим на тебя образом, не знаю. Я ведь не пробовал по-другому, — честно рассказывает Александр.

Уже больше 45 лет его и его жену, художницу Елену Гаврилову, связывает главное: понимание. Ведь она такая же, как он, тоже творец. Кстати, ее

мастерская уже десятки лет находится через тамбур от мастерской Александра Гаврилова.

— У Лены лучшая в городе акварель, узнаваемая в Сибири пастель, свой стиль, она образнее меня, — улыбается художник.

Любимая женщина художника Гаврилова родом из Северодвинска Архангельской области. Познакомился с ней Александр в художественном училище Ярославля, где они, совсем молодые, оба были захвачены творчеством. В общем, классика! Потом его призвали в армию, а ее после училища распределили в Ростов. Когда демобилизованный Александр за ней приехал, Елену уговаривали остаться и даже обещали Александру карьеру, лишь бы он ее не забирал!

Но, как жена декабриста, художница отправилась за художником в Сибирь. Поначалу ей в Новокузнецке после золота ростовских солнечных куполов с колокольнями, после чистого, свежего, северного ветра было серо и зябко. Но появился сын, а через четыре года дочь. Растила их Елена, на ней были дом и семья. Тогда как Александр мог закрыться на неделю в мастерской.

— Нам детей оставить было не с кем — так вдвоем с Леной и носили их по выставкам чуть ли не с самого рождения, — вспоминает Александр Гаврилов. — Сначала Андрей, потом Ольга ползали среди подрамников в мастерских. Немного подросли — таскал их с собой в тайгу. Могли зимой в пещере заночевать... Выросли! И до сих пор природу любят.

Как только дети начали вставать на крыло, Елена вступила в Союз художников.

— И столько в ней всего накопленного открылось, она такую философию выкручивает — мама дорогая! — восхищается художник.

Почему не уехал

— Новокузнецк — город тяжелый, давит, — делится Александр. — Здесь горизонт, куда ни оглянешься, везде зачеркнут многоэтажками, заводами. Будто и пространства нет — ни одного из трех его измерений, — и времени тоже. Оно потерялось, стало безликим, одинаковым вчера, сегодня и завтра. Просто точка, сгущенная до непредставимой плотности. Поэтому достаточно неуловимого движения, прикосновения, шороха, взгляда, чтобы рождались новые Вселенные.

Александр Гаврилов — редкая среди нынешних художников птица. За тучным пропитанием, манящим комфортом, капризной, легкомысленной славой далекого, заветно-обетованного чужеземья он, кажется, даже не стремился.

— Почему не уехал? А отсюда рукой подать до любого из чудес мира! Близость удивительная! Рядом матово-зеленая Катунь, разноцветный Кузнецкий Алатау, Горная Шория, Алтай — захватывающая воображение красота, до сих пор, слава богу, человеческими руками до конца не захватанная.

Художник любит бывать на реке Казыр. Хотя бы на две-три недели в году выбирается туда обязательно. Без этюдника, просто ходит, наслаждается горной природой, головой работает.

— Мне важно увидеть что-то кроме самих видов, какой-то пласт поглубже копнуть, — признается Александр. — Сделать очередной пейзаж, еще одну «красивую картинку» неинтересно. Нарисовал пруд — и что? Но если добавить к этому, первому, еще пять состояний — только не три, а то получится плоско,

какие-то времена года! — тогда появится не только пространство, но и время... Утро, луна, снег, осеннее солнце, прохлада, шорох — тот же пруд, но измеренный и живущий так же, как и ты.

Надо работать каждую минуту!

Нет, Александр Гаврилов вовсе не однотонный, не золотой, не карамельный. Есть у художника и жесткие серии: интернатовские дети, тревога, злые глаза. Но гавриловской радости — просто от бытия! — все-таки больше.

Он работает, пока не найдет, не подведет, не подсчет, не вытащит (Александр — заядлый рыбак, любит это рассветное дело!) нечто, что ему самому нравится. Отсюда разнообразие тем, техник, хотя все остается узнаваемо. Отсюда циклы, серии, затянувшиеся на годы, протяженные во времени. Например, 100 NU, где обнаженных уже несколько сотен, обильные «плодофилийные» «Ненатюрморты»...

Отсюда удачный поиск собственных «фишек». Те же женские изгибы груш или использование лака при изготовлении офортов. Ведь при этом вроде бы из ничего рождалась такая удивительная фактура, что было непростительно-грешно не выстроить из нее свои миры!

Казалось бы, нашел что-то пробуждающее любопытство и желание обладать — продавай, зарабатывай этим на жизнь. Но это скучно.

— Начинать всегда весело, — делится Александр. — Каждый раз думаешь: вот сейчас будет шедевр! А получается очередная картинка из числа таких же.

Вот они стоят на подрамниках, просто в углу — ждут, пока художник сам для себя придумает повод-«пиночек», чтобы закончить их чем-то неувовимо, но важно иным. Поэтому к одним и тем же темам, развивая их внутри, Александр возвращается через паузы на протяжении многих лет. Так появляется мудрость.

— А вот спокойствие не приходит. Свои слабости, недостатки знаешь, выворачиваешь их и с этим работаешь, — рассказывает Александр Гаврилов. — Теперь-то я понимаю, что художник только с сорока лет начинается, а до этого он не так уж и интересен. Зато можно всласть поискать себя, похулиганить. Почему бы этого не позволить себе сейчас? Единственное условие — пахать. Это не значит «красить» по картине-десять в день. Часто я просто обдумываю, примериваюсь, наброски делаю, чай пью... Но работаю каждую минуту!

АВТОРЫ НОМЕРА

Акулова Янга родилась в Омске. Окончила Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта, училась в Литературном институте им. Горького. Работает редактором компании Relod (российского представителя издательства Оксфордского университета). Публиковалась в «Литературной газете», журналах «Горожанка», «Cosmopolitan», «Юность». Автор нескольких романов. Живет в городе Сергиев Посад.

Аркинина Анна родилась в 1975 г. в Сургуте. Окончила Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, факультет иностранных языков и регионоведения. Поэт, радиоведущая. Публиковалась в «Литературной газете», журналах «Плавучий мост», «Этажи», «Москва», «Урал», «Южная звезда» и др. Автор четырех поэтических книг. Член Союза российских писателей. Живет в Москве.

Безукладникова Анна Владимировна родилась в 1987 г. в Кудымкаре Пермского края. По профессии юрист, работает в сфере образования. Ранее не публиковалась.

Голодяев Константин Артемович родился в 1962 г. во Владивостоке. Историк, краевед. Автор работ по истории города Новосибирска и Новосибирской области, региональной генеалогии, этнической истории региона, протогородской истории. Автор книги «Новосибирск “на ощупь”». Работает в Музее Новосибирска. Живет в Новосибирске.

Домрачева Ольга Николаевна родилась в 1971 г. в Куйбышеве Новосибирской области. По образованию бухгалтер. Победитель межрегионального конкурса на соискание премии им. И. Д. Рождественского (Красноярск, 2016), лауреат премии журнала «Сибирские огни» (2017). Живет в р. п. Большеречье Омской области.

Ермаков Дмитрий Анатольевич родился в 1969 г. Член Союза писателей России, автор 15 книг прозы и публикаций в таких изданиях, как «Литературная газета», «Наш современник», «Роман-газета», «Север». Лауреат литературной премии «Югра», обладатель Золотого диплома международного форума славянской культуры «Золотой витязь», финалист премии «Чистая книга» им. Федора Абрамова, лауреат премии им. А. Куприна «Гранатовый браслет». Живет в Вологде.

Ким Инна родилась в Осинниках. Окончила Новокузнецкий педагогический институт. Удостоена знака «Мастер» за вклад в журналистику. Неоднократно становилась лауреатом всероссийских и международных литературных и драматургических конкурсов. Публиковалась в ряде сборников прозы, журналах «Новая

юность», «Литература», «Огни Кузбасса», альманахах «Образ», «Кузнецкая крепость». Живет в Новокузнецке.

Королев Андрей Александрович родился в 1964 г. в Кемерове. Окончил филологический факультет Кемеровского государственного университета. Был профессиональным футболистом, более тридцати лет работал в газетах. Публиковался в журналах «Огни Кузбасса», «После 12», «Сибирские огни». Живет в Кемерове.

Левит Ирина Семеновна родилась в 1956 г. в Новосибирске. Окончила факультет журналистики Уральского государственного университета. Работала корреспондентом газеты «Советская Сибирь», главным редактором экономического еженедельника «Российская Азия», ведущей программы на радио «Вести ФМ», пресс-секретарем губернатора Новосибирской области, начальником управления информационной политики аэропорта «Толмачево». Автор более десяти романов и повестей, изданных в издательствах «ЭКСМО», «Молодая гвардия», «Новь», «Вече». Живет в Новосибирске.

Лузанов Олег Николаевич родился в 1964 г. в Курске. Окончил Ленинградское мореходное училище и Курский государственный технический университет. Пенсионер МВД, подполковник милиции. Публиковался в журналах «Подъем», «Сибирские огни», «Дальний Восток», «Приокские зори», «Невский альманах», «Родная Кубань», «Нижний Новгород», сборниках и альманахах. Лауреат ряда литературных конкурсов и премий. Автор нескольких сборников поэзии и прозы. Живет в Курске.

Ушаков Олег Александрович родился в 1990 году в Москве. В 2013 году окончил факультет журналистики Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). Работал журналистом-редактором в газете «Собеседник» и на телеканале ТВЦ, писал для интернет-портала Time Out. Сейчас работает редактором в университете «Синергия». Живет в Москве.

Ярцев Владимир Иванович (1945—2019) родился в с. Пильно Алтайского края. Окончил историко-филологический факультет Новосибирского государственного педагогического института. Работал учителем истории в школе, корреспондентом, редактором. Публиковался в журналах «Юность», «Сибирские огни», «Мангазея», «Дети Ра» и др. Автор книг стихотворений «Грустная память», «Над темной водой», «Ожидание в сумерках». Лауреат премии журнала «Дети Ра». Член Союза писателей России. Жил в Новосибирске.

МАГАЗИН

продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:

антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России, Администрация Новосибирской области.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:

630099, г. Новосибирск, ул. Чаплыгина, 25, тел. (383) 223-10-15

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»

630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

<http://книгосибирск.рф>

Сдано в набор 18.01.2023. Дата выхода № 2 за 2023 г. в свет 21.02.2023.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 11,84. Тираж 1500 экз.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.